ПУЛЬС

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

ВЫПУСК ТРЕТИЙ

МОСКВА
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1990

ББК 68.49(2)4
П88

Редактор *В. М. Галайко*

П88 Пульс: Военно-политический альманах. Третий выпуск./Сост. А. Б. Иванов. — М.: Воениздат, 1990. — 272 с.

ISBN 5—203—01060—9

Одной из важнейших примет современной общественной жизни является интерес к отечественной истории. Идя навстречу многочисленным пожеланиям читателей, редколлегия «Пульса» в основном посвящает третий выпуск альманаха проблемам военной истории, материалам, которые помогут ликвидировать некоторые белые пятна нашего прошлого, расскажут о героических делах наших предков.
Книга рассчитана на широкий круг читателей.

П $\frac{1305020000-172}{068(02)-90}$ 6—91 ББК 68.49(2)4

ISBN 5—203—01060—9

ПОЧЕМУ НАДО ЗНАТЬ ИСТОРИЮ

Быть может, тот, кто сейчас возьмет в руки этот сборник, когда-то смотрел старый фильм о Петре I и не забыл заключительные кадры этой глубоко патриотической, полной гордости за славное и героическое прошлое России ленты: сияющий Петр в праздничной толпе, ликующей по случаю победы русского оружия, озорно выспрашивает у одного старика — ровесника века:

— А отца моего, Алексея Михайловича, помнишь?

— Помню, — уверенно отвечает дед.

— А деда моего тоже помнишь?

— Не видал, но помню, — под смех толпы, чуть поколебавшись, отвечает царю дед.

Смех толпы вроде бы и понятен — ну и дед, не видел, а помнит. Да разве такое бывает? Но ведь в этом-то и суть памяти потомков. Не видеть — но знать. А что такое история, как не знание пройденного человечеством, страной, личностью пути. Их совесть.

Сейчас часто слышишь: «Мы не Иваны, не помнящие родства». Увы, так было далеко не всегда, да и сегодня пренебрежение к прошлому, стремление зачеркнуть, отринуть, извратить, на худой конец, умолчать и забыть отнюдь не изжито обществом. Почему-то нам проще все перечеркнуть, все сделанное для нас объявить ошибочным, разрушить и начать сначала. А что же это за зодчество без фундамента — надежно ли оно?

Можно сколько угодно насмехаться над английскими традициями, архаичными, до сих пор не отмененными законами, но нельзя не отдать дань уважения англичанам за их преклонение перед стариной. Ныне на Съезде, в Верховном Совете депутаты, столкнувшись с нелегкой проблемой, нередко вопрошают:

а как там у «них»? А у них там, оказывается, давно отрегулировано, проверено и функционирует без особых сбоев. А почему? Да просто прецедент был, и теперь по прецеденту вот уже более 200 лет и живут. А что такое 200-летний прецедент, как не испытанная временем традиция, проверенный опыт поколений, а наше парламентское неведение — элементарное незнание давно освоенного человечеством богатства демократической дискуссии.

Закономерный итог — от беспамятного Ивана, равнодушного к прошлому своей Родины, трудно ожидать заинтересованного отношения к строительству ее будущего.

Перестройка должна была, просто не могла не пробудить интерес у уснувшего было общества к отечественной истории. Он, этот интерес, поистине необычаен, приобрел прямо-таки массовый характер (хотя, может быть, это получившее широкое хождение утверждение не совсем корректно, ибо огромное количество публикаций на историческую тему вовсе не означает еще появления адекватного количества читающих).

И все же исторический бум не случаен. Гласность и демократизация освобождают историческую науку от пут тенденциозности и предвзятости, от заранее известных выводов и оценок, дают возможность по-новому взглянуть на, казалось бы, давно известные события, открыть новые имена, пролить свет на то, что замалчивалось и искажалось. Они распахнули двери архивов и спецхранов, где хранились недоступные для историков бесценные документы прошлых десятилетий.

Поток исторической информации, обрушившийся на читателя, часто не соответствует давно устоявшимся у него представлениям о путях развития Отечества, его лидерах, решениях, которые они принимали в наиболее ответственные, судьбоносные моменты. Конечно, до шока, пережитого страной после доклада Н. С. Хрущева на XX съезде партии, далеко, однако нельзя отрицать, что многие все чаще задают вопрос: так где же правда, а где ложь?

Знать правду необходимо, иначе трудно рассчитывать на правильную оценку как текущих событий, так

и отдельных эпизодов прошлого, связь с которыми остро ощущается и современным поколением советских людей. Знать ее необходимо и потому, что в своей массе мы весьма поверхностно, если не сказать больше, знаем историю своей собственной Родины. Как, впрочем, и историю армии — не только русской (свое невежество тут хоть как-то можно оправдать давностью веков), но и Красной, Советской. Отсюда и неумение подчас аргументированно ответить на участившиеся в последнее время нападки на армию, представить ее как какую-то дробилку, в которой перемалываются лучшие умы Отечества, правда, еще не успевшие проявить свои недюжинные способности, но уже и напрочь лишенные такой возможности после знакомства с военным строем.

Военная история заслуживает особого разговора. Как тут не вспомнить расхожий лозунг «Страна должна знать своих героев», оказавшийся на поверку если не откровенно лживым, то явно фарисейским. Теперь мы хорошо знаем истинных героев, цвет Красной Армии, знаем и тех, кто незаслуженно многие годы купался в лучах славы. Знаем, что слишком многое в военной истории извращено, опорочено, ошельмовано и забыто. Слишком много было славословий и слишком мало горькой правды.

Откровенно говоря, нашей военной истории, которая только начинает свой долгий путь по дороге гласности и открытости, предстоит вернуть народу многие долги. Это, конечно, не означает, что не было раньше честных и объективных исследований, но все же значительная часть военно-исторических работ страдала шаблоном, недосказанностью, являясь воплощением указаний свыше. И это не могло не отразиться на отношении к ним читателей. Как, например, складывалась судьба военно-мемуарной литературы? Поначалу необыкновенный всплеск читательского интереса, мемуары героев Великой Отечественной войны, едва появившись в продаже, мгновенно исчезали с прилавков магазинов, очереди страждущих в библиотеках растягивались на многие месяцы. Но как только читатель разобрался, что память мемуаристов почему-то весьма избирательна, практически не несет личного отпечатка, преклоняясь перед официальной версией

известных событий и лишь уточняя ее в каких-то незначительных деталях, как только читатель утвердился во мнении, что все мемуары написаны как бы одной рукой, спрос на эти произведения резко упал.

И не нужно было терзаться в поисках ответа на вопрос «Что происходит?». Он лежал на поверхности — безликая, отлакированная история не внушала доверия.

Повторюсь еще раз — мы еще только в начале захватывающего пути открытий. И тем важнее, чтобы обретая подлинную историю и отказываясь от той, которая слагается из легенд, расширить поиск свидетелей — непосредственных участников событий, рядовых исполнителей небольших и, на первый взгляд, не очень ответственных поручений.

Мы всегда любили порассуждать о важности военно-патриотического воспитания. Спору нет, значимость этой работы трудно переоценить. Сделано здесь немало полезного, и все же не секрет, что отдача от вложенных усилий не приносит полного удовлетворения. Конечно, привычно кивают на формализм и казенщину, мол, они убивают живую душу благородного и полезного дела. Согласен, не без того. Но разве можно воспитать патриота в условиях исторической безграмотности, равнодушия к истории Родины вообще и армии, в частности?

Не буду утверждать, что истинным патриотом может быть только тот, кто хорошо знает историю своей страны. В конце концов, годы войны принесли нам немало примеров высокого патриотизма, носителями которого были люди далекие от глубоких исторических знаний. Истоки патриотизма в военные годы — отдельная тема. Однако знание прошлого своей страны укрепляет человека в его убежденности и вере в высокое предназначение Отечества, делает из ура-патриота патриота-реалиста, трезво оценивающего уроки пройденного, а не просто повторяющего пропагандистские штампы, патриота, который видит дело своей жизни в том, чтобы потомкам досталась лучшая доля.

Люди сейчас расправляют плечи, обретают крылья, больше задумываются над историческим путем наро-

дов нашей необъятной страны. Помните у А. С. Пушкина:

> Минувшее проходит предо мною.
> Давно ль оно неслось, событий полно,
> Волнуяся, как море-окиян?

Ныне драматические дни минувшего вновь плывут по волне нашей памяти, отгремевшие события снова наполняют наше сознание. Не будем приукрашивать или очернять их. Пусть неизвестное станет известным, далекое — близким, пусть вновь заговорят предки и живые свидетели в назидание современникам и будущим поколениям.

Полковник *И. НЕЧАЕВ*,
кандидат исторических наук

ЛИЧНО ПРИЧАСТНЫ

Отечественный офицерский корпус и общественный прогресс

Хрестоматийная ясность ленинской классификации революционно - освободительного движения в России вошла в наше сознание со школьной скамьи. Дворянский, разночинский, пролетарский этапы борьбы за справедливое, достойное человека переустройство общества. Давший название первому этапу — дворянский — с полным основанием можно именовать офицерским. Перелистайте биографии первых российских революционеров, и легко убедитесь в этом. Из 579 декабристов 456 принадлежали к офицерскому корпусу (то есть практически 80 процентов восставших).

Первенцы свободы вступились за поруганное, угнетенное «внутренним татарским игом» (крепостным правом) Отечество. В эпистолярном наследии декабристов часто встречаются мысли, созвучные откровению офицера-артиллериста Петра Борисова, руководителя Общества соединенных славян: «Причина, побудившая нас к делу, — угнетение народа».

В научной литературе предметно рассмотрены достижения и недостатки первого вооруженного выступления против самодержавия. Нет нужды повторять их. Однако один момент напомним. Офицеры-первопроходцы, костяк восставших, привнесли в освободительное движение значительную по тому времени политическую культуру и военный профессионализм. В программных документах тайных обществ наряду с политическими преобразованиями намечались военные реформы, призванные закрепить превосходство передовой по тому времени отечественной военной мысли, дабы отбить впредь охоту у всех наполеонов посягать на российские пределы. Особенно рельефно выделяется это своеобразие в «Русской Правде», проекте, принадлежавшем перу полковника, командира Вятского пехотного полка Павла Ивановича Пестеля. Автор одно-

го из первых в истории государства конституционных уложений предлагал не только закрепить победу революционного переворота провозглашением республики во главе с Временным правительством, но и одновременно намечал контуры правительственной программы обновления армии, осуществляемой в течение 10—15 лет...

Как ни парадоксально на первый взгляд покажется, но именно рукой военных, добавьте сюда Конституцию капитана Никиты Муравьева, написаны первые демократические манифесты, дарующие гражданам широкие политические права и свободы.

О последнем обстоятельстве мне особенно приятно напомнить тем современным публицистам, которые стращают общественность зреющим-де в среде военных заговором против дарованных перестройкой гласности и демократии, якобы чуждых природе Советской Армии. Не витийствуйте, пророки. Лучше повнимательнее присмотритесь к своим, носящим погоны, согражданам. Если они и мечтают о реставрации диктатуры, то единственной — диктатуры совести.

Кстати, лучшая часть русского офицерства, даже не принадлежавшая к политическим организациям, не была чужда демократии, товарищества, гуманизма. Любопытный штрих: командир отдельного Кавказского корпуса генерал А. Ермолов в приказах обращался к солдатам со словом «товарищи». Его приказ от 1 января 1820 года, в котором он назвал солдат товарищами, привел в восторг офицерскую молодежь. «Мы беспрестанно читали, повторяли этот приказ и вскоре знали его наизусть», — писал один из «ермоловцев».

Начальник 16-й пехотной дивизии, будущий декабрист, генерал-майор М. Ф. Орлов в приказе от 3 августа 1820 года писал: «Я сам почитаю себе честного солдата и другом, и братом».

Помимо предписанных патриотическим долгом, ратными уставами военных жертв офицерский корпус клал на «алтарь Отечества» знания, опыт, исследовательский талант, подвижническую, созидательную энергию. Идейно-теоретическое наследие передового отряда военной интеллигенции весьма значительно. К примеру, научные интересы офицеров-декабристов распространялись на историю и этнографию, философию и политическую экономию, педагогику и психологию, мораль и право, они преуспели в точных и естественных отраслях знаний.

Первый декабрист, как называли современники майора

Владимира Раевского, достиг известных высот в общественном мнении не только своим гражданским мужеством, но и талантливыми сочинениями обществоведческого профиля. Крупные работы его «О рабстве крестьян», «О солдате» представляли собой оригинальные социологические исследования. Дар литератора служил прогрессу и «во глубине сибирских руд». Страстные, гневные стихи и статьи Владимира Федосеевича, направленные против произвола местных властей, печатал в «Колоколе» А. Герцен.

Заметное место среди исторических исследований принадлежит, к сожалению, незавершенному сочинению капитан-лейтенанта Н. А. Бестужева «Опыт истории российского флота».

Вопреки невзгодам сибирского заточения блестяще потрудился Павел Фомич Дунцов-Выгодовский, единственный декабрист-крестьянин. Вспоминая о нем, мы не отклоняемся от темы. К судьбе этого самородка офицеры имеют самое непосредственное отношение. Под влиянием их агитации Павел вступил в Общество соединенных славян, под их влиянием сформировались научные взгляды декабриста. Каторга, стершая сословную грань между крестьянином и его товарищами-офицерами, оказалась весьма плодотворным этапом творческой жизни. Наследие Павла Фомича, по мнению писателя В. Чивилихина, частично утраченное, составляет 10 764 машинописные страницы... Разделы трактата «О свободе свободных», «О происхождении вселенной», «О политических изгнанниках», думается, представляют не только исторический интерес.

Ряд примеров научного, политического подвижничества офицеров-декабристов можно продлить. Ведь групповой портрет движения велик, многообразен, но и без того понятно, что первые революционеры значительно опережали свое время, словом и делом подвигая общественный прогресс.

Искра, взметнувшаяся от костра декабристов-каторжан, не потонула в бездонном российском небе. Она зажгла свечи народников, бдящих над текстом прокламаций для крестьян; воспламенила керосинки подпольных типографий, печатающих большевистские издания...

Самые нетерпеливые из присягнувших свободе, страстно желавшие добыть народу «землю и волю», предпочли теоретическим изысканиям и социальным трактатам бунт. В 60-х годах XIX века талант профессиональных военных вновь послужил демократической России. В конце 1862

года в Петербурге возникает «Русский центральный народный комитет», возглавлявший тайную революционную организацию, которая стала называться «Земля и воля». Отделения ее создаются в Москве (до 400 членов), в Саратове, Казани, Нижнем Новгороде, Перми, Астрахани, Туле, Полтаве и других городах, куда входили и офицеры местных гарнизонов. Более того, им принадлежала инициатива образования таких групп. Так, одной из организаций «Земля и воля», находившейся в Польше, руководил русский офицер А. Потебня. Программа «Земли и воли» включала требование созыва народного собрания и установления демократического республиканского строя, широкого самоуправления по областям, равноправия женщин. Выдвигалось требование передачи крестьянам всей земли и «объединения городского и сельского быта в общины». Деятельность «Земли и воли» выразилась в издании и распространении революционной литературы, печатавшейся в Вольной русской типографии Герцена, в тайных типографиях общества (вышло два номера печатного органа «Свобода»). Организация помогала ссыльным, содействовала побегам революционеров из тюрем...

Когда вспыхнуло национально-освободительное восстание в Польше (1863—1864 гг.), Центральный комитет «Земли и воли» обратился с воззванием «К русским офицерам и солдатам» — не вести борьбы с поляками. Подпоручик Андрей Афанасьевич Потебня одним из первых отозвался на призыв комитета. Вместе с небольшим отрядом солдат-единомышленников перешел на сторону восставших. Сражаясь за независимую Польшу, в то время царскую провинцию, пал от пули карателей.

Примерно в то же время из Литвы по каналам жандармского сыска пришло донесение о казни «злейшего врага престола», бывшего капитана российского Генштаба, организатора петербургского революционного кружка офицеров, сотрудника злонамеренных изданий «Колокол» и «Современник» Зыгмунта Сераковского...

Незадолго до этих событий царская охранка напала на след одного из руководителей Комитета русских офицеров в Польше Ярослава Домбровского и арестовала его. Он совершает дерзкий побег. Товарищи переправляют его во Францию, где Ярослав принял командование над вооруженными силами Парижской коммуны. Тридцатипятилетний генерал-интернационалист в схватке с версальцами

погибает, разделив трагическую судьбу коммунаров.

Тысячу раз прав А. Герцен, утверждавший, что личность есть «живая сила, могучее бродило, действие которого не всегда уничтожается даже смертью». Образцы нетрадиционного для офицерства самопожертвования (не на поле брани, за царя, а во имя справедливого социального устройства государства) со времен декабристов перестали быть исключением в российской армии и на флоте. Практически все крупные политические процессы 80-х годов над разночинцами вырывали из строя отзывчивых на народные беды офицеров.

«Процесс 20-ти» (1882 г.) оставил кровавую мету на флотском экипаже. По приговору суда в Кронштадте расстреляли лейтенанта Николая Евгеньевича Суханова, члена исполкома «Народной воли», руководителя ее военной организации.

«Процесс 14-ти» (1884 г.) закончился смертной казнью одного из инициаторов «хождения в народ», поручика Николая Михайловича Рогачева. А к его брату, Дмитрию Михайловичу, бывшему артиллерийскому офицеру — «процесс 193-х» (1887—1888 гг.) — правосудие проявило «снисхождение» — 10 лет каторги...

Царский суд не только казнил, случалось, миловал: лишая всех имущественных и сословных прав, срывал погоны, разжаловал в рядовые. А казарма в России, как писал В. И. Ленин, была сплошь да рядом хуже всякой тюрьмы, нигде так не давили и не угнетали личности, как в казарме. У опальных офицеров, обреченных на забвение, небогатый выбор: либо медленное и мучительное угасание на задворках империи, либо мгновенная — от шальной пули, сабельного удара — смерть в действующей армии.

Несколько позднее, на третьем, пролетарском периоде освободительного движения, мартиролог революционной России пополнят потомственный офицер Антон Антонович Костюшко-Волюжанич, выпускник Михайловского артиллерийского училища Евгении Львович Коханский, легендарный Петр Петрович Шмидт, кондуктор (младший офицер) с «Очакова» Сергей Петрович Частник. В письме, отправленном незадолго перед расстрелом товарищам севастопольцам, есть пожелание. «Ни один честный офицер или вообще начальник не станет теперь поддерживать правительство, так как оно из-за своей личной выгоды залило кровью русскую землю и приводит нашу страну к явной гибели...

Мой предсмертный совет вам, дорогие сослуживцы: по-

могите несчастному русскому народу добыть лучшую долю».

Единомышленники последовали совету Сергея. Идею противления социальному злу силой накануне Октября уже разделяли тысячи офицеров-патриотов. Почва для этого была подготовлена не только «гнусной действительностью» смутного времени, кровавой мировой войной, но и умелой агитационно - пропагандистской работой большевиков. Революционная практика масс освещалась уже научной теорией, которой так недоставало предшествующим освободительным волнам, осуществлялась все более сознательно, целенаправленно и организованно.

Армия к решающему штурму самодержавия была более чем наполовину большевистской. В. И. Ленин придавал этому фактору огромное значение, поставив революционные силы армии вслед за пролетариатом на второе место в ряду условий победы большевизма. Сотрудничество офицерского корпуса старой русской армии с Советской властью как в роли военных консультантов, экспертов и инструкторов, так и в непосредственном руководстве боевыми действиями против сил внутренней контрреволюции началось с первых дней ее существования. Как профессионалы, они отчетливо понимали, что без их вмешательства Отечество под напором реакционных сил может стать жертвой анархического бунта, диктатуры военщины, торжества антинародного режима. И выбор был сделан. В день восстания в 12 часов 50 минут из Финляндии в столицу пришла телеграмма от исполняющего должность начальника 106-й пехотной дивизии Генерального штаба полковника М. С. Свечникова, члена партии большевиков с мая 1917 года, в которой говорилось, что «вся дивизия во главе с командным составом готова во всякое время выступить на защиту Советов и стоять на страже демократии». И это были не пустые слова. Когда против молодой республики началась интервенция, на воззвание Совнаркома «Социалистическое отечество в опасности!» откликнулись более 8 тысяч бывших генералов и преимущественно кадровых офицеров, которые заняли должности не только инструкторов и консультантов, но и строевых командиров. А всего, как утверждает ученый А. Кавтарадзе, в 1918—1920 годах в рядах Красной Армии воевало около 75 тысяч военспецов. Даже непродолжительный экскурс в историю революционного движения позволяет утверждать лучшая, патриотичес-

кая часть офицерского корпуса России, исповедующая идеалы гуманизма, уважающая общечеловеческие ценности, способствовала социальному прогрессу. Выходцы из дворян и разночинцев, пролетарских слоев общества, они с честью служили родине Октября, своим трудом и талантом способствовали превращению Советского Союза в одно из государств в мире, которое сегодня, несомненно, определяет исторические судьбы человечества.

В речи на Всесоюзном студенческом форуме М. С. Горбачев, окидывая ретроспективным взглядом семь последних десятилетий социалистического строительства, отметил, что «в мировом общественном мнении содержится признание весомости нашего вклада, и он не сводится только к военно-стратегическим аспектам. За этим стоят экономическая и научно-техническая мощь нашей страны, социальное развитие, новаторство, политическое влияние на процессы, происходящие в мире. Это необходимо знать и должным образом оценивать».

Понятно, что результирующая величина в любой из перечисленных сфер складывалась не без участия офицеров-подвижников, большого отряда отечественной интеллигенции, которому современные вульгарные социологи отказывают в причастности к прогрессу. Более того, противопоставляют их ему, буквально истолковывая ролевое предназначение офицерского корпуса — водить войска в бой... Верно, у российского воинства большие заслуги перед Отечеством. Ратные дела и подвиги — лишь одна сторона медали, другая — столь же рельефно отражает научный, изыскательский почин офицерства. Оно одновременно ревностно служило и продолжает служить Родине и истине. Неизгладимой печатью своеобразия, самобытности, таланта людей в погонах отмечен вклад в точные и гуманитарные, фундаментальные и прикладные науки. По подсчетам известного публициста Карема Раша, почти 150 (!) адмиралов российского флота подарили свои имена морям и островам, проливам и бухтам, прочим географическим пунктам, расположенным вдоль «русского побережья» — от Мурманска до Владивостока. По праву делят славу русского оружия с великими полководцами генералы «от металлургии» П. П. Аносов, П. М. Обухов, Д. К. Чернов. Не без удовольствия отметим, наконец, что первым гражданином Вселенной стал старший лейтенант Советских Военно-Воздушных Сил Юрий Алексеевич Гагарин.

Оттуда, с космических высот, кстати, хорошо просматривается связь российского офицерства с научно-техническим прогрессом Отечества.

...В 1896 году в петербургском издательстве выходит брошюрка «Новый принцип воздухоплавания, исключающий атмосферу как опорную среду». На обложке фамилия — А. П. Федоров, ничего не говорящая широкой публике. Владимир Чивилихин в своей книге «Память» приводит основные вехи жизни двадцатичетырехлетнего прапорщика, автора того издания. «Кадетский корпус, юнкерское училище, пехотный полк, переводы по неясным причинам из одного города в другой, увольнение в отставку сразу после выхода брошюры, заграница, работа в какой-то технической конторе, журналистика, изобретательство. Неуживчивый человек или мятущаяся, ищущая натура таится за этими внешними фактами его биографии? Быть может, Александра Федорова... снедала одна страсть, одна мысль, которая влияла на его поведение и настораживала окружающих, решительно не понимавших чудака... Откуда, из каких истоков зародилась идея, в которой он сам, правда, не разобрался до конца, подменив расчеты неясными формулировками? Может, иллюминационные ракеты на праздничных фейерверках или усовершенствованные ракеты генерала К. Константинова, применявшиеся в русской армии, натолкнули его на размышления о возможности создания ракетного двигателя для полета в безвоздушном пространстве?»

Широкая публика никак не отреагировала на появление брошюры неведомого автора. Никак. А вот специалист обратил внимание на издание с мизерным тиражом. Ознакомившись с текстом, он оставил в дневнике такую запись: «В 1896 году я выписал книжку А. П. Федорова: «Новый принцип воздухоплавания...». Мне показалась она неясной (так как расчетов никаких не дано). А в таких случаях я принимаюсь за вычисления самостоятельно — с азов. **Вот начало моих теоретических изысканий о возможности применения реактивных приборов к космическим путешествиям** (выделено мной. — В. Д.). Никто не упоминал до меня о книжке Федорова. Она мне ничего не дала, но все же всерьез она толкнула меня к серьезным работам, как упавшее яблоко к открытию Ньютоном тяготения». Этим внимательным читателем, к счастью для человечества, оказался Константин Эдуардович Циолковский. Окончательные формулы реактивного движения выведе-

ны отцом теоретической космонавтики на листке, помеченном 25 августа 1898 года.

Россия рвалась к небу. В самом начале нового века вышла книга военного инженера Е. С. Федорова «Летательные аппараты тяжелее воздуха» и работа К. Э. Циолковского «Аэростат и аэроплан». Носилась, как говорится, в воздухе идея ракетоплавания, и России действительно было суждено стать космической площадкой человечества...

Кстати, об аэростате. Свой проект Константин Эдуардович пытался осуществить с помощью военных. Об этом факте стало известно в тот самый год, когда над планетой прозвучало знаменитое гагаринское «Поехали!..».

Сотрудница Центрального государственного архива Советской Армии Т. Андреева стала разбирать одну из папок документов Южного фронта. Ничто, казалось, не сулило интересной находки. Керосин, лес, хлеб, обмундирование... Архивную папку наполняли заявки, доверенности, накладные. Скучно и будднично. Но вдруг под одной из бумаг совершенно неожиданная подпись — «Циолковский».

Андреева осторожна. Она сличает почерк с опубликованными ранее автографами Циолковского. Сомнения тают — среди хозяйственной переписки штабистов Южного фронта действительно оказалось неизвестное письмо ученого. Ответ начальнику авиации при штабе Южного фронта. Отправив в штаб Южного фронта 58 своих брошюр, Циолковский писал 8 февраля 1919 года: «...нельзя ли начать стройку металлическ. дирижаблей для расширения транспорта? На ремонт рельсов и подвижного состава материалов понадобится гораздо больше, чем для железных дирижаблей...

Сам я стар (61 г.), глух и слаб. Мне необходим проводник, достаточное питание, самую простую одежду (моя не подходит к делу и надо одеться просто — по-солдатски)...

Напишите в Москву, в Глав. штаб или куда нужно и поговорите о возможности и полезности этого дела... Избегайте формальностей... Повторяю — я готов...».

Мы не знаем, что ответили фронтовики ученому. Но догадаться нетрудно: Циолковский спешил подарить народу свое главное богатство — проект, которому было отдано полжизни.

И еще об одной детали не могу не сказать. Как видно из письма, солдатская одежда не мешала ученому «штурмовать» звездные дали... А вот некоторые наши публицисты,

вкупе с вузовской профессурой и маститыми учеными, полагают, что солдатская шинель стала символом тупикового развития, армия гасит интеллект, строй губительно отражается на творческом потенциале будущих советских корифеев. А «дедовщина», угроза которой, мол, настолько велика, что вынуждает родителей талантливых юношей... эмигрировать за границу, увеличивая «утечку мозгов». Контраргументы после того, как Указом Президиума Верховного Совета СССР отменена практика призыва студентов, искать в данном случае, видимо, бессмысленно. Однако нельзя не отметить того факта, что уровень боеготовности в результате упомянутой акции заметно снизился: ведь части и подразделения лишились наиболее подготовленных воинов — это во-первых. Во-вторых, искусственное разделение молодежи (одни выполняют свой долг по защите Родины, а другие — нет) порождает социальную несправедливость. И, вероятно, мы будем вынуждены вернуться к прежнему названию армии — РККА, поскольку Вооруженные Силы будут комплектоваться преимущественно сыновьями рабочих и крестьян, которые на вузовских вступительных экзаменах уступают, по понятным причинам, своим сверстникам из интеллигентской среды.

И вот теперь выхлопотана еще одна льгота для элитарной молодежи. Хорошо, коль отдаленные последствия мероприятия скажутся на развитии отечественной учености. Известны факты, когда бывшие студенты из армейского строя шагнули отнюдь не в вузовские аудитории, а... в кооперативные лавки. Конечно, это их право, но кто же пополнит отряд «собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов»? Автору этой поэтической строчки, между прочим, даже чужеземная солдатская служба не помешала стать великим Ломоносовым. Не поколебали морские ветры величия души и таланта офицера и композитора Николая Римского-Корсакова, писателя Всеволода Вишневского, кинорежиссера Василия Шукшина. Не зарывает в землю талантов и современная армия. На первой Всеармейской конференции изобретателей и рационализаторов мне посчастливилось познакомиться с целой группой новаторов, которые, без преувеличения сказать, могли бы стать гордостью любого союзного НИИ.

В 1985 году журнал «Изобретатель и рационализатор» (№ 7) рассказал о новшестве полковника Г. Куприна — установке тушения пожаров

самолетов, успешно конкурирующей с аналогичной американской техникой. Через несколько лет очередная новинка талантливого специалиста. «Комплекс работ по повышению эффективности способов и средств борьбы с крупномасштабными пожарами» — вот такое длинное название оснастки пожарного танка (база — Т-55). Уровень разработки столь значителен, что им одновременно заинтересовались пять союзных министерств. Изобретение вобрало в себя не одно рациональное зерно, а, образно говоря, целый сноп уникальных злаков. «Выдающееся техническое достижение», — отозвались в характеристике о конструкции новатора из Приволжско-Уральского военного округа академики А. Ишлинский и С. Христианович. Корифеев советской науки трудно заподозрить в эмоциональной неумеренности: по самым скромным подсчетам экономический эффект комплекса превышает 10 миллионов рублей.

Полковник Геннадий Николаевич Куприн, начальник кафедры пожарной техники Высшего военно-строительного командного училища, примечателен не только как самобытный изыскатель, но и талантливый организатор научно-исследовательской работы. Он умеет создать в коллективе творческую атмосферу, стимулирующую самозабвенный, плодотворный труд. В относительно короткие сроки на кафедре подготовлен и защищен ряд диссертаций, имеющих огромное прикладное значение, создан хороший научный задел.

Многие изделия армейских новаторов, представленные на той конференции, не уступали зарубежным аналогам. Например, призер ВДНХ СССР — пневмомолот ПН-1300 М6 в короткие сроки был запущен в серию и блестяще зарекомендовал себя в угольной и горнодобывающей промышленности. А разработала его группа военных во главе с доктором технических наук полковником Р. Ивановым. Новинка заинтересовала и зарубежных специалистов. Пневмомолот запатентовали в Великобритании, ФРГ, Канаде, Японии, Норвегии, США. Электрообезболиватель стоматологический «Электроника ИНАЛ-3» заслуженного изобретателя РСФСР полковника медицинской службы А. Несмеянова в предельно короткие сроки взял внедренческий рубеж. Прибор запатентован в ФРГ...

Настоящую сенсацию вызвал экспонат старшего лейтенанта Юрия Полканова — газогенератор газопламенной обработки материалов. Несколько слов о принципе его

работы. Электролизер — электролитический преобразователь, выделяющий из воды водород, который подается к микрогорелке. Сгорая, газ образует температуру порядка 1800 градусов по Цельсию. Лучу агрегата поддаются материалы от стекла до титана...

Газогенератор незаменим в металлообрабатывающих, ремонтных предприятиях. Установка Полканова питается от сети переменного тока (220 вольт), она портативна, проста и безопасна в эксплуатации. Внедрение подобной разработки (Юрий вынашивает идею ее промышленного варианта) сулит огромный экономический эффект. Поскольку производство не будет зависеть от кислородных заводов, которые снабжают газом сварочные агрегаты, а коль нужда в тяжелых голубых баллонах отпадет, то исчезнут транспортные издержки. Газогенератор экологически чист...

Впрочем, армия с традиционным благоговением относится не только к точным, техническим дисциплинам, влияющим непосредственно на повышение качества боевой учебы, но и к «тихим», имеющим весьма относительное прикладное значение. Известно, что не способствует облегчению труда, например, собиратель и знаток фольклора, никому не обещает прибылей специалист по языкам исчезнувших племен или фенолог. Рыцарем таких неглавных наук, не усиливающих власти человека над природой и не увеличивающих количество вещей, был и упомянутый Петр Борисов, руководитель Общества соединенных славян, вошедший в историю не только как декабрист, но и как ученый-натуралист.

После тринадцатилетней каторги Петру вместе с братом Андреем было разрешено поселиться в селе Разводном, окрестности которого и стали его «лабораторией». Итог многолетних наблюдений — большой труд «О муравьях», ряд естественнонаучных работ, которыми и по сей день пользуются специалисты многих стран. Но, пожалуй, самое удивительное подвижение предпринял бывший офицер-артиллерист в области метеорологии. Разработав собственную методику, он непрерывно (единственный случай в истории мировой науки) в течение двенадцати лет трижды в сутки вел метеорологические наблюдения и записи. Они не пропали втуне — директор Главной физической обсерватории академик Вильд получил и обработал его данные, а в своем труде «О температуре воздуха в Российской империи» благодарно и смело сослался на исследования «политического ссыльного Борисова»...

Ломоносовское пророчество о том, что российское могущество станет прирастать Сибирью, кажется, начало обретать реальность с декабристских инициатив. Самодержец, люто ненавидевший бунтарей, избрал местом для их заточения восточные районы страны, сам того не предполагая, что, хотя и косвенно (вот парадокс!), но содействовал прогрессу. Для хозяйственного освоения региона, его культурного развития декабристы сделали чрезвычайно много. Столбовые дворяне и даже князья, бывшие морские, кавалерийские, артиллерийские и пехотные офицеры, генералы брались за топор, косу и плуг, учились запрягать лошадей, ходить за скотиной, охотиться и рыбачить, строили, экспериментировали, изобретали.

Бывшие моряки Александр и Петр Беляевы сроду не занимались сельским хозяйством, однако на поселении в Минусинском округе развернули интенсивное многоотраслевое хозяйство. Они первыми в Минусинске вывели новые сорта злаков и развели продуктивный скот, по чертежам декабриста Торсона, тоже моряка, построили первую в крае механическую молотилку, первыми начали производить на сбыт мясо, молоко, крупу. Энергичные братья были организаторами первой в Минусинске частной школы на двадцать учеников, стали первыми здешними краеведами, этнографами, ботаниками. Миллионные фонды современных сибирских библиотек также ведут счет с изданий, некогда принадлежавших декабристам и другим революционерам, оставившим заметный след в развитии края. Жизнь бессюжетна, но все же, вероятно, не случайно, что поручик 5-го Сибирского саперного батальона Михаил Бонч-Бруевич именно в иркутской библиотеке сделает первые наброски разработок будущих радиостанций. Воистину, огонь зажигают от огня.

Пройдет немного времени, и на стол молодого радиоинженера ляжет письмо, текст которого сегодня известен, пожалуй, каждому школьнику.

«Михаил Александрович!

...Пользуюсь случаем, чтобы выразить Вам глубокую благодарность и сочувствие по поводу большой работы радиоизобретений, которую Вы делаете. Газета без бумаги и «без расстояний», которую Вы создаете, будет великим делом. Всяческое и всемерное содействие обещаю Вам оказывать этой и подобным работам.

С лучшими пожеланиями

В. Ульянов (Ленин)»

Да, на всех этапах революционной борьбы, социалисти-

ческого строительства военная интеллигенция была в гуще дел. Давайте хотя бы мысленно представим, с чего мы начинали в 1917 году и что являем миру сейчас. Все это достигнуто трудом народа. В этом труде — самоотверженная деятельность тысяч военных преподавателей и ученых, конструкторов и врачей, офицеров-писателей и космонавтов.

Однако, как уже говорилось, интеллигенция бывает разной, поэтому-то иногда и добавляем мы к слову «интеллигент» еще одно — «настоящий». Настоящим интеллигентом был «отец» знаменитого солдата Василия Теркина — полковник запаса Александр Трифонович Твардовский: редактируемый им «Новый мир» вел беспощадную войну с литературной серятиной задолго до того, как о серости в литературе во всеуслышание заговорили с высоких трибун. Настоящим интеллигентом был замечательный советский ученый, создатель «кольчугалюминия», в прошлом прапорщик русской армии Иван Иванович Сидорин, посвятивший всю свою жизнь «оперению» отечественной авиации, создатель сверхпрочных, космических сплавов.

Можно назвать много имен. И тех, кого уже нет с нами, и тех, кто среди нас. Гражданственность всегда отличала отечественную военную интеллигенцию. Вспомните, как упорно А. Герцен настаивал на мысли о том, что и писатель-художник, и ученый должны обладать чувством ответственности за судьбы своей родины, человечества. Так что не просто эрудиция, не сама по себе принадлежность к «цеху ученых», литературному «клану», не служебная включенность в учебно-воспитательный или «культурный процесс», а именно гражданственность в высшем значении этого слова выступает важным критерием подлинной интеллигентности. Причем гражданственность выражается прежде всего в том, насколько честно, талантливо делает человек свое дело. Предворяющие слова эти можно в полной мере отнести к человеку, достойному долгой памяти, — Андрею Евгеньевичу Снесареву, 135-летие со дня рождения которого мы будем отмечать в 1990 году.

Профессор-востоковед, географ, владевший 14 языками, генерал-лейтенант, командовавший армией, округом в гражданскую, возглавлявший академию Генштаба РККА. Андрей Евгеньевич являл собой тот тип российского интеллигента, природе которого присущи критический дух, творческий запал, способность

к созиданию. Он не прославился, скажем, как Брусилов, громкими победами на фронте, хотя за личное мужество неоднократно отмечался. В 1928 году военспецу Снесареву, профессору с мировым именем, присвоено звание Героя Труда. Позднее название награды изменят и лиц, удостоенных этого звания, станут называть Героями Социалистического Труда.

В радостный для ученого день, видимо, близкие, друзья, соратники, сослуживцы собрались чествовать кавалера. Как водится, среди цветов, улыбок, здравиц в честь Андрея Евгеньевича гости, полагаю, подняли бокал за гражданское мужество. Оснований для этого тоста было более чем достаточно. Остановимся на одном факте. На исходе гражданской войны, когда позиции молодой Республики несколько упрочились, в горячих головах некоторых политиков созрела идея, точнее, одна из версий плана распространения мировой революции. В устах Л. Троцкого замысел выглядел примерно так. Коль Запад не воспылал революцией, то почему бы не раздуть ее факел на Востоке? На штыках Красной Армии принести свободу угнетенным народам Афганистана, Индии, Китая... Первым, кто восстал против авантюры, был Андрей Евгеньевич. Он употребил весь свой авторитет и влияние, чтобы предотвратить возможное кровопролитие... Вероятно, эта победа разума и была звездным часом генерала Снесарева.

Теперь, когда мы отметили трагическое десятилетие со дня ввода советских войск в Афганистан, невольно сожалеешь о том, что рядом с руководством страны в декабре 1979 года не оказалось генерала Снесарева...

История не прощает верхоглядства. Храня опыт предков, она предостерегает от ошибок, подает высокие примеры, образовывает и воспитывает, наставляет и руководит, не поучая и не приказывая, оттачивает разум и облагораживает чувства, пробуждая активность и помогая нам сегодня бороться со всеми чужеродными обществу явлениями, тягостно-огорчительным в жизни, недостойным. Было бы желание постигать ее вековую премудрость. Перестройка все настойчивее склоняет нас к тому. Исследуя, в частности, причины бездуховности, болезненно проявляющейся сегодня, обществоведы пришли к выводу, что ослабление духовных начал народной жизни — следствие неверных идеологических установок. «В первое послереволюционное десятилетие наши отцы и деды, с лукавой подсказки вульгар-

ных социологов, спутали духовность с духовенством, а благородство с «их благородиями». Духовенство, дворянство, офицерство, — пишет известный публицист Михаил Антонов, — все это было выброшено из народной жизни — вместе с духовно-нравственными ценностями, которые вырабатывались веками и воплощали в себе общечеловеческие, моральные достижения и грани народного гения».

Перестройка производит переоценку ценностей, возвращает к жизни незаслуженно забытое, поднимает впопыхах оброненное с «парохода истории», заселяет его «обезлюдевшие» каюты. Как правопреемники прогрессивной части российского офицерского корпуса, сыгравшего весьма значительную роль в становлении Страны Советов, мы не можем не приветствовать этот процесс, способствующий поступательному движению общества.

Подполковник *В. ДАВЫДОВ*

«ХОЧУ НА ВАС ИДТИ»

Мы редко задумываемся о том, что современные боевые традиции исходят от традиций наших пращуров, а наш патриотизм, какие бы эпитеты мы к нему ни добавляли, родился более тысячи лет назад. Его олицетворением были боевые дела древнерусского войска, княжеских дружин.

В публикуемом историческом очерке рассказывается о походах русских дружин под водительством Святослава, его военном искусстве, сделана попытка отойти от традиционных выводов, познакомить читателей с альтернативными взглядами на военное дело языческой Руси.*

Первое свое сражение киевский князь Святослав Игоревич выиграл в 946 г., когда ему было три года. Тогда сигналом к сражению между древлянами и ратью княгини Ольги послужило копье, брошенное ребенком-князем. Оно упало к ногам коня, а воевода Свенельд подал команду: «Князь уже начал, последуем, дружина, за князем».

О Святославе в «Повести временных лет» сказано: «Когда Святослав вырос и возмужал, стал он собирать много воинов храбрых и легко ходил в походах, как пардус (барс. — *Прим. авт.*), и много воевал. В походах же не возил за собой ни возов, ни котлов, не варил мяса, но, тонко нарезав конину, или зверину, или говядину и зажарив на углях, так ел; не имел он и шатра, но спал, постилая потник с седлом в головах, — такими же были и все прочие его воины. И посылал в иные земли со словами: «Хочу на вас идти».

Это летописное описание очень информативно. Оно позволяет, словно в кинематографе, увидеть княжескую дружину на конях, ее стремительный марш-бросок с редкими дневками и ночевками в степи. Войско

* Святослав Игоревич, великий князь киевский (ок. 945—972), полководец. Разгромил (965) Хазарский каганат, совершил походы на волжских булгар, в Болгарию и Византию. При нем началось объединение славянских земель под эгидой Киева. Погиб в бою с печенегами.

не обременено обозом, автономно. Огонь дружинники разводят только по нужде, чтобы не демаскировать себя, едят конину, благо у каждого всадника есть второй конь. Он — про запас: на случай дикой скачки на перекладных и для общей трапезы, если не удалось добыть стрелой или копьем зверины. Говядиной же разживались, лишь отбив стадо у врага, а на своих землях старались не обижать смердов.

Святослав собирал в свою дружину «много воинов храбрых», принимал всякого витязя, какого бы рода-племени и веры он ни был. При нем дружина еще не отгородилась от народа, в нее могли входить представители всех слоев тогдашнего общества. Русский эпос рассказывает о богатырях, не имеющих своего дома и хозяйства, а живущих на княжьем дворе, на его хлебах. В письменных источниках дружинники выступают под наименованиями «великие» и «светлые» бояре, «лучшие», «лепшие» люди, «старцы градские», «нарочитая чадь», «кметы», «княжие мужи» и другими.

Не нужно думать, что дружина представляла какое-то единое военное формирование по типу современных частей, соединений, объединений. Это было скорее переменное объединение людей при многих князьях. Причем дружины могли объединяться. Например, княгиня Ольга имела свою дружину, как и ее сын Святослав.

Хороший князь для дружины, а таким и стал Святослав, не жалел ничего. Он знал, что с многочисленными и храбрыми сподвижниками всегда получит богатую добычу, сокрушит недругов. Потом о старых князьях доброго языческого времени летописец напишет: Те князья не собирали много имения, вир и продаж неправедных не налагали на людей; но если случится правая вира, ту брали и тотчас отдавали дружине на оружие. Дружина этим кормилась, воевала чужие страны».

У византийского автора Льва Диакона упоминается, что император Иоанн Цимисхий по договору со Святославом разрешил привозить из Киева в Византию хлеб на продажу. Главными торговцами были князь, его «мужи», бояре, городская верхушка. Это был еще один способ «кормления» дружины.

К тому времени князь и дружина стали все меньше зависеть от рядовых соплеменников, и даже веча. Они стали регулировать накопление средств и запасов для своего существования. Соответственно, рост благосостояния позволял увеличивать количественно дружину, все больше людей, разбогатевших за счет походов, стремилось к вольготной жизни и постоянному нахождению при князе.

Свидетельство тому можно найти и в былинах. Илья Муромец, «крестьянский сын», почуяв в себе силу богатырскую, не хочет оставаться оратаем (пахарем), а откопав спрятанное семейное оружие и доспехи, едет в город, чтобы стать княжьим «отроком» — дружинником. Изгои, т. е. люди, лишенные доли в общественном хозяйстве, уходили к боярам, в их дружины и дворы. «Таким образом, — пишет историк Б. А. Рыбаков, — выдвижение части низовых элементов родового общества шло рука об руку с усилением дружинно-княжеского элемента в системе славянских племен».

Всю свою жизнь князь проводил с дружиной: в походах, пирах, на полюдье, ристалищах, тризнах. Само слово «дружина» происходит от слова «друг», а последнее, как считает историк С. М. Соловьев, от санскритского «дру» — иду, следую. Дружина есть товарищество, объединение людей, собравшихся следовать одной дорогой. То же самое и в польском языке: слово «шляхта» находится в связи со словом «шлях» — дорога, путь.

Во главе всего древнерусского войска вместе с князем была окружающая его знать. Это, как правило, были военные люди со своими дружинами. Формировалась духовная близость князя с его окружением, его «лучшие мужи», бояре, становились советниками и соправителями, они назначались на посты воевод и тысяцких.

Фактически дружина являлась правящим классом киевского общества, причем военным классом. Она делилась на высшую из «лучших» княжих мужей, или бояр, и молодшую из княжьих, боярских отроков. Древнейшее название младшей дружины — гридь. Соответственно, палата, помещение, где собирались и пировали дружинники, называлась гридница, а сам дру-

жинник — гридни. Мечником назывался княжеский слуга, вооруженный мечом, позднее появились оружничие, конюшие и другие слуги князей.

Боярскую верхушку дружины дополняли сотские и десятские городовых (городских) полков и остальной рати. Тысячей командовали тысяцкие, избиравшиеся на сходках или назначаемые князем. Это, фактически, уже были полки, которые дополняли дружину в больших, объявленных князем походах. Городовые полки принимали постоянное участие в походах князя наравне с его дружиной. Все решения князь принимал с членами старшей, боярской, дружины и тысяцкими. Они составляли его думу, своеобразный государственный совет, постепенно вытеснивший вечевую форму принятия решений.

В дружинную верхушку должны были входить служители культа — волхвы, обеспечивавшие милость громовержца Перуна и других языческих богов-идолов. Трудно представить себе княжескую думу без них, как и без купцов, обеспечивавших приток иноземных товаров, серебряных и золотых монет. Не без основания В. О. Ключевский в «Курсе русской истории» пишет: «Составляя военно-правительственный класс, княжеская дружина в то же время оставалась еще во главе русского купечества, из которого выделилась, принимала деятельное участие в заморской торговле».

Воями назывались все те, кто не входил в княжескую дружину, но составлял войско. Это были не только воины городовых полков, но и люди, приходившие из сел и племен, расположенных вокруг городов, из других княжеств. Воями называли всех тех, кто шел с князем в поход, имея при себе оружие. Они были своеобразным народным ополчением многократно усиливавшим княжескую дружину.

Академик Б. Д. Греков в книге «Киевская Русь» пишет: «У меня нет сомнения в том, что если смерды-крестьяне участвовали в войске в XI веке, то тем более они должны были участвовать в более раннее время, и чем раньше, тем больше, пока мы не дойдем до того момента, когда весь народ и был войском. Если мы признаем, что смерды — не только зависимые люди, а основная масса сельского населения, ко-

торая может быть зависимой и независимой, то именно эту массу сельского земледельческого населения мы можем встретить в войске, но под терминами племенными».

Когда князь объявлял народу о походе, в него, как правило, уходил отец со старшими сыновьями, сколько бы их ни было, а младший (но уже взрослый) оставался дома для охраны семейства.

По окончании похода войско (кроме дружины) распускалось. Все участники похода имели свою долю в добыче. Князья оговаривали у побежденных дань в пользу войска. Так, Олег вытребовал у греков по 12 гривен на каждую ладью своего войска. Конечно, доходы дружины были более ощутимыми. Помимо военных трофеев и награбленного имущества, она имела свою долю от полюдья, ежегодных даней покоренных племен и от Византии по договорам Олега, Игоря и Святослава.

В тех случаях, когда раздавался призыв к защите земли Русской от внешних врагов, материальной наградой был захват пленных, отобранное оружие, обозы. Побежденные облагались данью в пользу семей убитых ратников, им же шла часть доходов от продажи пленных на невольничьих рынках или полученного за них выкупа.

Войска в сражениях располагались обычно тремя частями: большой полк, или чело, и два крыла. В большой полк ставились городовые полки, народное ополчение, дружина размещалась по крыльям и вводилась в бой в выгодный момент. Перед движением на противника трубили в рога. Войско со знаменем, или стягом, сходилось в бою с противником и расходилось по нескольку раз. Движение стяга определяло направление перемещения войска. Стяг указывал и местонахождение князя. Исход боя во многом зависел от результатов рукопашных поединков многих бойцов. Поединки часто заканчивались схваткой уже без оружия, когда душили противника руками, сбивали его наземь, добивали ножами, окованными дубинками, ногами.

В поход без обоза можно было идти лишь малой дружиной на лошадях. В большой поход шли с обозами, припасами. Не в редкость, как это сделал Игорь

в 944 г., организовывались комбинированные походы, когда большая часть войска шла на ладьях по водным путям, а дружина бежала берегом верхом на лошадях. Для вывоза добычи с севера использовали санный путь по зимнику.

Как свидетельствуют византийские источники, русские предпочитали биться пешими. Они чаще ходили в походы на ладьях. Лошади брались в поход главным образом для обоза, без которого было не обойтись. Конница была немногочисленна, ее составляла княжеская дружина. У князей и «светлых бояр» для военных надобностей на вольных пастбищах выпасались табуны лошадей. Сражения нередко начинались единоборством бойцов, бившихся перед строем изготовившихся к сражению войск двух сторон.

Города русское войско брало с большим трудом, обыкновенно долгой осадой или измором. Сама существовавшая тогда терминология доносит до наших дней способы овладения ими: взять «на копье» (штурмом); остоем, стоянием (осадой); изъездом, изгоном (неожиданным ударом). При осаде и штурме городов применялись осадные, стенобитные и камнеметные машины (туры, пороки). Во время приступа осаждавшие производили земляные работы, чтобы можно было подступиться к стенам и башням, лишить город поступления воды, продовольствия. Не гнушались обмана, чтобы ворваться в город или поджечь его. Иногда удавалось посулами, подкупом склонить часть населения к измене, сдаче города или открытию крепостных ворот.

При Святославе Киевская Русь значительно усилилась, было продолжено объединение славянских земель под эгидой Киева. Его походы отличались стремительностью, комбинированным характером. Они начинались весной, когда вскрывались ото льда реки и озера, и продолжались до осени. Для разведки противника и охранения впереди войска шли особые отряды типа авангарда. Когда войско располагалось на ночевку или отдых, выставлялась «сторожа» — охранение. Святослав старался разгромить силы противника по частям в двух, трех сражениях, перемежающихся быстрым маневром силами. Он умело использовал разногласия и распри между Византией и подвласт-

ными ей племенами, заключая временные союзы с ними для разгрома войска основного противника.

В походах впереди русского войска «бежал» отряд разведчиков, в задачу которого одновременно входила обязанность изыскивать продовольствие, заботиться о корме для лошадей. Разведка велась наблюдением, захватом пленных, местных жителей, во вражеский стан иногда засылались лазутчики. За разведкой следовали главные силы и обоз. Доспехи и часть оружия перевозились на повозках. Древнерусское военное искусство формировалось в условиях участия в боевых действиях народных масс. В этом была его сила, особенно при решении оборонительных задач.

Наступательную стратегию и тактику выработал и развил Святослав. Он умело сочетал применение большого войска с маневренными молниеносными действиями конной княжеской дружины. Причем, можно сказать, от него исходит стратегия бить врага на его землях. Это особенно относилось к Византии. Сила последней была в отлично подготовленной и хорошо вооруженной пехоте, а традиции военного искусства восходили еще к Александру Македонскому, к римским легионам.

Бороться с таким сильным и искусным противником можно было лишь осваивая его опыт. Так у восточных славян родился строй, вошедший в историю под наименованием «стена». Это плотный и глубокий боевой порядок пеших воинов. Его фланги охраняла конница. Такой боевой порядок в сочетании с земляными защитными валами обеспечивал оборону и наступательные действия в сражениях как с кочевниками, так и с византийской тяжелой пехотой и конницей.

Дружинники были вооружены обоюдоострыми мечами, боевыми топорами, луками, копьями. Последние были двух видов: боевые, с листовидным металлическим тяжелым наконечником, насаженным на длинное древко, и метательные, иначе — сулицы, которые были значительно легче. Ими забрасывали приближающиеся ряды вражеской пехоты или конницы. На вооружении воинов также были сабли, секиры, ножи, булавы, окованные железом палицы. У князей и их дружинников стали появляться кольчуги, металличе-

ские шлемы, медные и железные бляхи, кованые щиты, у пехоты — деревянные, почти в рост воина. Чтобы издалека опознавать друг друга, щиты окрашивались в красный (червленый цвет). К шлему часто прикреплялась кольчужная металлическая сетка — бармица, прикрывавшая шею. Кольчуга появилась на Руси раньше, чем в Западной Европе, где предпочтение отдавалось латам. Кольчуга представляла собой металлическую рубашку, сплетенную из кованых колечек, каждое из которых было продето в четыре соседних.

Вооружение стоило дорого, лишь княжьим мужам было по достатку содержать боевых коней. Горожане были вооружены гораздо лучше земледельцев, которые не всегда имели оружие, сделанное кузнецами и ремесленниками.

Пеший строй Святославова войска перенял достоинства и преимущества византийской фаланги. Свою «стену» Святослав строил из пеших воинов в глубину до 10, а иногда до 20 шеренг. Фланги «стены» он охранял отлично вооруженной и обученной конницей, готовой в любой момент ударить по смявшему пехоту врагу или опрокинуть отступающего противника.

Перед пешим строем Святослав выставлял лучников, он ввел второй эшелон пешего боевого порядка, чем повысил его обороноспособность и создал возможность контратаки из-за первой линии Святослав был единоначальником в войске, оно имело жесткую воинскую дисциплину.

Дружина состояла из воинов-профессионалов. Они были искусны в любом виде конного и рукопашного боя, могли действовать в строю и индивидуальных единоборствах, владея всеми видами оружия. Все воины были связаны войсковым братством, традициями взаимовыручки. Как свидетельствует летопись, они говорили Святославу: «Где твоя голова ляжет, там и свои головы сложим».

Для отражения конной фронтальной атаки в русском войске применялись копья возрастающей длины, которыми вооружалась пехота. «Стена» выстраивалась предельно плотной. В передний ряд становились воины, хотя бы частью защищенные доспехами. Шеренги прикрывались почти ростовыми щитами, за ко-

торые выставлялись копья. У передних воинов они были короткие, в каждой следующей шеренге — более длинные. Применение удлиняющихся копий было заимствовано у византийцев. Шестишереножный строй оказывался неуязвимым для греческой, а тем более кочевой конницы. Длина копья у последней шеренги могла доходить до 5—6 и более метров. Возрастающая длина копий позволяла пешему строю соединить наконечники копий в один ряд, что образовывало сплошной частокол.

Атакующую конницу встречали залпами стрел из луков. Затем лучники уходили в интервалы пешего строя в тыл и уже оттуда продолжали осыпать стрелами врага. При приближении всадников пеший строй опускал копья на плечи впереди стоящей шеренги. При пятиметровой длине копий заднего ряда на каждого всадника приходился частокол из десяти и более копий. Первая и вторая шеренги пеших воинов с короткими копьями стремились поразить лошадей, третья и последующая — метили во всадников. Пробить такой пеший строй копейщиков грекам не удавалось во всех их многочисленных конных атаках под Доростолом. Святослав же ввел вторую линию обороны.

Уже при Игоре ближайшие князю знатные люди могли иметь свои дружины, которые они приводили под начало князя. В мирное время этих войск хватало на острастку внешних врагов, охрану территории государства, дозорную службу, сбор полюдья. Однако в случае крупных набегов кочевников, других внешних врагов, организации походов в чуждые пределы сил дружин было недостаточно. Тогда в поход призывался народ, однако под стяг князя привлекалось уже не все мужское население, а выборочно, по мере надобности и из определенных слоев населения. Например, в разгар пахоты, сева, уборки урожая оратаи, смерды, возделывавшие землю, не могли бросить свою работу. Чаще уходили в поход молодые отроки, свободные жители городских посадов, звероловы и охотники.

Военную силу Киева, получившую признание в договорах с Византийской империей 907, 912, 944 гг., уважало и признавало «всякое княжье» отдаленных племен, приобщившееся благодаря авторитету Руси

к мировой торговле и считавшее за честь участвовать в походах древнерусского войска.

Кроме воев и княжеских дружин в древнерусское войско входили наемные отряды варягов, хазар, касогов, печенегов. Приглашая к себе на службу варяжские дружины на выгодных для них условиях, русские князья видели в них мощную силу, поскольку они состояли из профессионалов, людей, хорошо подготовленных в военном отношении.

До возмужания Святослава его дружиной командовал приглашенный Игорем Свенельд, имевший и свою дружину из варягов. Сам Святослав, вступив в командование киевским войском, как свидетельствуют летописи, никогда не нанимал варягов, хотя благоволил к печенегам, от рук которых и погиб.

Свои походы Святослав начал, когда ему исполнилось в 964 г. 22 года, с покорения славянского племени вятичей на Оке. Они платили дань хазарам по шелягу (золотая монета весом около 4,5 г) с сохи. Он обязал их платить дань Киеву. В следующем году Святослав покорил волжско-камских болгар и мордовские племена.

Мы не случайно акцентировали внимание читателей на том, что киевский князь и его дружина были заинтересованы в развитии торговли, обеспечивали безопасность торговых путей. Через Киевскую Русь шла и торговля Востока с Западом, однако экспорт восточных товаров в Киев и далее в западноевропейские страны сдерживали кочевые племена, государства нижней Волги, да и сама Византия. Поэтому походы Святослава были направлены сначала на восток, а потом на юго-запад.

На востоке Хазарский каганат обогащался за счет таможенных пошлин на товары и грузы в Киевскую Русь, грабил купеческие караваны русов, регулировал торговлю между Востоком и Западом. Хазария была естественным противником разраставшегося и крепнущего древнерусского государства. Хазары держали в руках устье Волги, контролируя торговый путь в Среднюю Азию, на рынки Багдада, в Индию.

Хазарский каганат возник в середине VII в. на территории Северного Кавказа, Приазовья, донских степей. Во второй половине X в. Хазария и Византия

были едины в том, чтобы отрезать Русь от торговли по Волге, Дону, Каспийскому и Черному морям. Поэтому дружины Киевской Руси не раз совершали походы в земли Камской Болгарии, на Волгу, Северный Кавказ и Крым, стремясь обеспечить торговые пути русских купцов на рынки Востока.

Этим и объясняется выбор Святославом направления первых своих походов. В 965 г. он разгромил хазарское войско и овладел столицей каганата — городом Итиль (в низовьях Волги) и важными крепостями Саркел (Белая Вежа) на Дону и Семендер на Северном Кавказе. Были побеждены племена ясов (осетин), касогов (черкесов, адыгейцев), нападавших на юго-восточные пределы Руси. Поход был закончен на Таманском полуострове. Здесь, в устье Кубани, Святослав основал город Тмутаракань, ставший впоследствии столицей одноименного русского княжества.

Протяженность похода по суше и рекам составляла около 5000 км. Он продолжался, если судить по летописи, три года, а по восточным источникам — и того больше. Значит, русскому войску пришлось зимовать на Волге, а потом на Северном Кавказе и, возможно, в Тмутаракани. Это была длительная война, которая развернулась на огромном пространстве. Святослав проявил себя как талантливый полководец. Разгром каганата был тщательно продуман и великолепно осуществлен. Первый поход на север, в землю вятичей и волжско-камских болгар, отрезал от каганата возможных союзников и обеспечил надежный тыл. В походе следующего года по Волге Святослав последовательно овладевал опорными крепостями противника, не давая ему собрать силы для решительного сражения и надежной обороны.

В результате военной кампании Святослава развалилась и исчезла с карты Европы огромная Хазарская империя, были расчищены торговые пути на Восток, завершено объединение восточно-славянских племен в единое Древнерусское государство.

Укрепив и обезопасив восточные границы, Святослав перенес свое внимание и военные усилия государства на Запад.

Пока Киев оставался без князя и его дружины,

греческая администрация организовала набег на него печенегов. В Киеве находилась состарившаяся Ольга с малолетними внуками.

Орды печенегов осадили город, в нем не хватало запасов пищи. На другой стороне Днепра собрались ратные люди, но они остерегались напасть на печенегов, помочь осажденным.

«И стали тужить люди в городе, — рассказывает далее «Повесть временных лет», — и сказали: «Нет ли кого, кто бы смог перебраться на ту сторону и сказать им: если не подступите утром к городу — сдадимся печенегам». И сказал один отрок: «Я проберусь», и ответили ему: «Иди». Он же вышел из города, держа уздечку, и побежал через стоянку печенегов, спрашивая их: «Не видел ли кто-нибудь коня?» Ибо знал он по-печенежски, и его принимали за своего. И когда приблизился он к реке, то, скинув одежду, бросился в Днепр и поплыл. Увидев это, печенеги кинулись за ним, стреляли в него, но не смогли ему ничего сделать. На том берегу заметили это, подъехали к нему на ладье, взяли его в ладью и привезли его к дружине. И сказал им отрок: «Если не подойдете завтра к городу, то люди сдадутся печенегам». Воевода же их, по имени Претич, сказал на это: «Пойдем завтра в ладьях и, захватив княгиню и княжичей, умчим на этот берег. Если же не сделаем этого, то погубит нас Святослав». И на следующее утро, близко к рассвету, сели в ладьи и громко затрубили, а люди в городе закричали. Печенегам же показалось, что пришел сам князь, и побежали от города врассыпную».

Автор позволил себе столь пространную цитату, поскольку это первое в нашей истории документальное описание самоотверженного поступка безымянного киевского юноши, рисковавшего жизнью во имя спасения своих сограждан.

Правда, угроза не миновала, она только отодвинулась, поскольку печенеги быстро разобрались что к чему. Но в это время к Святославу уже бежали гонцы с посланием от киевлян: «Ты, князь, ищешь чужой земли и о ней заботишься, а свою покинул, а нас чуть было не взяли печенеги, и мать твою, и детей твоих. Если не придешь и не защитишь нас, то возьмут-таки

нас. Неужели не жаль тебе своей отчины, старой матери, детей своих?»

Святослав был легок на подъем, он совершил один из привычных для него и его дружины форсированных маршей и скоро был в Киеве, отогнав от него врагов.

Летопись подробно описывает ратные дела князя, автор как бы любуется им. Пожалуй, как в никаком из преданий, чувствуются симпатии автора летописи к князю-полководцу, он сравнивает его с барсом (пардусом), повествует о нем в песенном ритме.

И в то же время мы не можем не чувствовать упрека князю: «Неужели не жаль тебе своей отчины?» И несмотря на благополучный исход эпизода с осадой Киева, укор успливается в записи, относящейся к 969-му году: «Сказал Святослав матери своей и боярам своим: «Не любо мне сидеть в Киеве, хочу жить в Переяславце на Дунае — там середина земли моей, туда стекаются все блага: из Греческой земли — золото, паволоки, вина, различные плоды, из Чехии и из Венгрии серебро и кони, из Руси же меха и воск, мед и рыбы». Отвечала ему Ольга: «Видишь — я больна; куда хочешь уйти от меня?» — ибо она уже разболелась. И продолжала: «Когда похоронишь меня — отправляйся куда захочешь».

Когда Ольга умерла, Святослав, похоронив ее по христианскому обычаю, посадил своего старшего сына Ярополка княжить в Киеве, второго сына — Олега — в древлянскую землю, а малолетнего Владимира по просьбе новгородцев — в Новгород, направив с ним его дядю Добрыню, сына Малка Любечанина. «И пошел Владимир с Добрынею, своим дядей, — отмечает летопись, — в Новгород, а Святослав — в Переяславец».

К этому времени умер болгарский царь Петр и воцарился его сын Борис. Воеводой у него стал известный нам варяг русской службы Свенельд. В Византии императором стал Иоанн Цимисхий, собственноручно зарубивший мечом предшественника, своего двоюродного брата Никифора Фоку. Летом 970 г. Иоанн вынужден был послать часть войска во Фракию, а сам с другой его частью выступил против восставшего в Малой Азии брата Никифора — Варды Фоки. Все это

способствовало тому, что русские и болгарские войска изгнали византийских чиновников с войском из Болгарии. В том же 969 г. Святослав заключил в Преславе, столице Болгарии, договор с царем Борисом о совместной борьбе против Византии.

Дружины Святослава перешли Балканы, пересекли византийскую границу, взяли Филиппополь (ныне Пловдив) и дошли до Аркадиополя. Перед сражениями Святослав вдохновлял свое войско пламенными речами. Пересказ одной из них приводит византийский хронист X в., уже знакомый нам Лев Диакон. Вот она: «...Проникнемся мужеством, которое завещали нам предки, вспомним о том, что мощь росов до сих пор была несокрушимой, и будем храбро сражаться за свою жизнь! Не пристало нам возвращаться на родину, спасаясь бегством. Мы должны либо победить и остаться в живых, либо умереть со славой, совершив подвиги, достойные доблестных мужей».

Сходная по содержанию и эмоциональности речь Святослава, относящаяся к сражению 971 г., приводится и в «Повести временных лет». Он обращается к дружине: «Нам некуда уже деться, хотим мы или не хотим — должны сражаться. Так не посрамим земли русской, но ляжем здесь костьми, ибо мертвые не принимают позора. Если же побежим — позор нам будет. Так не побежим же, но станем крепко, а я пойду впереди вас: если моя голова ляжет, то о своих сами позаботьтесь... И исполчились русские, и была жестокая сеча, и одолел Святослав, а греки бежали».

Тесня противника, овладевая городами, войска, подвластные Святославу, остановились за 4 дня пути до Царьграда, но император Иоанн Цимисхий собрал и бросил против своих врагов большие силы. В сражении под Аркадиополем печенеги и венгры, входившие в русско-болгарское войско, не выдержали натиска греков, и Святослав вынужден был с потерями отойти к Доростолу (теперешняя Силистрия). Здесь русские засели в укрепленном лагере, обложенные со стороны Дуная греческим флотом из 300 судов, а с суши армией Цимисхия, который для подкрепления вызвал войска из азиатских греческих владений. Ромеям удалось взять болгарскую столицу Великий Преслав, где они пленили царя Бориса. «Ромеи, — пишет

Лев Диакон, — все разом ворвались в город, рассыпались по узким улицам, убивали варягов и грабили их имущество».

Вырваться из поверженной столицы удалось лишь части дружины Свенельда, охранявшей царский дворец. Сам царь Петр и его семья были пленены византийцами.

Под Доростолом русские и греки не раз сходились в сражениях, после которых наступали передышки, когда русы сжигали павших воинов в погребальных кострах. После двухмесячной осады греками Доростола, здесь начался голод. Положение было критическим. Святослав призвал своих воинов к решающему сражению. 20 июля 971 г., в день громовержца Перуна, русские попытались опрокинуть греков и уйти из лагеря. По Льву Диакону силы сторон составляли: у русских — 37—40 тысяч, у греков — 45—60 тыс. человек. За период с 24 апреля 971 г. (начало осады) до 22 июля 971 г. русские потеряли 15 тыс., греки — 15—20 тыс. человек.

Однако ни та, ни другая сторона не добились победы, начались переговоры о мире между двумя владыками. В византийских источниках сохранилось описание внешности Святослава: умеренного роста, не слишком высокого и не очень низкого, с мохнатыми бровями и светло-синими глазами. Он был курносым, безбородым, с густыми длинными усами. Голова была выбрита наголо, но с одной ее стороны свисал клок волос, означавший знатность рода. Крепкий затылок, широкая грудь, соразмерное телосложение. Выглядел он угрюмым и диким. В одно ухо у него была вдета золотая серьга; она была украшена карбункулом, обрамленным двумя жемчужинами. Одеяние его было белым, как и у других, но гораздо чище.

Для встречи с императором Иоанном Цимисхием Святослав переплыл Дунай на ладье, причем сидел на веслах и греб вместе с остальными, ничем среди них не выделяясь. Разговаривал с императором он, сидя в ладье, поговорил об условиях мира и уехал. Император был поражен простотой одежды великого князя. И, наоборот, Святослав не обратил внимания на великолепие одежд своего собеседника.

Договор гласил, цитируем летопись: «Я, Свято-

слав, князь русский, как клялся, так и подтверждаю договором этим клятву мою: хочу вместе со всеми подданными мне русскими, с боярами и прочими иметь мир и полную любовь с каждым великим царем греческим... И никогда не буду замышлять на страну вашу, не буду собирать на нее воинов и не наведу иного народа на страну вашу, ни на ту, что находится под властью греческой, ни на страну Болгарскую. И если иной кто замыслит против страны вашей, то я ему буду противником и буду воевать с ним...»

Заключив договор с греками, 22 тысячи русских, снабженные провиантом на дорогу, отправились домой, возглавляемые Святославом и Свенельдом.

Проплыв на ладьях до «острова Русов» в низовьях Дуная войско разделилось. Конную дружину возглавил Свенельд, и она напрямую по лесам и степям поспешила в Киев. Ей предстояло преодолеть путь длиной около 700 км.

В два раза длиннее был водный путь на ладьях до устья Днепра, через его пороги, в Киев. Особую опасность представлял именно этот участок, пролегавший по печенежским владениям.

Есть две версии последующих событий. По одной из них, зафиксированной в летописи, византийцы приняли меры, чтобы больше не иметь дела с киевским князем. Они известили печенегов о движении Святослава, и те напали на его малую дружину у днепровских порогов весной 972 г. Из черепа убитого князя печенежский хан Куря сотворил чашу, оковал ее и пил из нее.

По другой версии, с печенежским князем Курей был в сговоре воевода-варяг Свенельд, замысливший править при Ярополке в Киеве и остерегавшийся Святослава.

Печенеги караулили возвращавшееся русское войско по двум маршрутам: по сухопутью — через Уличскую и Тиверскую земли — и по водному пути. И тогда Свенельд предложил Святославу следовать с дружиной на ладьях окружным путем, а он в это время со своей дружиной и всеми конниками пойдет по прямой к Киеву, отвлекая на себя печенегов. Пока они заметят ошибку, Святослав пройдет пороги у Хорти-

цы. Естественно предполагать, что Святослав согласился с таким выгодным и безупречным с военной точки зрения планом. Все было предусмотрено Святославом правильно, кроме возможности предательства и сговора воеводы-варяга с печенежским ханом.

Только доплыв до Хортицы, Святослав понял, что его заманили в ловушку. У днепровских порогов, против ожидания, стояли не дозоры, а главные силы хана Кури. Прорваться без конницы было невозможно, обещанной от Свенельда помощи из Киева еще ждать долго.

Князь вернулся зимовать в Белобережье, в устье Дуная. В начале весны с ослабленной за зиму, голодной дружиной он снова поплыл на ладьях вверх по вскрывшемуся ото льда Днепру, но вновь был перехвачен печенегами, а помощь из Киева так и не пришла, хотя Свенельд должен был либо прийти сам с дружиной, либо прислать подмогу. Можно подозревать, что Святослав получил ложную весть от Свенельда о снятии печенежской блокады у днепровских порогов. Иначе становится непонятным, почему осенью Святослав не решился идти напролом и ушел зимовать в устье Дуная, а весной ни с того ни с сего уверенно, без разведки, пошел с дружиной в Киев по Днепру.

На несуразность всех этих фактов обратил внимание русский историк С. М. Соловьев в своей «Истории России с древнейших времен». Анализируя ситуацию, он пишет: «Святослав завоевал Болгарию и остался там жить; вызванный оттуда вестью об опасности своего семейства, нехотя поехал в Русь; здесь едва дождался смерти матери, отдал волости сыновьям и отправился навсегда в Болгарию, свою страну, но теперь он принужден снова ее оставить и возвращаться в Русь, от которой уже отрекся, где уже княжили его сыновья; в каком отношении он находился к ним, особенно к старшему, Ярополку, сидевшему в Киеве? Во всяком случае ему необходимо было лишить последнего данной ему власти и занять его место; притом, как должны были смотреть на него киевляне, которые и прежде упрекали его за то, что он отрекся от Руси? Теперь он потерял ту страну, для которой пренебрег Русью, и пришел беглецом в родную зем-

лю. Естественно, что такое положение должно было быть для Святослава нестерпимо; не удивительно, что ему не хотелось возвращаться в Киев, и он остался зимовать в Белобережье, послав Свенельда степью в Русь, чтобы тот привел ему оттуда побольше дружины, с которой можно было бы снова выступить против болгар и греков, что он именно и обещал сделать перед отъездом из Болгарии. Но Свенельд волею или неволею мешкал на Руси, а голод не позволил Святославу медлить более в Белобережье; идти в обход степью было нельзя: кони были все съедены, по необходимости должно было плыть Днепром через пороги, где ждали печенеги».

В развитие анализа ситуации, сделанного С. М. Соловьевым, добавим, что, как покажут последующие события, Свенельд строил далеко идущие планы в отношении будущего Русской земли.

В отсутствие Святослава Свенельд при Ярополке (ему было 11 лет) играл фактически почти ту же роль, что Олег при Игоре, т. е. командовал дружиной, правил Киевом. Правда, Ярополк не был великим князем, этот титул оставался за Святославом, Ярополк правил лишь полянским уделом. Следовательно, любая вероятность возвращения Святослава в Киев пугала Свенельда, и он сделал все возможное, чтобы воспрепятствовать этому. Сначала он поддержал намерение князя продолжить осуществление завоевательных походов в Болгарию и против Византии, обещая прислать войско. А когда Святослав не внял его советам и потребовал отогнать печенегов от порогов и обеспечить ему возвращение с дружиной в Киев, Свенельд обманул его, отдав в руки печенегов. Плата хану Куре за содеянное была высокой: во владение печенегам отдавались Уличская и Тиверская земли на южном правобережье Днепра. В голове Свенельда зрели интриги против Святославовых сыновей.

Завершая рассказ о Святославе, следует сказать, что именно он стал первым русским полководцем, выработавшим свою тактику и стратегию, отличные от византийской и варяжской, о чем мы уже говорили. Он любил, пестовал свою дружину, и его воины отвечали ему взаимностью. От него идет понятие воинской чести, самоотверженность как морально-нравственное

качество воина. В проигранном бою, по Святославу, только мертвые не принимают позора.

Чтобы ошеломить противника, воздействовать на него морально, Святослав посылал ему вызов: «Хочу на вас идти». Затем он совершал с дружиной быстрый переход и внезапно, поскольку его не ожидали так скоро, обрушивался на врага. Этим приемом Святослав лишался стратегической, но не тактической внезапности, так как предупрежденный противник вынужден был собирать войска для боевых действий. Однако это не означает, что противник предупреждался во всех случаях. Посланный вызов означал объявление войны, а в самом ходе боевых действий удары Святослава отличались внезапностью, стремительными марш-бросками в тыл противника, разгромом его по частям. Так было, например, в хазарской кампании и в боевых действиях против Византии зимой 970—971 гг. Святослав избегал осад и штурма крепостей, предпочитая уничтожать врага в полевых сражениях.

Святослав представлен в «Повести временных лет» образцом воина, летописец как бы любуется его воинской доблестью, но осуждает за бесполезные для русской земли подвиги. Так считали и последующие поколения историков.

Например, С. М. Соловьев писал: «Утверждение Святослава в Болгарии, успехи его в войне с греками могли иметь важные следствия для новорожденной Руси, но историк не имеет права рассуждать о том, что могло быть; он имеет право только сказать, что неудача Святославова проистекала от недостаточности его средств, от того, что он оторвался от Руси, действовал только с одной дружиною, а не устремил на Грецию соединенные силы всех племен, подвластных Руси; только в последнем случае предприятие Святослава могло иметь важное решительное влияние на судьбы Восточной Европы».

Военная стратегия Святослава была средством его внешней политики. Задачи, как мы убедились, решались последовательно: сначала на востоке, потом на западе. Русское государство при нем расширило границы за счет объединения племен вокруг Киева, их интеграции, обеспечило себе возможности торговли с Востоком и Западом. Тем самым территориально, эко-

номически и политически (в смысле безопасности границ) было обеспечено будущее Киевской Руси.

Однако намерение Святослава сделать Переяславец «срединной земли», на которой он княжил, было не понято и не одобрено народом Киевской Руси. Такие цели военной политики меняли ее содержание: вместо обороны родных пределов Святослав вознамерился сокрушить соседние государства. Оттого, наверно, мы не найдем его имени в былинном эпосе. Простым людям того времени было чуждо его пренебрежение отчей землей, намерение перенести столицу с Днепра на Дунай. Героем народного эпоса стал младший сын полководца — Владимир Красное Солнышко, мудро оборонявший Русь от печенегов и других врагов, добившийся расцвета управляемой им земли.

Полковник *В. АМЕЛЬЧЕНКО*

«ЕМУ ВЕЧНО ХОТЕЛОСЬ СРАЖАТЬСЯ»...

Свыше 600 лет (юбилей этот широко праздновался в нашей стране) насчитывает боевой путь отечественной артиллерии. Множество выдающихся деяний хранит ее история. Русская артиллерия — это Полтава и Бородино, Брусиловский прорыв и защита Порт-Артура, это оборона Одессы, Севастополя, Ленинграда, триумф Сталинграда, залпы майского салюта Победы 1945 года. Боевой путь русской артиллерии — это ратные и трудовые подвиги многих выдающихся сынов нашей Отчизны.

Много славных имен значится на скрижалях истории отечественной артиллерии. Как равное среди равных должно тут сиять имя героя Отечественной войны 1812 года генерал-лейтенанта Василия Григорьевича Костенецкого.

Должно...

Увы, имя героя Очакова, Аустерлица, Бородина, Лейпцига предано (так уж сложились обстоятельства) забвению. Лишь немногие — специалисты да еще любители военной истории — знают сейчас о генерале Костенецком. О его храбрости, прямоте и честности. О необычайных чертах его характера. Ах, эти причуды старого воина! Они, породив множество анекдотов, затмили собою славные дела, содеянные им во славу нашей Родины...

Происходил Василий Григорьевич из небогатых дворян Конотопского уезда Черниговской губернии. По семейным преданиям, Костенецкие еще в допетровские времена жили на Правобережной Украине, в районе Корсуня. Род их отличался тем, что «крепко держался православной веры» и смело выступал против поляков, старавшихся овладеть этими землями. Борьба с колонизаторами была нелегкой, а во многих случаях и неравной. Польские паны огнем и мечом подчиняли себе украинские земли, жестоко расправлялись с непокорными. Но, несмотря на это, Костенецкие своих голов перед захватчиками не склоняли, с оружием в руках защищали отчий край. У одного из предков Василия Григорьевича — Назария Костенецкого, осо-

бенно резко выступавшего против польского засилья, варшавский палач вырвал из груди сердце. С тех пор изображение сердца, пронзенного двумя стрелами, навсегда запечатлелось на гербе рода Костенецких...

Заслуги Костенецких на ратном поприще были столь велики, что им было даровано, как писали в старину, «приобретенное чином военной службы» дворянство. Рассыпанные по конотопским хуторам и имениям, Костенецкие, заслышав о новой войне, оставляли домашние обители и шли защищать Отечество. В 1708 году они вместе с Меншиковым штурмовали Батурин, спеша опередить шведского короля Карла XII, желавшего превратить город в свою базу. В июне 1709 года покрыли себя славою под Полтавой, за что Петр I многих из них наградил чинами и орденами.

Были среди предков Василия Григорьевича и кавалеристы, и пехотинцы, и канониры-артиллеристы. Последнее обстоятельство, кстати, сыграло немалую роль в судьбе нашего героя. Жизненный путь Василия Костенецкого предопределился традициями семьи и был ясен с момента его появления на свет — военная служба.

Артиллерийский и Инженерный шляхетский кадетский корпус, в который был принят Костенецкий, был одним из старейших учебных заведений России. Вел он свое начало от созданной еще Петром I в 1712 году Инженерной школы, выпускавшей специалистов для пионерских (саперных) команд. Вначале учебное заведение находилось в Москве, а через несколько лет было переведено в Петербург. На пятидесятом году своего существования школа стала готовить командиров и для артиллерии, получив новое название — Артиллерийский и Инженерный кадетский корпус.

Надо отметить, что кадетам давалось превосходное по тому времени образование. Вот неполный перечень наук, которые постигал в корпусе молодой Костенецкий. Он, как и все его товарищи, овладевал премудростями французского и немецкого языков, изучал историю и географию, механику и аэрометрию, архитектуру и фортификацию, химию и физику, производил физические и химические опыты, участвовал в военных учениях, тренировался в верховой езде, а также овладевал «фейерверочным искусством и искусством рисовать».

В учебе, трудах и шалостях время летело быстро. В мае 1786 года в корпусе состоялся выпуск молодых офицеров.

Некоторые вчерашние каде-

ты надели пехотные мундиры, а Костенецкий, получивший чин штык-юнкера, был назначен во 2-й Капонирский полк.

Для молодого офицера началась нелегкая служба командира артиллерийского взвода, которую прервала начавшаяся война с Турцией.

Видимо, начальство учло малороссийское происхождение Костенецкого, казацкие традиции его семьи, может, были какие-то иные причины, но молодой штык-юнкер неожиданно для себя был назначен в один из запорожских полков...

Служба в казацком войске пришлась по душе Костенецкому. Здесь он нашел верных друзей, земляков-казаков Конотопской и Батуринской сотен, многие из которых знали его отца и даже деда. Они внимательно приглядывались к молодому офицеру — чему его там, в Петербурге, научили, не испортили ли казацкого сына? После первых стычек с турками рассеялись их опасения. «Василий Костенецкий, сын Григория Воловатого, добрый казак, — говорили они, — добрый, в бою нятерых стоит».

Служба в войске верных казаков понравилась Костенецкому своей вольницей и простотою нравов. Но вначале молодого офицера, воспитанного в строгостях кадетского корпуса, многое тут удивляло. Одетые бесхитростно и просто, казаки вначале казались ему все на одно лицо — он не мог определить среди них командиров и каждый раз был в замешательстве, когда собеседников представляли ему: сей — хорунжий, сей — старшина. Видя его удивление, запорожцы только улыбались. Равенство и демократия прочно вошли в их жизнь. Для казаков главным качеством людей были их дела, а не чины и звания.

Отличившихся в боях и схватках они отмечали наградами — оружием, деньгами, окружали почетом. К слову этих людей в казацкой среде прислушивались, их избирали своими руководителями.

Но горько приходилось тому, кто пренебрегал интересами казацкого общества, кто шел против его воли, кто плохо нес службу, кто за гуляньем и весельем забывал о своем ратном долге. Таких в войске запорожских лыцарей наказывали по всей строгости и на благородный род или старые заслуги не смотрели.

К зиме 1788 года под Очаковом для русских войск сложилось настолько серьезное положение, что оттягивать штурм уже было невозможно. Вопрос встал так: или штурм, или бесславное возвращение домой. Это понял даже упорствовавший Потемкин. Собрав военный совет, выслушав

мнения присутствовавших на нем военачальников, он принял решение: штурм начать 6 декабря, а в оставшееся время усилить огонь артиллерии — насколько еще возможно разрушить крепостные стены.

Русские батареи усилили свой огонь. Вскоре сквозь проломы в стенах можно было видеть ощетинившихся штыками, приготовившихся к бою янычар.

В семь часов утра 6 декабря начался штурм. Через час с четвертью, как писали современники, «гордый Очаков, богатый и торговый и сильно вооруженный пал перед геройским мужеством русских».

Восторженно встречала Россия весть о взятии Очакова. Города осветили праздничные иллюминации. В салонах и гостиных декламировали стихи, сочиненные по этому случаю самой императрицей:

О пали, пали с звуком,
с треском,
Пешец и всадник,
конь и флот,
И сам со громким верным
плеском,
Очаков, силы их оплот!

Штык-юнкер Костенецкий, отличившийся в боях за Очаков, был пожалован чином. «Осада и взятие Очакова были первым опытом на военном поприще Костенецкого. Наградою ему был чин подпоручика», — так коротко описывает историк участие молодого артиллериста во взятии крепости.

События эти длились несколько месяцев. За этот, не такой уж большой, срок в жизни Костенецкого изменилось очень многое. Из неопытного, еще не нюхавшего пороху, штык-юнкера он превратился в закаленного огнем и сражениями боевого офицера.

Нелегкая, полная опасностей казацкая вольница оказала большое влияние на формирование характера, привычек Костенецкого. Всю свою дальнейшую жизнь, все поступки он подчинял интересам ратной службы. А потому равнодушен он был к неге, сибаритству и всячески закалял свое тело, воспитывал выносливость и смелость. Именно в это время сложился тот самый образ жизни Костенецкого (такой необычный для погрязшего в роскоши дворянства), который и породил множество анекдотов и легенд. Вот как, по воспоминаниям очевидцев, проводил Костенецкий, уже будучи в генеральском чине, свой день. «Возле крыльца дома была всегда наметена большая куча снега, и он, как только поутру встанет с постели, то есть с жесткого кожаного дивана с такой же головной по-

душкой, без простыни и одеяла, тотчас отправляется голым в эту кучу снега и в ней барахтается, и когда потом войдет в комнату, то пар идет с него, как после бани. Чай пил он тоже не по обыкновению: он обходился без чайника, клал чай прямо в стакан, заливал его горячей из самовара водой и когда чай настаивался, тогда он пил его без сахара и потом жевал чайные листья». В еде он тоже был неприхотлив. «Пища его была самая простая: борщ, каша и изредка жаркое. Водки и вина не пил вовсе, но для гостей имел превосходные наливки, которые по несколько лет хранились в погребе, в бочонках и бутылках». Столь же неприхотливым, как на биваке, являлся быт Костенецкого и в мирное время. «Одевался в длиннополый военный сюртук и носил какую-то необыкновенно высокую форменную фуражку. Комнат зимою никогда не топил, и ему в них не было холодно, но каково же было иногда посещавшим его гостям». Свободное время он, готовясь к новым сражениям, посвящал чтению специальных книг, изучению артиллерийского дела. «Он был очень образован; как артиллерист, любил математику, любил русскую историю и исторические древности, был патриотом в высшей степени и человеком в полном смысле военным. Ему вечно хотелось сражаться».

Да, именно во время осады Очакова завершилось формирование Костенецкого как человека и военачальника. Боевой опыт, приобретенный молодым офицером в черноморском войске, встречи со многими выдающимися военными деятелями — Суворовым, Кутузовым, Румянцевым, Дороховым — помогли ему выработать правильное отношение к службе и самое главное — определить стиль жизни — по-солдатски строгий. Но справедливости ради необходимо отметить, что и в молодые, и в более поздние годы Василий Григорьевич не был солдафоном, эдаким аскетом в мундире, сторонящимся радостей жизни. «Характера был доброго, имел нежное сердце, но вспыльчив в высокой степени... и вообще был человеком с сильными страстями, любил женщин, а еще более был любим ими, но никогда не был женат... Он хорошо знал французский язык и из патриотизма, часто в шутку, утверждал, что этот язык происходит от русского языка...» — так описывал жизнь Василия Григорьевича его современник.

В 1795 году Костенецкий, получивший годом ранее звание поручика, был назначен командиром пятой роты в

формируемый в Одессе Черноморский артиллерийский батальон. Он, засучив рукава, взялся за это новое для себя дело и достиг в нем немалых успехов. Пушкари, стоящие под его командой, палили по неприятелю столь удачно, что гром их выстрелов достиг северной столицы... Не прошло и полгода, как поручик Костенецкий получил новое назначение. Его «почти непрерывная боевая служба» закончилась, и он был переведен в Петербург, во вторую конноартиллерийскую роту.

Костенецкий, как тогда говорили, «сформировал в роте еще четыре орудия», — всего их стало десять. Сам он, обладая огромным ростом и физической силой, стремился набрать канониров, подобных себе. Вскоре в роте не было артиллеристов ниже двух аршинов и шести вершков, причем люди, имевшие такой рост, считались маленькими и принадлежали к нестроевым. Остальные «нижние чины», около тридцати человек, «тянули» на два аршина и девять вершков. Но и они не являлись самыми высокими. В роте были люди и выше ростом, сильнее физически. Но даже среди этого сонма богатырей своим физическим могуществом выделялся фейерверкер Федот Маслов. Играючи, он разгибал подковы, улыбаясь, переворачивал шестипудовую пушку, шутя борол нескольких человек. Пожалуй, только Костенецкому уступал он в силе, но никогда не отказывал себе в удовольствии посоревноваться с полковником. Любопытно было конноартиллеристам наблюдать, как два гиганта, подобно античным титанам, в перерыве полевых занятий «мерялись силой» — поднимали лошадей, останавливали стремительно движущиеся повозки, гнули пальцами медные пятаки...

Но такие «игрища» происходили не так часто. Почти все время Костенецкий и его подчиненные проводили в напряженной учебе. Они часто устраивали артиллерийские учения «с пальбой и без пальбы», в ходе которых они учились разрушать полевые укрепления, поджигать сооружения, поражать пехоту «на картечь», вести огонь без одного или двух номеров прислуги. Надо сказать, что тогда, как и сейчас, канонирская наука была непростой, а действия артиллеристов — довольно сложными. Так, к примеру, действие «бань пушку» производилось в 10 приемов, заряжание: «картуз в дуло», «прибей картуз», «наводи и ставь трубку» — в 17 приемов, а производство выстрела — «пали» — в 6 приемов. Несмотря на это, конные артиллеристы действовали столь

споровисто, что от команды «Стой» до первого выстрела им требовалось около десяти секунд.

Ежедневно Костенецкий находился на учениях или стрельбах. Служба на совесть и единодушное старание солдат за короткое время принесли изумительные результаты. На всех маневрах рота действовала на удивление лихо и умело. Не случайно после одного из учений, закончившегося смотром, личный состав получил поощрение.

Чувствуя грозное дыхание приближающейся войны, Костенецкий старался сделать так, чтобы каждое занятие принесло пользу для подчиненных.

Постоянно находясь в гуще событий, он внимательно следил за действиями артиллеристов, подбадривал уставших:

— Веселей, ребята! Торопиться не спеша, целиться верно, стрелять метко!

Уже тогда Костенецкий понял, насколько велика роль взаимозаменяемости артиллерийских номеров в бою. Выход из строя одного или двух членов обслуги вело к прекращению огня орудием. Поэтому командир роты всячески старался научить артиллеристов действовать друг за друга. Часто на учениях раздавался его голос:

— Третий номер «убит»! — солдат падал, а номер седьмой хватал пальник «убитого» и поджигал трубку...

И надо было видеть радость командира роты и его подчиненных, если выстрел раздавался без задержки.

Чтобы понять, как шли занятия с артиллеристами, надо представить боевые возможности тогдашних пушек. Стреляли они круглыми ядрами и картечью. Дистанцию поражения они имели дальнюю (350—200 саженей) и ближнюю (200—150 саженей). Костенецкий признавал только последнюю, ближнюю, причем иногда уменьшал ее до 100 саженей. Именно на такой дистанции учил он поражать противника.

Считалось, что из орудий, бывших в роте, можно сделать не более двух выстрелов в минуту. Костенецкий же требовал вести огонь «скорострельно», но «зарядов даром не терять, не торопиться и каждый выстрел наводить». На сверхближних дистанциях он учил «для скорости наводить, направляя по самому орудию».

В трудах и заботах летели дни.

21 июля 1805 года после маневров снова состоялся смотр. Проходил он, как обычно: начальство отмечало лучших, указывало, что надо сделать тем, кто действовал неудачно. И в этот раз гвар-

дейских артиллеристов, показавших блестящую выучку, заслуженно наградили. Но на этом смотр не окончился. Войскам надо было приготовиться на «походную ногу».

Россия вступала в третью антифранцузскую коалицию. Частью своих войск она с переменным успехом вела бои с Наполеоном, а еще одна часть войск, в которую входила и гвардия, спешила в Австрию.

13 ноября гвардия, несмотря на столь изнурительный поход, как писали историки, «в блистательном виде» предстала перед командованием союзных войск.

1 декабря русские войска заняли позицию западнее Аустерлица. Гвардии было предписано находиться в центре боевого порядка.

Наполеон, сумевший ко дню сражения увеличить свое войско до 73 тысяч, задумал воспользоваться движением союзников. Во время обходного маневра он решил нанести главный удар по их центру.

В 8 часов утра конная рота, замыкавшая шествие всей гвардии, согласно диспозиции выступила из бивака. Утро было хмурое, холодный густой туман лежал на окрестных полях и виноградниках. Пройдя около версты, по мосту переправились через небольшой, но глубокий ручей. Дальше идти стало намного труднее. От выпавшего накануне дождя глинистые дороги превратились в почти непроходимые. Лошади со страшным напряжением тащили пушки. Подбадривая животных криком, артиллеристы взялись толкать орудия. Вскоре легкий ветер начал доносить отдаленные выстрелы. Бой уже начался...

К 9 часам гвардия поднялась на возвышенность. Туман постепенно начал исчезать, и далеко впереди стало видно движение войск. Предполагалось, что это наша кавалерия, поддерживавшая обходящие колонны князя Багратиона.

Неожиданно стрельба приблизилась. Гвардия спешно построилась в боевой порядок — в две линии. Роте Костенецкого предстояло действовать по частям. Два взвода поручика Захарова и поручика Ралля под командой штабс-капитана Козена он поставил в колоннах за конною гвардией, а еще три — поручика Сеславина, поручика Столыпина, подпоручика Остен-Сакена, возглавив их сам, построил за лейб-гусарами.

Едва закончились эти перестроения, как до русских полков стали достигать вражеские ядра. Одно из них сделало в рядах преображенцев опустошение. Но те сомкнули ряды и продолжали ждать команды.

Сражение набирало силу, и постепенно выяснилось, что намеченная диспозиция не выполнилась — гвардия неожиданно для себя оказалась в первой линии. Она приготовилась к атаке на деревню Блазовиц. Эскадроны конногвардейцев и лейб-гусар развернулись, на их флангах стали по два орудия из роты Костенецкого. Завязался бой, с первых же минут оказавшийся жестоким и тяжелым. Подавляя своим преимуществом, французы заняли деревню...

На ее восточной окраине вновь закипел бой. Войска снова стали сближаться. Поднявшись на один из пригорков, Костенецкий увидел завораживающее душу зрелище.

Французы и русские шли навстречу друг другу под барабанный бой, с развернутыми знаменами. Находившиеся впереди преображенцы и семеновцы ударили в штыки, неприятельские застрельщики отступили. Завязалась упорная схватка...

Получив подкрепление, французы снова пошли в атаку. Им удалось потеснить русскую гвардию. Положение стало опасным, между полками нарушилось взаимодействие, командование союзников потеряло связь с частями. Произошло то, чего особенно боялись и боятся сейчас военачальники — было утеряно управление войсками. В этот критический момент боя все гвардейцы показали себя с самой лучшей стороны. Отбивая атаки превосходящих сил противника, они начали организованный отход. Особую роль тут сыграла артиллерия, которая своим огнем прикрыла пехотные части.

Твердо защищаясь, давая возможность друг другу отойти, русские полки пятились назад. Пехота шла через виноградники, а кавалерия — по открытой местности. Так продолжалось в течение часа. До переправы через ручей, который русские войска преодолевали утром, оставалось полверсты.

Залпы ружей, вначале частые, умолкли. Войска сошлись так близко, что дрались только холодным оружием. Крики, стоны людей, ржание лошадей покрывали размеренные залпы орудий — артиллерия вела огонь картечью. Для нее отступление было сопряжено с особыми трудностями. По мере приближения к переправе колеса орудий и зарядных ящиков все больше вязли. Приходилось останавливаться, давать измученным лошадям отдых. В такие минуты французы кидались в атаку, пытаясь захватить пушки. Тогда на помощь артиллеристам приходили кавалеристы...

В какой-то момент боя Костенецкий, увидев, что еще немного и гусары вот-вот будут смяты французами, крикнул командиру эскадрона штабс-ротмистру Абамелеку:

— Князь, здесь вы уже не поможете, ступайте вправо, помогите нашей пехоте!

Затем, повернувшись к орудиям, он позвал фейерверкера Маслова:

— За мной!

И они вдвоем начали вытаскивать застрявшие среди виноградников орудия.

Выйдя на удобную для стрельбы позицию, он приказал прекратить отступление и снова открыть огонь. Костенецкий хорошо понимал, как важно сейчас хоть какое-то время сдержать французов, напирающих на переправу. Он решил принести в жертву свои орудия и свою роту, но спасти русскую гвардию от разгрома...

Через некоторое время шесть орудий Костенецкого снова начали отход. Но сейчас артиллеристам отступать было еще труднее — часть французской кавалерии опередила их и перекрыла дорогу. При выходе из виноградника мамлюки бросались к орудиям и рубили прислугу.

Костенецкий вместе с Масловым пошли впереди роты и начали пробивать ей путь к отступлению. Поручики Столыпин, Николай Сеславин, подпоручик Остен-Сакен обнажили палаши и повели свои взводы за ними. Под ударами сабли Костенецкого французы валились вокруг него, как колосья вокруг мощного жнеца, писал об этом бое военный историк генерал Ратч. Два орудия, следовавшие впереди, дошли до ручья, и Сеславин начал их переправу.

— А где же остальные? — спросил Костенецкий.

— Четыре мамлюки захватили...

Не говоря ни слова, Костенецкий кинулся обратно. За ним поскакали Маслов, Столыпин, Остен-Сакен.

Увидев их, французы разбежались. Два орудия Костенецкому при помощи уцелевшей прислуги удалось спасти. А еще две пушки пришлось бросить — из их прислуги оказался в живых только один ездовой, и тот был ранен.

Кстати, об этом удивительном сражении сохранилось следующее предание. Маслов, увидев мамлюка, державшего банник, кинулся отбирать его, но тот добровольно отдал банник русскому богатырю. Маслов, между прочим, оказался первым среди гвардейских артиллеристов, награжденных Георгиевским крестом.

С двумя отбитыми орудиями Костенецкий снова двинулся к переправе. По пути

он встретил выдвигающихся навстречу французам казаков полковника Чернозуба и кавалергардов. Поняв, что сейчас вновь начнется бой, Василий Григорьевич, собрав из оставшихся канониров прислугу к одному орудию, вернулся с ним назад...

— Куда вы? — кричали ему. — Только три гранаты осталось.

— Хоть три, да по врагу, — отвечал Костенецкий. — Вперед!

Вскоре кавалергарды пошли в атаку. Остановившись на позиции у мельницы, Костенецкий поддержал их огнем. Он выпустил оставшиеся три гранаты, стараясь, чтобы каждая из них упала в гуще французов.

А затем устало повел пушку к переправе.

Подвиги Костенецкого на аустерлицком ристалище сделали его имя известным всей русской армии. Артиллеристы, кавалеристы, пехотинцы — все, кому пришлось быть в том бою, с восхищением говорили о личной храбрости и бесстрашии Василия Григорьевича, о боевых качествах возглавляемой им артиллерийской роты. Даже в светских салонах чопорных петербургских аристократов велись разговоры о том, как, не жалея своего живота, он бросился отбивать оказавшиеся в руках французов пушки. И до этого не обделенный вниманием дам, артиллерист-красавец оказался теперь постоянно в центре их внимания, стоило ему только оторваться от дел в роте и заглянуть в чей-нибудь салон. К слову сказать, все их старания были напрасными — «он никогда не был женат...».

Геройские дела и военное умение Костенецкого получили всеобщее признание — его наградили орденом Георгия 4-й степени. Цесаревич Константин подарил Костенецкому присланную ему из Англии огромнейшую саблю — на ней имелась выбитая золотом буква «К». Кстати, точно такая сабля имелась и у императора Александра I (на ней был вензель в виде буквы «А») — он подарил ее своему любимцу Аракчееву.

Подвиги сделали имя Костенецкого известным не только в русской, но и в неприятельской армии. Среди французов долго еще ходили рассказы о бесстрашии русского «великого рубаки». Даже спустя два года, в Тильзите, французские гвардейские конные артиллеристы расспрашивали русских офицеров об этом «лихом полковнике».

Обстановка в Европе становилась угрожающей. Накатывалась война.

Готовясь к ней, Россия провела реорганизацию своей ар-

мии. Были созданы артиллерийские бригады, полевые (в составе дивизий) и резервные, которые придавались армиям, ведущим сражение. В течение 1811 года Василию Григорьевичу пришлось поочередно возглавлять 2-ю и 4-ю резервные артиллерийские бригады, комплектовать их и обучать. Костенецкий с головою окунулся в эту, как он понимал, очень нужную и важную работу.

Но в июне 1812 года он сдал командование бригадой и после коротких сборов выехал в Белоруссию.

Его ждала новая служба.

6-й корпус, в который Костенецкий получил назначение начальником артиллерии, занимал левое крыло Первой армии и находился в небольшом белорусском городке Лиде. Прибыв туда, Костенецкий очутился в среде офицеров и генералов, чьи имена знала вся Россия. Командующим корпусом был генерал Дмитрий Сергеевич Дохтуров. Представляясь ему, Василий Григорьевич с уважением оглядел небольшую, по-юношески щуплую фигуру своего нового командира. Он вспомнил о том, как писал М. И. Кутузов, представляя Дохтурова к награде за его геройские действия под Аустерлицем: «Я твердо в душе моей убежден, что сею облекается один из отличнейших генералов, особенно заслуживших любовь и уважение армии».

Под стать Дохтурову были подобраны также командиры дивизий и бригад.

Но на долгие разговоры и знакомства у Костенецкого времени не было. Его ждала работа. Каждый день, каждый час он отдавал службе, готовил к предстоящим боям артиллеристов 7-й и 24-й артиллерийских бригад.

Корпуса в русской армии были делом новым (введены они в 1809 году), и работы всем хватало. Дыхание приближающейся войны заставило всех трудиться не покладая рук.

Находившийся на левом крыле Первой армии корпус Дохтурова в первые дни войны оказался отрезанным от главных сил. Получив приказ отступать к дрисскому лагерю, Дохтуров понял, что корпусу предстоит осуществить сложнейший маневр в северо-восточном направлении, отходя наперерез французскому движению.

16 дней продолжался беспримерный 500-километровый марш 6-го корпуса к Дриссе. Делая иногда по 50 километров в сутки, Дохтуров, невзирая на дождь, непогоду, сбивая отряды захватчиков, шел к намеченному пункту. На марше ему приносили указы и сообщения Наполеона об уничтожении корпуса, он чи-

тал их, хмуро рвал эти газеты и листовки и требовал идти вперед. В эти дни в корпус поступил еще один бюллетень французов. Те, забыв о своих сообщениях об уничтожении русского соединения, писали: «Тридцать шесть часов подряд шел проливной дождь, чрезмерный жар превратился в пронзительный холод, от сей внезапной перемены пало несколько тысяч лошадей и множество пушек увязло в грязи. Сия ужасная буря, утомившая людей и лошадей, спасла корпус Дохтурова, который попеременно встречался с колоннами Сульта, Пажоля и Пансути».

Оказавшись в долгожданном дрисском лагере, Костенецкий, как, впрочем, и многие генералы и офицеры 6-го корпуса, был весьма удивлен этой позицией. Лагерь больше походил на ловушку, чем на место, удобное для сражения. Вся местность, занятая русскими, просматривалась с ближайших холмов, в окружающих ее лесах противник мог свободно маневрировать. Особенно беспокоила всех уязвимость тыла — через широкую Западную Двину были наведены лишь три понтонных моста...

1 июля на состоявшемся военном совете мнение всех начальников 6-го корпуса устами генерала Дохтурова было доведено до императора. Вначале Александр I попытался было отстоять план сражения в дрисском лагере, но потом вынужден был уступить общему мнению.

Первая армия начала отступление. От Витебска она шла к Смоленску на соединение с Багратионом. 22 июля оно наконец состоялось.

Все это время Василий Григорьевич находился в арьергарде, прикрывал отход русских войск. Трехнедельное отступление слилось для него в одну жестокую схватку.

Итак, мы подошли, пожалуй, к самому сложному для исследования периоду в жизни генерала Костенецкого — его участию в Бородинском сражении.

...Было темно, но никто не спал. Грозное напряжение ожидания предстоящего боя заставило даже старых, помнивших Швейцарию и Италию, солдат забыть об отдыхе, подолгу стоять и смотреть в сторону неприятеля. На французской стороне горели костры и звучали песни.

С востока медленно загоралась заря. Вот ее первые лучи упали на французские позиции. И сразу на правом фланге русской армии возникла стрельба. Это французские войска атаковали гвардейских егерей, занимавших Бородино...

В самый разгар отражения очередного французского на-

ступления Костенецкий неожиданно был вызван к главнокомандующему. Недоумевая, генерал поскакал к возвышенности, где виднелась белая фуражка светлейшего князя. Кутузов, сидя на раскладном стульчике, внимательно смотрел в подзорную трубу. Она была направлена в ту сторону, откуда прискакал Костенецкий. Положение на кургане было неважным, и это легко можно было понять по лицу Кутузова. Но, взглянув на разгоряченного боем генерала, он смягчил лицо в скупой улыбке.

— Жарко? — И сам же сразу ответил на свой вопрос: — Вижу, жарко.

Потом, согнав улыбку, перешел к делу:

— Голубчик, убит граф Кутайсов. Тебе поручаю его должность. Скачи на курган. Надобно резервную артиллерию в дело пускать.

И снова Костенецкий оказался в самом пекле сражения. «Странствующий рыцарь» снова шел в бой! Следуя приказу главнокомандующего, он постепенно вводит в бой 5, 9 и 10-ю конные роты, а затем еще шесть орудий 4-й конной роты. Сюда же прибыли несколько легких рот. Прямо по центру батареи французов атаковала 5-я легкая рота. Она, попав под неприятельскую картечь, понесла огромные потери. Особенно велика была убыль в офицерах. На какое-то мгновение огонь роты ослабел.

Увидев это, Костенецкий направил свою лошадь на позицию 5-й легкой роты. Еще издалека он, заметив фейерверкера Миронова (бравый артиллерист давно приглянулся генералу), закричал:

— Чего стоишь? Командуй орудием! Наводи каждый выстрел!

Единорог окутало дымом, пушка ожила. Глядя на своего товарища, фейерверкер Гуров поступил таким же образом. Приказав отправить в тыл раненого офицера, он также взял в свое командование орудие.

На батарее Раевского закипел жестокий бой.

Неприятельская пехота, вспоминал Ф. Глинка, взбиралась на вал со всех сторон, ее опрокидывали штыками, ров наполнился трупами; свежие колонны заступали места и с новой яростью лезли умирать. На девяти европейских языках раздавались клики: уроженцы Италии, дети Неаполя, пруссаки, поляки, австрийцы и, конечно, галлы дрались с подмосковной Русью, с уроженцами Сибири, с соплеменниками черемис, мордвы, заволжской чуди, калмыков и татар. Пушки лопались от чрезмерного разогревания, зарядные ящики вспыхивали страшными взрывами. Это бы-

ло уже не сражение, а бойня. Стены сшибались и расшибались, и бой рукопашный кипел повсеместно. Штык и кулак работали неутомимо, иззубренные палаши ломались в куски, пули сновали по воздуху и пронизывали все насквозь...

Не вся ль Европа тут была?
А чья звезда ее вела?

Хорошо известно, чья звезда вела армию захватчиков. Ее направляли опыт, мудрость, вера в собственную избранность Бонапарта Наполеона. И, между прочим, выдающегося артиллериста.

Мощнейшую группировку артиллерии он сосредоточил под Бородино. Повинуясь его военному гению, она обрушила свой удар на русские позиции.

Этой железной армаде противостояла доблестная русская артиллерия, которую в самый ответственный момент сражения и возглавил Костенецкий. Жизнь провела удивительное соревнование, столкнув в единоборстве Наполеона, чей военный гений неоспорим, и начальника артиллерии одного из многих корпусов русского войска. Трудно сказать, каким бы был результат этого столь неожиданного состязания, если бы на месте Костенецкого был другой человек. Но, как показывает жизнь, выбор преемника Кутайсова был произведен Кутузовым быстро и безошибочно.

Французская армия под Бородино «расшиблась о русскую». Каков же вклад в эту победу внесли артиллеристы, какие таланты стратега и полководца проявил их начальник?

Последние часы Бородинского сражения, отмечает академик Е. В. Тарле, нисколько не подтверждают свидетельств, безмерно преувеличивающих значение смерти Кутайсова. Трудно представить себе более великолепный образец артиллерийского боя, чем действия русской артиллерии от занятия французами монета на Курганной высоте (батареи Раевского) вплоть до девяти часов: воздействие русской артиллерии было таково, что даже человек необычайного мужества, французский полководец Ней, в эти минуты не выдержал, он приказывал своим солдатам ложиться, чтобы хоть как-нибудь ослабить воздействие нашей артиллерии.

...Русские войска оставляли Москву. Страшная боль входила в русское сердце. Это потом А. И. Крылов напишет:

«...Смоленский князь,
Противу дерзости искусством
вооружась,
Вандалам новым сеть
поставил
И на гибель им Москву
оставил».

Это потом в непримиримых, мучительных спорах наши славные предки выяснят для себя, что «не напрасно Москву французам отдали». А в то время только сила приказа заставила их уходить из белокаменной. Двигаясь к востоку, лишь об одном мечтали они — услышать новый приказ, поворотить обратно и дать смертельный бой ненавистному врагу. Многие тогда считали, что приказ сей будет с минуты на минуту. Считал так и Костенецкий. И посему старался побыстрее привести подчиненные ему артиллерийские бригады и роты в боевой вид.

Вскоре Василий Григорьевич был вновь назначен начальником артиллерии арьергарда отходящей русской армии.

Выдержки из послужного списка Костенецкого.

«6 октября. Под Тарутино при атаке и разбитии неприятеля в авангарде сбивал весь его левый фланг с нескольких мест и против всего оного мешал перекрестными выстрелами обще с конницей и егерями рассеял и гнал, а потом и одной артиллерией прогнал его на дальнее расстояние в лес, причем командовал и артиллерией пехотного корпуса».

«12 октября. У города Ярославца при отражении содействовал артиллерией вокруг города до окончания сражения, до ночи преследовал, предложил призвать к линии на аванпост свою колонну».

Сражение у Малоярославца заставило французов отойти к местам «бесхлебным». Язвимые болезненными уколами партизанских отрядов, они пятились по старой Смоленской дороге, стараясь не попасть под удар русских войск, шедших параллельно.

Поход на Москву завершился полным разгромом армии Наполеона. А через некоторое время, пройдя огонь и битвы, генерал Костенецкий и его боевые друзья вступили в Париж. Виктория!

В блеске побед, в блеске невиданнейшего военного триумфа возвращались русские воины на Родину. Им казалось, что теперь, после страшной войны, их жизнь станет легче, радостней, свободнее.

С такими чувствами возвращался на родину и генерал Костенецкий. Но возвращение было радостным лишь на первых порах. Когда схлынули первые впечатления от посещения родного дома, петербургских и московских знакомых, генералу стало ясно, что все надежды на перемены к лучшему были напрасны. В армии к власти приходили люди, которые видели главную свою задачу в тупой муштре солдат.

В 1820 году генерал-майор Костенецкий вынужден был оставить службу. Событие это имело огромный резонанс не только в военной среде, но и во всем обществе. И это, конечно, понятно. Со службы ушел человек, отдававшийся ей всей душою и сердцем: командир, имевший за годы службы тридцать благодарностей «за исправность вверенной ему части». Волновало всех то, при каких обстоятельствах произошло увольнение прославленного генерала. У него, как принято сейчас говорить, не сложились отношения с непосредственным начальником, генералом Яшвилем, возглавлявшим артиллерию 1-й армии. О причинах этой ссоры ходило много версий. Одни считали, что виноват больше сам Костенецкий, вернее, его неукротимая неприязнь ко всем плохим людям. И жертвою этой неприязни стал князь Яшвиль, храбрый и заслуженный генерал, грузин по национальности (правда, современники называли его почему-то татарином). Их отношения постепенно накалялись.

В одной из папок департамента инспекции сохранился рапорт князя Яшвиля, описывающий его конфликт с Костенецким.

Увы, документы не пролили свет на тайну ссоры двух генералов. Содержание рапортов не объяснило, почему генерал Костенецкий с таким упорством не желал встречаться с князем Яшвилем, почему старый и опытный служака «показал невнимание к начальству», не представил ему артиллерию корпуса, не сопроводил? Почему не поступил согласно старой боевой традиции, закрепленной в воинских уставах? Не знал? Смешно. Боялся за свою провинность, отмеченную в рапорте — «несообразные учения с орудиями»? Это не похоже на храброго и умелого военачальника, умеющего отстаивать свое мнение, коим и был Костенецкий.

А может быть, дело тут вовсе и не в Костенецком, а в его начальнике?

Итак, кто такой князь Яшвиль?

По отзывам современников, князь Яшвиль был в бою человеком храбрым, но особым умом или воспитанием не отличался. Как писал офицер гвардейской артиллерии Иван Жиркевич, «пылкий, более невежда, нежели образованный». После окончания войны, когда Аракчеев снова оказался в фаворе, князь Яшвиль один из преданнейших его сторонников... Но, пожалуй, наиболее подробную информацию о князе Льве Яшвиле, его окружении можно узнать из нескольких строчек, помещенных на двадцать третьей

странице восьмого тома Собрания сочинений А. С. Пушкина. Эта фраза является ключом не только к пониманию личности Яшвиля, но и ссоры между ним и Костенецким.

Вот что записал в своем дневнике Александр Сергеевич. «Три вещи осуждаются вообще — и по справедливости: 1) Выбор Сухозанета, человека запятнанного, вошедшего в люди через Яшвиля — педераста и отъявленного игрока, товарища Мартынова и Никитина. Государь видел в нем только изувеченного воина и назначил ему важнейший пост в государстве, как спокойное место в доме инвалидов». Кто же эти люди, чьи фамилии употреблены в одном ряду с Яшвилем.

Сухозанет. В молодости был адъютантом Яшвиля, а затем при помощи своего патрона начал «выходить в люди». Сухозанет — личность в нашей истории темная и гадкая. 14 декабря 1825 года он, командуя гвардейской конной артиллерией, приказал открыть картечный огонь по стоявшим на Сенатской площади декабристам. Это его «заслуга», равно как и те, которые он оказывал Яшвилю в бытность свою его адъютантом, позволила Сухозанету ускорить карьеру. Он стал генерал-лейтенантом. В польской кампании 1831 года ему оторвало ядром ногу. Сухозанет вынужден оставить строевую службу. Но «свой человек» был не забыт. И 4 сентября 1833 года Николай I назначил Сухозанета главным директором Пажеского и всех сухопутных корпусов. Чем, собственно, и возмущался поэт.

Мартынов. Исследователи считают, что речь идет о Савве Михайловиче — дяде убийцы М. Ю. Лермонтова, известном в Москве и Петербурге игроке.

Никитин. Здесь, видимо, назван Павел Ефимович — сенатский чиновник, игрок, наживший карточными махинациями миллионное состояние.

Именно эти и подобные им генералы и офицеры, сторонники и поклонники Аракчеева, заручившись поддержкой великого князя Михаила, насаждали в русской артиллерии прусскую муштру, рукоприкладство. Они видели главнейшую цель своей службы в том, чтобы тащить и не пущать, сокрушить все то, что выходит за рамки ими же писанных уставов.

Историки с грустью пишут о тех временах нашей армии. О том, что в ее рядах количество самоубийц в 1820 году по сравнению с 1816 годом возросло почти вдвое. О том, что со службы ушли лучшие офицеры, о том, что «георгиевские кресты пошли в от-

ставку и очутились вишными приставами».

Генерал, сказывалась приобретенная на ратной службе привычка, просыпался рано. Еще, как говорится, не пели петухи, а он уже бежал к пруду. С разбегу бросался в его застывшую, покрывшуюся легким паром воду. Долго плавал, преодолевая сковывающий движения холод. Потом, громко кряхтя от удовольствия, растирался полотенцем. Из купальни быстрым шагом спешил на кухню, где денщик привычно подносил ему тарелку каши и стакан круто заваренного чая.

Костенецкий все так же быстро съедал завтрак. Подхватывался из-за стола и... останавливался. Спешить ему было некуда. Вот уже второй год он, уволенный со службы, жил в своем хуторе, и чем дольше длился этот его вынужденный отпуск, тем более он чувствовал, как ненавистнее становится ему все вокруг. Соседи — помещики, чьи интересы дальше новых борзых и видов на урожай не шли. Уездные вдовы и старые девы, коим добровольное заточение генерала на хуторе казалось удивительно романтичным и которые страсть как докучали своими визитами и приглашениями.

Жизнь проходила стороною. И чем дольше находился Василий Григорьевич вне службы, тем более он это чувствовал. Время текло, ускользало. Уходили и силы. Хотя, впрочем, генерал чувствовал еще в себе силу. Однажды, возвращаясь из леса, он услышал крики. Подошел и увидел, как десятка полтора крестьян тащили по земле к мельнице огромный круглый камень — жернов. Несмотря на крики, громкое подбадривание друг друга, их работа продвигалась медленно — уж очень тяжелым был груз. Завидев генерала, люди бросили работу и, сняв головные уборы, повернулись к нему.

— Что так медленно? — спросил Костенецкий, ощущая, как в предчувствии тяжести напрягаются его мускулы.

— Тяжело, ваше превосходительство, — кто-то из крестьян, видно бывший служивый, ответил, именуя Костенецкого всем титулом.

— Тяжело, говоришь, — улыбнулся генерал. — А ну, возьми, — он отдал стоявшему рядом человеку палку, с которой ходил по лесу. Затем снял сюртук и подошел к камню. По-крестьянски плюнул на ладони и подхватил с одной стороны огромный розово-серый круг...

— Покатится...

— Осторожно, ваше превосходительство...

— Бросайте...

Огромное каменное колесо

действительно стало рваться из рук Костенецкого. Но он, изловчившись, сумел обхватить его удобнее. А затем, тормозя движение жернова, тяжело упираясь в землю, покатил его в гору. Крестьяне, стоявшие вокруг, кинулись помогать.

— Не надо! — генерал остановил их.

Медленно, но уверенно он приблизил камень к мельнице, а затем уложил его на нужное место.

Спустился к воде, зачерпнул ее и помыл руки. Потом взял свой сюртук. Улыбнувшись, хлопнул по плечу стоявшего рядом крестьянина.

— А ты говоришь — тяжело...

Он пошел дорогой к дому, а крестьяне долго еще стояли у мельницы, удивляясь могучей силе Костенецкого.

Не надеявшийся прожить до сорока лет (и для этого были причины. Только в Отечественной войне генерал был пять раз контужен, «не считая полученных в прочих сражениях некоторых ушибов»), Костенецкий, разменяв седьмой десяток, чувствовал себя еще достаточно сильным, чтобы служить в армии.

Но, увы, об этом приходилось только мечтать. Все прошения генерала оставались без ответа.

Своими мыслями, желаниями он стремился в ту часть русского войска, которая еще продолжала жить по своим славным традициям, — в кавказскую армию. Генерал писал, что ему, проведшему свою военную юность на Кубани, будет легко влиться в ряды воинов-кавказцев. Что его назначение, его опыт принесут помощь и самой армии.

Генерал предпринял последнюю отчаянную попытку вернуться в армию. Он вновь написал несколько рапортов, смирив свою гордость, обратился к приближенным к царскому двору лицам.

Ура! Получилось. Получилось то, о чем генерал лишь мечтал! Его не только снова призвали на военную службу, но назначили начальником артиллерии в кавказскую армию. Как раз туда, где еще были живы суворовские и кутузовские традиции. Туда, где офицер солдата называл давно забытым словом «товарищ»...

Генерал начал собираться в путь. Через день он уже был готов выехать. Но ему неожиданно пришлось задержаться.

Летом 1830 года в низовых губерниях России начала свирепствовать холера. Осенью она уже пробралась в Москву, а весною следующего года обступила Петербург со всех сторон.

Выехать из Петербурга Костенецкий не мог — карантины перекрыли дорогу на юг.

Но холеры он не убоялся. Пошел в казармы призреть заболевших.

— Не ходите, Василий Григорьевич, — говорили ему друзья и знакомые. — Поберегитесь, переждите, пока холера спадет.

— Да как я могу беречься? — возмущался генерал. — К солдатам не ходить? Не могу я так поступать. Солдаты — дети мои, а я их отец...

В последнюю неделю июня и в первые три дня июля смертность достигла наибольшего размера. 3 июля было объявлено, что «умершие холерою впредь имеют быть хоронимы не днем, а по ночам».

В начале июля, находясь в казарме, Василий Григорьевич вдруг почувствовал себя плохо. Пришел домой, прилег и — умер.

Друзья поместили тело генерала в гроб, а с наступлением ночи погрузили на подъехавшую к воротам телегу. Через минуту обоз тронулся и поехал в сторону Куликовского кладбища. Повозки завернули в узкие ворота и остановились у глубоких ям, на дне которых белел слой извести. Из натянутой под крестом палатки вышел батюшка с дьячком, оба хмельные — для бодрости.

Батюшка взял горсть песку, кинул его на гроб Костенецкого и, громко икая, сказал:

— Их же имена, ты господи, веси...

Отпевание закончилось. И начали сгружать гробы. Их сваливали в ямы, пересыпая известью из стоящей рядом бочки...

На следующий день холера пошла на убыль.

Страшную жатву собрала эпидемия в Петербурге. Опустели дома и улицы «военной столицы». Но даже среди этих тысяч смертей кончина героя Отечественной войны не прошла незамеченной. Отклик на это печальное событие мы находим в письмах многих современников, и даже тех, которые в то время находились вне страны.

«Не нужно сказывать, как утешительны для нас ваши письма, тем более, что в каждом повторяется приятное известие об уменьшении холеры. Как жаль однако ж, что она все нападает на людей в разных родах известных и еще успела бедного Костенецкого; вот еще чудаком менее в Петербургском обществе». Это строчки из письма графини Блудовой отцу, которое она в 1831 году написала в Берлине.

«Еще чудаком менее». Чудаки, как известно, украшают мир, но нет, не хочется заканчивать рассказ о полюбившемся герое словом «чудак». Он достоин других слов, более верных и точных. Таких, ка-

кие о нем сказал летописец Отечественной войны 1812 года Михайловский-Данилевский.

«Рыцарская честность, невыразимая храбрость в бою, никакими опасностями непоколебимое присутствие духа и истинные христианские добродетели составляли отличительные свойства Костенецкого, одного из доблестных мужей нашего Двенадесятого Года».

Подполковник *В. ШЕДЧЕНКО*

ГЕНЕРАЛ ЯХОНТОВ НА РОДИНЕ И В ЭМИГРАЦИИ

В старой русской армии не все исполняли приказ по министерству № 804 от 16 декабря 1905 года, согласно которому всем военным чинам воспрещалось входить в состав и принимать участие в каких бы то ни было союзах, группах, организациях, партиях и т. п., образуемых с политической целью, а равно присутствовать в разного рода собраниях, обсуждающих политические вопросы. Однако молодой офицер Виктор Александрович Яхонтов был среди тех, кто не нарушал восемьсот четвертого приказа. Не нарушал потому, что был согласен с ним внутренне, искренне полагая, что армия должна быть вне политики.

Таких офицеров было тогда много, и было бы совершенно неверным отнести их к категории ограниченных служак. Среди аполитичных были и те, кого принято относить к цвету армии. Вне всяких сомнений, Яхонтов принадлежал именно к этой части офицерского корпуса русской армии. Это утверждение — не пристрастие биографов к своему герою. Этому есть немало доказательств и прежде всего прохождение Яхонтовым службы и отношение к нему солдат.

Виктор Александрович родился в 1881 году в Варшаве в семье генерала-юриста, выходца из низов, но женившегося на девушке из знатной семьи Дегай. В числе ее предков были герои Отечественной войны 1812 года генералы М. А. Милорадович и Н. И. Депрерадович. Отец и мать умерли, когда Виктор был маленьким мальчиком, и сироту приютили петербургские родственники. Он окончил привилегированный Первый кадетский корпус и Павловское пехотное военное училище. В 1901—1904 годах Яхонтов служил в Куринском полку на Кавказе, затем поступил и в 1907 году окончил Академию Генерального штаба. С 1907 по 1909 год служил в столичном полку святого Александра Невского.

В девятьсот девятом Яхонтов получил предложение круто переменить судьбу: стать специалистом по странам Дальнего Востока, заняться японским языком. Кроме перемены профессии это означало покинуть родной Петербург и переехать в Хабаровск, где располагался штаб Приамурского военного округа. Виктор Александрович после недолгого раздумья, посоветовавшись с женой, дал согласие...

В эти дни произошло событие, внешне незначительное, но оказавшее на Яхонтова сильнейшее воздействие. При прощании солдаты преподнесли своему ротному грамоту. Благодарили за человечное отношение, за то, что учил их читать и писать, знакомил с началами наук. Никто, конечно, в то время не заставлял солдат делать это. Но никто не заставлял и Яхонтова заниматься в казарме просветительством. Напротив. Сначала по наивности он предложил своему полковнику смелый проект: обучать чтению и письму поголовно всех солдат и таким образом повысить ценз грамотности в империи. Идеалистический порыв молодого человека умилил и насмешил полковника.

— Голубчик! Армия — не университет, — только и сказал он.

И вот теперь эта грамота. Яхонтов бережно уложил ее в чемодан и в кабинете своей хабаровской квартиры повесил над столом. (Она будет над его столом во всех домах, городах и странах, где ему придется жить.)

Последующие три года Яхонтов основную часть времени проводит не дома, а в Японии, но бывает также в Китае и Корее. Специальные дисциплины и японский язык продвигаются хорошо, в 1912 году Виктор Александрович успешно сдает экзамен и назначается заместителем начальника отдела военной статистики Приамурского округа. Профессионалы во всех странах знают, что так в русской армии именуются разведывательные отделы. Годом спустя Яхонтов становится начальником отдела. В отпуск, летом, совершает поездку по Норвегии, Германии, Бельгии и Франции. Идет 1913 год — последний год мира в Европе.

В начале четырнадцатого года Яхонтов, уже начальник отдела военной статистики, приступает к переводу «Истории японско-русской войны». Работа над

этим 20-томным (!) изданием японского генштаба должна была, видимо, занять не один год. В связи с этим предстояли, конечно, неоднократные командировки в Японию. Яхонтов съездил раз, поехал вторично и — там, в Токио, узнает о начале мировой войны, которую никто не называл первой, ибо не знал, что будет и вторая. Подполковник Яхонтов срочно выехал на Родину. В Хабаровске он не задержался — спешил в Петербург. Он не намерен был отсиживаться в тылу.

Два года Виктор Александрович провоевал в качестве начальника оперативного отдела штаба Десятой армии. Ему достались тяжкие будни войны, ее суровая проза. На фронте Яхонтов некоторое время служил с молодым офицером, сыгравшим потом важную роль в его жизни, Александром Ивановичем Верховским. Наконец кто-то «в верхах» спохватился, что специалист из тех, которых на пальцах пересчитывают, используется там, где его нетрудно заменить, и Яхонтов, уже полковник, был отозван с фронта. Командование направило его на военно-дипломатическое поприще. Переход был резкий. Только вчера в окопе он отвечал на наивные (наивные ли?) вопросы браво-ребятушек:

— А для ча нам, ваше высокоблагородие, энти самые проливы, как их там прозывают, которые под турком?

А сегодня полковник обедает с царем Николаем в его штабном вагоне и почтительно выслушивает наставления в связи с предстоящей ему, Яхонтову, миссией к союзникам.

Вскоре Виктора Александровича встречал в Париже русский военный агент (атташе) граф Алексей Алексеевич Игнатьев. Встречал не только по протоколу, но и по дружбе, и по родственной любви: он приходился Яхонтову двоюродным братом. И не ведали тогда они, что следующая их встреча состоится лишь в январе двадцать четвертого и сыграет огромную роль в судьбе «кузена Виктора»...

После Франции — Англия. Домой предполагалось возвращаться на британском военном корабле с фельдмаршалом Китченером, направлявшимся в Россию, но Яхонтова на сутки задержали дела, а ко-

рабль Китченера взорвался, едва отплыв от берега. Яхонтов же благополучно добрался до России и вскоре был назначен военным агентом в Японию.

В августе шестнадцатого Виктор Александрович, его жена Мальвина Витольдовна и дочурка Оля переехали в Токио. Яхонтовы быстро освоились в дипломатическом мире, с его нерушимыми ритуалами, множеством традиций, с его внешним блеском и тяжким трудом. Не всех, конечно (дипкорпус традиционно богат и лощеными бездельниками), но полковник Яхонтов, безусловно, относился к тем, кого всерьез волновала судьба Отечества и кто поэтому всерьез и работал. А в феврале в России произошла революция.

Яхонтов довольно спокойно принял это эпохальное известие. Да, он теперь не вне политики, как раньше, он в самой ее гуще, но — политики внешней. Он привык воспринимать свою страну как нечто цельное, как априорно родное, не подлежащее оценке и переоценке. Отечество нужно защищать и оберегать, бдительно следя за происками врагов, явных и тайных — в таковых, увы, не было недостатка на всех континентах. Что касается восприятия полковником внутрироссийских дел, то не сыграла ли здесь парадоксальную роль верность приказу № 804 — запрету вмешиваться в политику?

«Слуга царю, отец солдатам» — этой лермонтовской формулой мыслилось Яхонтову его будущее, когда он готовился стать офицером. Но вот царя нет, а в жизни и работе полковника-дипломата ничего не изменилось.

Но так казалось недолго, считанные недели. Скоро страну как будто затрясло. И это было удивительно. Яхонтов скорее рассчитывал на улучшение — ведь уже не было Распутина и распутинцев, а именно их, а не сам царский строй многие в армии склонны были винить во всех неудачах...

В августе до Токио дошли противоречивые известия о попытке спасти Россию от анархии, предпринятую генералом Л.Г. Корниловым. Активную «антикорниловскую» роль сыграл командующий Московским военным округом полковник А. И. Верховский. Значит, он увидел в генерале вовсе не спасителя Отечества? Естественно, против «мятежа» шумно высту-

пали левые, но в этом шуме прозвучала странная, диссонирующая нота: среди благожелателей Корнилова оказался патриарх русских марксистов Г. В. Плеханов, недавно вернувшийся на Родину после длительной эмиграции.

Хотя Яхонтов уважал и ценил Верховского, он удивился, узнав, что тот (всего лишь полковник, всего лишь 31 год!) назначен военным министром — с производством в генералы, разумеется. Но еще больше удивился Виктор Александрович, когда Верховский вызвал его в Петроград и предложил стать своим заместителем (товарищем, как тогда говорили). Яхонтов принял предложение, но сохранил за собой свою должность в Японии: он хотел иметь запасный выход на случай провала в «высших сферах». Так оно и случилось, только провалился не один он, а все «высшие сферы»...

В те дни семнадцатого, которые потрясли мир, Яхонтов оказался совершенно неспособным ухватить суть событий. Для Виктора Александровича навсегда осталось памятным 17 октября. В тот день на заседании кабинета было утверждено его производство в генерал-майоры. (17 октября — до 25-го оставалась неделя!) На том же заседании А. И. Верховский заявил, что с большевизмом справиться он не сможет, что у него нет сил для защиты правительства, и попросил отставки. Только к этому дню военный министр осознал, что Россия воевать больше не хочет и не может. Но так как Временное правительство превыше интересов Отечества ставило верность союзникам по Антанте, понимания у Керенского и других членов кабинета Александр Иванович не нашел. Верховскому велено было удалиться на остров Валаам...

Вместе с другими членами Временного правительства большевиками был арестован и препровожден в Петропавловскую крепость генерал Маниковский, исполнявший обязанности военного министра. Это было ночью. А утром матросы убили спокойно идущего на службу в полной генеральской форме генерала князя Туманова — второе после Маниковского лицо в военном министерстве. Третьим был Яхонтов. Так он, по мнению военных и штатских чиновников Петрограда, стал «министром». Но слово в данном случае

следует писать в кавычках, ибо в глазах восставшего народа уже не было ни министров, ни министерств. Виктор Александрович успел отдать два приказа. Первый — не прибегать, подобно другим министерствам, к тактике саботажа (ведь война продолжается!). Второй — временно, до падения (исчезновения) большевиков, ходить на службу в штатском. На том и кончилось яхонтовское «министерство». Виктор Александрович не намеревался признавать большевистскую власть, но не представлял, что надо делать. Ведь во внутренней политике он, никогда не нарушавший приказ № 804, совершенно не разбирался. И он решил вернуться в мир политики внешней. Оформив по всем правилам предписание, он уехал из Петрограда, чтобы вернуться на свое место в Токио.

С тысячью приключений добравшись до Японии, он вскоре попал в странное и неприятное положение. Внешне все оставалось по-прежнему: посол Крупенский не признавал наркоминдела Троцкого, Япония не признавала правительство Ленина. Новый 1918 год Яхонтов с супругой по традиции встречал во дворце микадо, но, как он вспоминал впоследствии, начиналось ощущение нереальности, призрачности собственного существования. Кто он? Кого представляет? Сколько это продлится и когда кончится? Но главное неудобство заключалось не в этом. У Яхонтова начался резкий разлад с сослуживцами: русские офицеры (а их оказалось не так уж мало в далекой от фронтов Японии!) в большинстве своем осудили его причастность к Временному правительству. Они воспринимали «временных» как шайку «жидо-масонов», сбросивших с престола обожаемого монарха. Большевики же вообще были вне пределов их понимания. Яхонтов и сам не признавал режим Ленина — Троцкого, но полагал, что изгнание узурпаторов — дело самих русских, а иностранцам лезть в это дело нечего. Против интервенции он выступил с самого начала и без колебаний. Мало того, он отказал в финансовой помощи посланцу атамана Семенова: способствовать братоубийственной войне он не хотел. Не нашел у него понимания и вице-адмирал А. В. Колчак, находившийся в то время в Японии. Иными словами, Яхонтов не захотел стать белым. Собственно, он ни-

когда таковым не был, ибо не участвовал в гражданской войне, и впоследствии очень обижался, когда его причисляли к белякам.

Несколько примирило Яхонтова с другими офицерами их дружное неприятие Брестского мира. Виктор Александрович послал «протест» в Петроград и получил в ответ предложение прибыть туда и предстать перед революционным трибуналом. Телеграмму подписал Н. М. Потапов, бывший царский генерал, перешедший к большевикам! Яхонтов ушел со службы и уехал в США.

Наступило время метаний. Спустя десятилетия Виктор Александрович не любил о нем вспоминать. Никогда не забыть его удивительных рассказов о людях и событиях, которые для нас были фантастически далекими: о первой мировой войне и революции, о царе Николае и Керенском, о Савинкове и Колчаке, о Коненкове и Прокофьеве, о Томасе Манне и Альберте Эйнштейне. Охотно и неоднократно, в печати и в разговорах вспоминал он о первых годах века, о тридцатых, сороковых, шестидесятых... Но не любил возвращаться в 1918—1923 годы. Это были его «хождения по мукам» — образ Алексея Николаевича Толстого, тоже побывавшего в эмиграции, здесь как нельзя более уместен.

Подробный рассказ об этом периоде жизни Яхонтова занимает целую книгу. Но даже краткий перечень некоторых событий может дать представление о противоречивости метаний Виктора Александровича, об иллюзиях, которыми он обольщался, о поражениях, которые он терпел.

Когда Яхонтов приехал в США, еще шла первая мировая война. Он предложил свои услуги военному ведомству в качестве генерала и получил ответ, что иностранец может начать карьеру в американской армии лишь с чина солдата. Почти столь же оскорбительный отказ он получил от своего старого знакомого А. В. Колчака, ставшего полным адмиралом и «Верховным правителем России», но его попытка стать в ряды колчаковцев сказалась на отношении к нему в Советской России. А на отношениях со своей средой, с офицерами царской закваски, оказавшимися в эмиграции, роковым образом сказалась его

статья «Чем сильна армия большевиков», опубликованная в разгар гражданской войны, 5 июня 1919 года, в русскоязычной нью-йоркской «Народной газете». Смысл статьи был в том, что Красная Армия сильна потому, что защищает родную страну от вторжения чужеземцев и выполняет, таким образом, национальную, патриотическую задачу. Опровергал Яхонтов расхожий эмигрантский миф о том, что в Красной Армии нет русских, а состоит она из латышей, китайцев, венгров. Россия — многонациональная страна, писал он, и в ее армии всегда были, в том числе на самых высших должностях, люди с немецкими, польскими, татарскими, кавказскими фамилиями. Приток в Красную Армию старых офицеров он объяснял вовсе не предательством, а патриотизмом. Многие из них вовсе не симпатизируют советскому режиму, но они по долгу воина пошли защищать родную землю от внешнего врага. Сегодняшняя Красная Армия, заключал Яхонтов, это просто завтрашняя Русская Армия. Скандал был страшный, многие прервали отношения с автором крамольной статьи. Но ему самому еще было далеко не ясно, что делать, чем жить, куда и с кем идти. Яхонтов работал в издательстве, переводил французские романы на английский язык, служил в страховой компании, пытался даже заняться бизнесом (был, конечно, обведен вокруг пальца и потерял деньги).

Но параллельно с этим происходила, как позже сформулировал Виктор Александрович, кристаллизация. В сумятице, мраке и тумане все четче обозначалась верная дорога. И выводил на нее самый верный в жизни человека ориентир — звезда Отечества. Большое значение имело для Яхонтова знакомство с ранее неведомым ему слоем людей — с русскими американцами из первой, дореволюционной еще волны эмиграции. Это были главным образом рабочие. Виктор Александрович воспринимал их, как своих бывших солдат. И в самом деле, многие из них в свое время как положено служили в армии, а потом вернулись в свои деревни и фабричные казармы и, помыкавшись в нужде, подались в Америку. Особого богатства не обрели, но, безусловно, по российским понятиям, жили в достатке. Яхонтов вместе с рядом других интел-

лигентов занялся просветительской работой среди этой «трудовой эмиграции». Так завязались его связи с рабочим классом, с трудовой Америкой, оказавшиеся очень прочными и не прерывавшиеся до конца его жизни.

С другой стороны, Яхонтов все больше отдалялся от белоэмиграции. И оселком, на котором пробовалось его отношение к россиянам, которых он встречал за границей, была их позиция по вопросу о признании права родной страны на самостоятельность. Страны, сменившей и название, и флаг, и, казалось бы, все до одной формы государственного бытия, но, несмотря ни на что, оставшейся Родиной. Он еще не знал, чем он может быть полезен ей, но не вредить — было уже в его силах. Кровавые рейды савинковских боевиков и семеновских головорезов на советскую территорию вызывали его протест, шашни иных из бывших офицеров с иностранными разведками вызывали в нем отвращение.

И, разумеется, непонятным и неприемлемым было для него многое из происходящего на Родине. Причем фантастическая реальность мешалась с фантастическими домыслами и, находясь за рубежом, не всегда можно было понять, где правда, а где ложь. Конечно, Яхонтов не верил в национализацию женщин, но нельзя было не верить в многочисленные бессудные и подлые казни офицеров. А такими казнями прославились Зиновьев с Урицким в Петрограде, Пятаков, Бела Кун и Землячка в Крыму, Кедров и его жена Майзель на Севере и — «сам» Троцкий по всей стране. На службу в Красную Армию пошел знакомый Яхонтова по генеральному штабу — блестящий офицер Борис Михайлович Шапошников, во время польской кампании он выступил со статьей в советском военном журнале. Яхонтов посчитал ее патриотичной, она подтверждала концепцию его собственной статьи «Чем сильна армия большевиков», но «товарищ» Троцкий разгневался, закрыл журнал и отстранил Шапошникова от службы. (Двадцать лет спустя в книге «Сталин» Троцкий все еще ставил это себе в заслугу и возмущался тем, что Шапошников назначен начальником Генштаба РККА.)

Так хотелось разобраться во всем! Хорошо бы по-

пасть в таинственный Советский Союз, но как? В самом конце 1923 года Яхонтова пригласил на службу сенатор Франс. Сторонник признания новой России и развития связей с нею, сенатор уже был в Москве и встречался с Лениным. Собирается ехать снова. Согласен ли мистер Яхонтов сопровождать его в качестве помощника и переводчика? О боже, согласен ли он!

Но напрасно Яхонтов дожидался в Париже советской визы: большевики не простили его участия в правительстве Керенского и попытки поступить на службу к Колчаку. К тому же как раз в это время умер Ленин, и Виктору Александровичу стало ясно, что Москве сейчас не до его мотивов, не до нюансов его биографии. Однако те дни в Париже оказались очень плодотворными, они оказали воздействие на всю последующую жизнь Яхонтова. Он снова встретился с А. А. Игнатьевым. Будущий автор знаменитой книги «Пятьдесят лет в строю» уже открыто определил свою позицию и стал на советскую платформу. Виктор Александрович сказал своему другу и родичу, что он — с ним.

Американцы уважали Яхонтова и за то, что его не сломили тяготы эмиграции,— ведь далеко не все выходцы из верхов старой России выдержали их. Полковники служили таксистами и лакеями, баронессы шли на панель...

Правда, Яхонтовы не были беженцами, как многие оказавшиеся за рубежом семьи, принадлежавшие так недавно к высшим классам русского общества. Собственные средства позволили им купить многоквартирный дом в хорошем районе Нью-Йорка. Однако полностью оплатить покупку Яхонтов не смог бы и прибег к рассрочке, к банковскому кредиту под проценты. В результате доход от сдачи квартир внаем был не столь уж велик. С голоду не умрешь, но, по понятиям бывшего дипломата, на нормальную жизнь не хватало.

Яхонтов возобновил свои давние занятия дальневосточными проблемами и преуспел на этом поприще. Его перу принадлежит несколько книг на эту тему, в том числе «Китайские советы», пожалуй, первая

серьезная монография на эту тему. Писал он, естественно, по-английски. Второй специальностью Яхонтова стала лекционная работа (в США это солидная профессия). Для привлечения публики (американцы обожают титулы) на афишах яхонтовских выступлений всегда крупным шрифтом печаталось «генерал русской армии» и мелким — «в отставке». Лектор он был блестящий, а личное его знакомство с царем, фельдмаршалом Китченером и другими европейскими знаменитостями необычайно привлекало аудиторию.

Но главным были все же не рассказы, как полковник Яхонтов обедал с государем-императором в штабном вагоне под Могилевом. Виктор Александрович знаменит был тем, что стал, пожалуй, единственным лектором-профессионалом, кто был русским, жил в старой России и бывал в новой и потому мог сравнивать. В 1929 году был основан «Интурист», мистер Яхонтов стал одним из первых его клиентов. Он приезжал в СССР в 1929, 1931, 1933 и 1936 годах. Не только путешествовал, но и работал. Его книга «Россия и Советский Союз на Дальнем Востоке» не могла быть написана без данных из архивов Наркоминдела.

Взгляды Яхонтова, сложившиеся в 30-х годах, можно раскрыть двумя цитатами. Одна — из отчета о его выступлении в научной дискуссии политологов: «Генерал Яхонтов сказал, что ко времени мировой войны Россия была сельскохозяйственной страной. После войны мир подверг Россию почти полному остракизму. Поэтому было чрезвычайно трудно восстановить ее экономику и в особенности поставить ее на индустриальную основу. Кажется вероятным, что, если бы капиталистические страны не подвергли Россию остракизму и не отказывались от финансового сотрудничества с целью помочь ей выйти из хаоса, вызванного революцией, она была бы способной не только избежать голода, но могла бы осуществлять процессы своего возрождения в более нормальной обстановке и не в таком напряженном темпе. Приспособление остальной части мира к новой ситуации тоже могло бы проходить более спокойно...

Если бы не были разорваны ее внешнеторговые связи, Россия, возможно, не взялась бы за развитие

многих отраслей промышленности. Принужденная строить национальную экономику на нездоровой основе полной изоляции, строить так, чтобы стать независимой и самообеспечивающейся, Россия, естественно, занимается созданием отраслей индустрии, которые в нормальных условиях было бы нерационально развивать. Этот искусственно созданный ультранационализм с изолированной самообеспечивающейся национальной экономикой... неизбежно влияет на экономическую структуру всего мира и способствует нестабильности». (В скобках отметим — это сказано как бы специально для жарких споров, вызванных перестройкой; удивительно ли, что такие зарубежные аналитики, как Яхонтов, «подвергаются остракизму» крикливыми демагогами, для которых все плохо в советской истории, которые вину за все беды XX века пытаются возложить на СССР.)

И еще цитата — слова самого генерала: «Если революция и вооруженное вмешательство чужеземцев в дела моей родной страны побудили меня честно стать на сторону народа, то полнейшая лживость информации, приходившей из России, возбудила во мне желание вновь побывать на Родине и самому разобраться в действительном положении там. И чем больше я накапливал наблюдений за время нескольких своих паломничеств в Советский Союз, чем больше я вникал в проблемы, которые решались в СССР, тем больший интерес они во мне вызывали... Реальность, которую я увидел, побудила меня также пересмотреть многие мои старые взгляды на события в России начиная с 1917 года. Постепенно я пришел к выводу, что моя родная страна находится на верном пути к лучшей жизни. И я спросил себя: не является ли это несравнимо более важным, чем мой собственный комфорт и интересы того класса, к которому я принадлежал по рождению?»

Эти слова взяты из книги воспоминаний В. А. Яхонтова «Преодоление разлада», вышедшей на английском языке в США в 1939 году. Пророческими оказались содержащиеся в этой книге предупреждения западным демократиям об угрозе со стороны фашистских держав. А в другой работе тогда же Яхонтов предсказал Перл-Харбор, указав, что удержать Япо-

нию от нападения на США может лишь американо-советское согласие. Увы, к анализу генерала не прислушались. Есть сведения, что помощник одного из заместителей военного министра доложил об этой публикации своему шефу, но тот лишь отмахнулся от рассуждений «старика-эмигранта»...

Старик? За несколько недель до нападения Гитлера на СССР Виктору Александровичу исполнилось 60 лет. Сразу после начала войны он приехал в Вашингтон, пришел к советскому послу К. А. Уманскому и попросился на советско-германский фронт. Посол ответил, что здесь, в США, генерал Яхонтов сможет принести больше пользы. И это была не только дипломатическая уклончивость, но и трезвая оценка реальных возможностей. Посол понимал, что борьба прогрессивной общественности за то, чтобы Америка помогла Советскому Союзу в борьбе против фашизма, будет нелегкой. Он был прав, и даже после Перл-Харбора все оказалось далеко не ясно и не просто. До открытия второго фронта в июне 1944 года было еще очень далеко.

Все военные годы Яхонтов, несмотря на возраст, активно работал как лектор и журналист. Он объехал буквально всю страну, порой выступал дважды, а то и трижды в день. Теперь уже американская аудитория живо реагировала не на то, что генерал некогда был знаком с царем и Керенским, а на его знакомство с Б. М. Шапошниковым, тогда полковником, а ныне маршалом. Кстати, о Керенском: в декабре сорок первого «временный» вдруг прокаркал из своей калифорнийской норы, что «большевизм уже в прошлом». («Социалист» Керенский не выступал в поддержку Советского государства, а вот его коллега по Временному правительству лидер кадетов П. Н. Милюков открыто заявил о переходе на позицию поддержки Отечества во время советско-финской войны, когда СССР был исключен из Лиги Наций и повсюду на Западе резко усилился антисоветизм.) Яхонтов с первого дня войны старался передать слушателям и читателям веру в победу. «Когда наши потомки будут изучать вторую мировую войну,— говорил он (газеты сохранили нам эту цитату),— и попытаются силой своего воображения представить, что происходило в эти дни, то

никакое другое имя не будет произноситься с такой благодарностью, как Россия!»

Виктор Александрович Яхонтов — один из тех плохо нам еще известных прогрессивных американцев, которые боролись за укрепление антигитлеровской коалиции, за скорейшее открытие второго фронта, которые занимались сбором средств в фонд Красной Армии и в помощь советскому народу. Участвовал он и в сборе денег на строительство военного самолета «Дух Ленинграда», который русские американцы подарили командованию нашей армии. Он один из тех американцев (Яхонтов стал американским гражданином в 1933 году, после установления дипломатических отношений между США и СССР), которые неустанно доказывали необходимость прочного американо-советского сотрудничества. Через несколько недель после окончания войны вышла последняя его книга «СССР — внешняя политика». На первой странице — авторское посвящение: «Памяти великого американского президента Франклина Делано Рузвельта, который понял важность дружбы с Союзом Советских Социалистических Республик и, таким образом, сделал возможным сотрудничество с ним, приведшее к победе над фашизмом».

История, однако, свернула на тропу холодной войны. Причем в отличие от тридцатых годов, конфронтация стала неизмеримо опаснее, ибо появилось атомное оружие, и «команда Трумэна» стремилась извлечь из атомной монополии максимум дивидендов. Генерал Яхонтов не дрогнул и от линии Рузвельта не отрекся.

В 1946 году, в возрасте 66 лет, Виктор Александрович сдал труднейшие экзамены и стал работником секретариата ООН. Он сохранял удивительно хорошую форму, не пил, не курил, но через шесть лет его уволили формально из-за возраста. Однако ни для кого не составляло секрета, что подлинная причина заключалась в ином: Яхонтов привлек внимание пресловутой Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности. Маккартисты поставили ему в вину благожелательные отзывы о Советском Союзе, открытые выступления за мир, важнейшим элементом которого Виктор Александрович считал дружбу народов

СССР и США. В разгар холодной войны такая позиция «красного генерала» вызывала ненависть «ястребов».

Впервые так назвал Яхонтова какой-то газетный репортер еще в начале 30-х годов. Эту кличку вспомнили теперь, когда, как невесело шутили в Америке, «красных искали под кроватью» (не надо забывать, что обезумевшие реакционеры называли «красными агентами» даже президентов Трумэна и Эйзенхауэра!). Но Яхонтов никого не испугался и «не угомонился». На восьмом десятке лет он стал редактором нью-йоркской газеты «Русский голос» и проработал на этом посту два десятилетия!

«Русский голос», основанный вскоре после Февральской революции в России, стал рупором прогрессивно настроенных американцев—выходцев из нашей страны. Читателями газеты всегда были главным образом рабочие. Яхонтову, с его давней склонностью к просветительству, «Русский голос» оказался дорог и близок. Впервые он опубликовался в нем еще в 1929 году, после первой поездки в СССР, публиковался и позднее, особенно в годы войны, а в пятидесятые годы газета стала основным его делом. Борьба за мир, против ядерной угрозы, против гонки вооружений, за американо-советское сближение — вот основная линия газеты, которую редактировал Яхонтов. А еще он много выступал, но теперь не в фешенебельных клубах за большие гонорары, а в рабочих аудиториях. «Наш генерал» — звали его благодарные слушатели. Аристократ родом, бывший замминистра Временного правительства стал своим в трудовой Америке.

А в 1959 году генерал Яхонтов (было ему уже семьдесят восемь!) стал одним из пионеров того, что мы сейчас называем народной дипломатией. Он собрал группу читателей «Русского голоса» — 28 человек — и отправился в туристическую поездку в СССР. Это не был привычный «мистерам Твистерам» тур в экзотическую страну с ее балетом, икрой и загорскими куполами. На мистера Твистера никто не посмеет бросить косой взгляд, куда бы он ни направился. А для простых американцев русского, украинского, белорусского происхождения побывать на своей бывшей родине, поклониться дедовским могилам, по-

знакомиться с живыми родичами, то есть завязать связи с «врагом № 1», означало стать неблагонадежными в глазах маккартистов. Но поездка оказалась успешной и положила начало традиции. С тех пор во главе групп «Русского голоса» Виктор Александрович пятнадцать раз приезжал в СССР. Благодаря его инициативе у многих там, в Америке, спала с глаз пелена, многие восстановили связи с родными и знакомыми, связи, которые уже не прерывались.

И конечно, в Советском Союзе генерал Яхонтов становился все более известным человеком. Когда в 1966 году скончалась Мальвина Витольдовна, Виктор Александрович обратился в советское посольство за разрешением предать ее прах родной русской земле. Ему было предложено совершить захоронение на кладбище Александро-Невской лавры в Ленинграде. Яхонтов понял, что это жест большого уважения к нему. В следующий приезд на Родину он привез урну с прахом жены. Виктору Александровичу было уже восемьдесят пять...

Железная воля генерала помогала ему превозмогать тяжесть возраста и гнет одиночества. Физических сил становилось все меньше, но голова сохраняла удивительную ясность. Виктор Александрович и на десятом десятке руководил «Русским голосом». Но встретить конец на чужбине он не хотел, хотя какая уж она ему чужбина — Америка. Он прожил здесь большую часть жизни и глубоко, искренне полюбил эту великую страну, ее прекрасный народ. И все же хотел умереть только в России...

Виктор Александрович вернулся на родину 22 сентября 1975 года. Прибыл он морем в Ленинград: хотелось въехать в родную страну через родной город. А лайнер, на котором он в последний раз пересекал Атлантику, назывался «Александр Пушкин»! Яхонтов побывал на могиле жены, посетил галерею героев 1812 года в Эрмитаже, где среди других висят портреты его славных предков — генералов Депрерадовича и Милорадовича. Сопровождавшим его друзьям Виктор Александрович, улыбаясь, говорил, что готов держать пари: в толпе посетителей Зимнего дворца он один когда-то приходил сюда не в музей, а в пра-

вительственное учреждение. Яхонтову было девяносто четыре...

Поселился Виктор Александрович в Москве и с первых же дней понял, что ошибался, полагая, что едет на Родину умирать. Конечно, умирать придется, но пока... Пока надо было, как оказалось, жить и работать, причем напряженно. Прочно устроился его быт. Яхонтову была назначена персональная пенсия (генеральская — 300 рублей), выделена квартира. Здесь, в последнем своем прибежище, в Грохольском переулке близ Комсомольской площади, над письменным столом Виктор Александрович повесил солдатскую грамоту. Ту самую, 1909 года,— как в Хабаровске и Токио, в Праге и Нью-Йорке. Всю жизнь она была перед его глазами. Он не забыл своих солдат, сменив род службы.

Вскоре Яхонтов вошел в совет общества «Родина» (Советского общества по культурным связям с соотечественниками за рубежом), был избран членом объединенной редколлегии его изданий — газеты «Голос Родины» и журнала «Отчизна». Он много писал для них и, конечно, для родного «Русского голоса», выступал по радиостанции «Родина», по заказу журнала «США. Политика. Экономика. Идеология» опубликовал там большую статью «Русский в Америке». В «Отчизне» начал печатать свои воспоминания (которые, к сожалению, не успел окончить). А еще — огромный поток писем, хлынувший в квартиру на Грохольском после первой же публикации в «Неделе» о возвращении генерала Яхонтова. И новые друзья.

Оказалось, что старый генерал интересен и нужен многим, очень многим. У Виктора Александровича завязались отношения с людьми разных возрастов и профессий, но, конечно, прежде всего к нему тянулись те, кого интересовали проблемы старой русской армии и эмиграции. Очень обстоятельными были беседы Яхонтова с историком А. Кавтарадзе, который позднее, в 1988 году, выпустил интереснейшую книгу «Военные специалисты на службе Республики Советов. 1917—1920 гг.» об офицерах старой армии, перешедших на сторону народа. Эта же тема волновала и молодого военного историка А. Штыка́, много раз кон-

сультировавшегося у Яхонтова. Словом, ни о каком старческом одиночестве не могло быть и речи.

11 июня 1976 года Виктору Александровичу Яхонтову исполнилось 95 лет. В этот день вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении его орденом Дружбы народов. Как было сказано в Указе, он награждался «за активную многолетнюю патриотическую деятельность и в связи с девяностопятилетием». 2 августа в Кремле юбиляру была вручена высокая награда. Вскоре Яхонтов написал в одной из своих статей: «Я безгранично счастлив. Счастлив, что наконец вернулся в свою родную, горячо любимую страну. Счастлив, что живу среди близких и дорогих мне людей, среди друзей. Счастлив, что Советское правительство удостоило меня такой высокой награды. Выходит, не зря прожил я жизнь». Виктор Александрович говорил, что название советского ордена, которым он награжден, очень точно отражает главное направление его деятельности. Разве не ради дружбы народов он проработал несколько десятилетий в Америке? Разве не эта идея лежала в основе его книг, статей, лекций? Разве не в дружбе народов видел он единственную гарантию того, что человечество уцелеет в ракетно-ядерный век?

Летом 1977 года навестить отца приехала из Соединенных Штатов дочь, Ольга Викторовна. Они провели несколько дней в Москве, съездили в Ленинград. Рассудком, наверное, Яхонтов хорошо понимал, что он и должен был уехать из Америки один. Ольга выросла и состарилась за границей, России не знала. Ну а внуки и правнуки и подавно были уже самыми настоящими американцами. Но, конечно, многое, о чем легко рассуждать теоретически, тяжело переживается на практике. Особенно в таком возрасте...

Виктор Александрович умер 10 октября 1978 года, на девяносто восьмом году жизни. Согласно завещанию урну с его прахом перевезли в Ленинград и захоронили на Никольском кладбище Александро-Невской лавры, в одной могиле с Мальвиной Витольдовной. По преданию, Петр Первый выбрал это место для монастыря и собора потому, что именно здесь 15 июля 1241 года князь Александр Невский разбил шведов. Для каждого русского патриота Александро-

Невская лавра — место особое. Она названа именем одного из величайших героев отечественной истории. Здесь похоронены Александр Невский, Суворов, Ломоносов, Карамзин, Жуковский, Крылов, Гончаров, Достоевский... И еще нельзя не вспомнить: имя святого Александра Невского носил тот полк нашей армии, где служил когда-то Яхонтов, где стал он подлинным отцом-командиром для своих подчиненных. Так высокой символикой наполнилось и место последнего успокоения Виктора Александровича Яхонтова.

На его могиле, на гранитной плите, кроме имени, отчества, фамилии и дат жизни выбито три слова: «Ученый, писатель, патриот». Жаль, что из-за юридической точности нельзя было выбить на граните еще одно слово — генерал. Формально он был генералом всего семь дней, но он останется в нашей памяти генералом. Вопросы, обращенные к нему из зала, обычно начинались со слова «генерал». «Красным генералом» называла его реакционная пресса. «Наш генерал»,— говорили о нем в рабочих клубах.

...Мы благодарны судьбе, которая подарила нам знакомство с этим замечательным человеком. Удивительное дело — есть люди, которые ведут себя вызывающе, на каждом шагу заявляют о своем бунтарстве и непокорности, но при всей своей склонности к браваде и эпатажу суть благонамеренные обыватели, и весь их «бунт» сводится к фасону костюма и пристрастию к новому эстрадному шлягеру, да и то не в те времена, когда это чревато осложнениями. Яхонтов — абсолютно противоположный тип человека. Внешне благообразный, учтивый, старомодный, неукоснительно следующий традициям, подчеркивающий свое уважение к авторитетам, он-то и был бунтарем, человеком смелых, нетрадиционных решений. Он не боялся идти на конфликт не с врагами, а с друзьями, с людьми своего круга, класса, своей среды, что, как известно, требует самого большого мужества.

Яхонтов занял позицию принципиального отказа от какой-либо поддержки иностранной интервенции в Советскую Россию. Он не побоялся вслух заявить в разгар гражданской войны о том, что считает Красную Армию армией, защищающей Отечество. Он уви-

дел тщету и пустоту эмигрантского политиканства, занялся полезным делом и преуспел в нем (селф мэйд мэн — человек, сделавший сам себя,— так о нем говорили, а в Америке это комплимент). Он мог бы преуспеть гораздо больше, но он пожертвовал карьерой, открыто заявляя о поддержке Советского Союза, демонстрируя свою близость к левым, рабочим кругам американского общества (хотя коммунистом не был). Он с самого начала был бескомпромиссным противником фашизма. Он отдал десятилетия работе во имя сближения СССР и США, в том числе в те годы, когда реакционеры квалифицировали это как «антиамериканскую деятельность», со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Исключительно важно и не до конца еще, думается, осмыслено, что саму свою двойственность, свое «русско-американство» Яхонтов никогда и ни в чем не использовал ни во вред США, ни во вред СССР, а, напротив, поставил ее на службу делу мира, делу сближения двух великих народов. И этот урок Яхонтова, подвиг его жизни отнюдь не настала пора переводить в разряд исторических раритетов. Отнюдь! Одним одиссея генерала Яхонтова служит вдохновляющим примером, другим — укором. Нет сомнений, что доходящие до неприличия шараханья в оценке такого сложнейшего явления, как русская эмиграция, во многом строятся на основе примитивных представлений, элементарных схем.

Яхонтов неудобен сторонникам простоты, которая, как давно подмечено, хуже воровства. (Будь эта простота «левой» или «правой», «белой» или «красной», националистической или космополитической.) Всей своей долгой жизнью Виктор Александрович доказал, что достойный выход есть из любой, самой запутанной ситуации, что возможно достойное человека решение самой сложной проблемы, а предательству и подлости нет оправданий. Всматриваясь в трагические коллизии, через которые проходил генерал Яхонтов, хорошо понимаешь и ясно видишь, что человек без родины — нищ, что патриотизм — богатство человека, его щит и меч.

Анатолий АФАНАСЬЕВ
Юрий БАРАНОВ

ГЛАВНЫЙ КОМИССАР БАЛТИКИ

Центробалт. Название этой революционной организации моряков широко известно. Как и имя первого председателя Центробалта Павла Ефимовича Дыбенко. Гораздо меньше знают о тех, кто вместе с ним вел балтийских моряков в революцию. Например, о ближайшем помощнике Дыбенко Николае Федоровиче Измайлове. Вместе они поднимали моряков на Октябрьское восстание. Когда же Дыбенко отозвали в Питер, именно Измайлов сменил его на посту председателя Центробалта.

Судьбы двух руководителей балтийских моряков схожи и в той трагедии, которую пережил наш народ в годы культа личности. Оба были арестованы в тридцать восьмом. Дыбенко был расстрелян, Измайлову «повезло» — он отсидел в застенках ГУЛАГа восемнадцать лет. В 1956 году был полностью реабилитирован.

Сегодня, когда восстанавливаются страницы нашей истории, правда революции требует вписать в них и дела Николая Федоровича Измайлова.

Первый ревком действует

Керенский все больше и больше склонялся к монархическим принципам правления и поэтому спешил обелить себя перед теми, кто еще недавно занимал престол. В августе 1917 года он попытался отправить за границу группу приближенных царской семьи: фрейлину Вырубову, главврача царя Бадмаева, афериста Манусевича-Мануйского, Эльвенгрена, Глинко-Янчевского и других. Члену Центробалта Измайлову стало известно об этом. Он связался с Военным отделом областного Совета Финляндии и предложил арестованных царских прихвостней не выпускать, а держать как заложников за томящихся в тюрьмах большевиков.

— Добро, — сказали ему в Совете. — Действуй по своему усмотрению.

На узловую станцию Рихимяки опустилась ночь. Казалось, станция обезлюдела. Застыли на ее путях, словно устремились на покой, несколько составов, и

лишь у одного из вагонов прогуливались шпики и вышагивал взад-вперед патруль. И вдруг из темноты вышли матросы. Их начальник сказал:

— Именем революции приказываю отцепить вагон от поезда. Находящихся в нем — арестовать.

Ни станционному начальству, ни шпикам не удалось помешать матросам. Операция была проведена быстро и точно. Царских холопов на грузовиках доставили на яхту «Полярная звезда».

На следующий день из Зимнего дворца в адрес Центробалта посыпались громы и молнии. Однако моряки Балтфлота и на этот раз проигнорировали требования Керенского. Тогда озлобленный до крайности премьер приказал командиру казачьей дивизии, находящейся в Гельсингфорсе, силой оружия освободить арестованных.

Как только Николаю Измайлову передали об этом, он в свою очередь отдал приказ дивизиону миноносцев привести орудия и пулеметы в боевую готовность и в случае появления казаков на набережной около яхты «Полярная звезда» открыть по сигналу огонь.

Казачий генерал не осмелился подставлять свои войска под жерла корабельных орудий — он понимал, чем это грозит. Так в результате решительных действий председателя Военного отдела Центробалта Измайлова победа в этом первом бою с Керенским осталась за матросами.

В конце августа контрреволюция предприняла попытку задушить революцию вооруженной силой. 21 августа генерал Корнилов сдал немцам Ригу, открыв врагу путь к Петрограду, а 25 августа он отдал приказ Третьему конному корпусу генерала Крымова идти на столицу, подавить движение рабочих и солдат. Центральный Комитет большевиков призвал народ к активному вооруженному отпору войскам Корнилова. На его пути как щит революции встал Кронштадт.

Вечером 26 августа здесь стало известно, что бригада войск мятежников с артиллерией направлена в Ораниенбаум. Командование бригады подготовило Кронштадтскому гарнизону ультиматум, в котором требовало разоружения крепости и перехода всех матросов и солдат на материк. Керенский санкционировал разоружение ненавистного ему Кронштадта. Но

местный Совет, в котором преобладали большевики, решил послать для усиления форта Красная Горка батальон солдат и матросов, направить в район Ораниенбаум, Петергоф отряд кронштадтцев против войск Корнилова.

А 28 августа состоялось совместное заседание исполкома Гельсингфорсского Совета, Центробалта, областного Совета Финляндии и других демократических организаций. Это заседание вошло в историю страны. Оно постановило выделить «из своей среды ответственный перед указанными организациями революционный комитет».

Ревкомы, овеянные славой и легендами, ревкомы — честь, совесть и справедливость страны — родились 28 августа 1917 года в Гельсингфорсе и Кронштадте. На тех, кто вошел в состав первого в России ревкома, ложилось тяжелое бремя ответственности не только перед матросами Балтики, но и перед всем трудовым народом.

Революционному комитету предоставлялись самые неограниченные полномочия. Вся служба связи и правительственный телеграф находились в его распоряжении. Под его полным контролем должны были работать штабы и управления войск в Финляндии. Без его санкции не считались действительными приказы командного состава. Ценой любых усилий и жертв первому ревкому надлежало спасти революцию.

Его председателем стал левый эсер, а впоследствии большевик Ковригин. Центробалт выделил своих лучших представителей — Баранова, Гордеева и Измайлова. Для того чтобы комитет всегда знал и мог ориентироваться в обстановке, чтобы избежать ошибок в руководстве, им были назначены в 14 важнейших соединениях и учреждениях войск и управлениях финляндского генерал-губернаторства свои комиссары.

Учитывая опыт, способности и боевые качества Николая Измайлова, его назначили комиссаром в самое опасное и самое, как тогда считали, контрреволюционное соединение — Пятую Кавказскую казачью дивизию.

В ночь на 29 августа в ревкоме стало известно, что

войска получили приказ Корнилова двигаться на Петроград.

Ковригин вызвал Измайлова:

— Немедленно в машину. Любыми путями дивизия должна быть остановлена. Иначе, понимаешь, чем это грозит?

Автомобиль долго летел в ночи. Наконец свет фар вырвал вдалеке строения казарм. В них расквартировалась казачья дивизия.

Двор был освещен прожекторами, и по суматохе, которая царила здесь, Николай догадался, что успел. Казаки заканчивали приготовления для погрузки в вагоны.

— Остановитесь! — разлетелся зычный и требовательный голос моряка.

Казачья масса хлынула к автомобилю. Хмурые лица, холодные стальные дула карабинов смотрели на незваного пришельца — коренастого матроса, поднявшегося с сиденья. Но Измайлов и не ожидал приветливой встречи. Сейчас главное было остановить этих людей, показать черный смысл их действий, вывести на чистую воду их командование.

А самое главное — заставить слушать себя.

— Орудия кораблей Балтики наведены на ваши казармы и не оставят здесь камня на камне, если вы подчинитесь приказу царского генерала. От имени Гельсингфорсского революционного комитета призываю повернуть дула своих винтовок. Не в грудь революционного Петрограда должны быть направлены они, а в царского прихвостня, предавшего интересы народа, — генерала Корнилова.

Толпа зашевелилась. Откуда-то из гущи казаков вырвался голос:

— А ведь морячок-то правильную речь держит, братцы. Опять, что ль, царя на престол сажать будем?

Голос поддержали:

— Давай, давай, говори, матрос. Так и быть, послушаем, что скажешь.

Завязывался митинг. То есть как раз то, чего добивался Николай. Теперь он был в своей стихии. Он рассказывал о том, за что борются большевики, что требуют они для мужика. (Ненапрасно прошли для Ни-

колая недели, проведенные им в Петроградской тюрьме — «Крестах». Оттуда он вынес точное знание большевистской тактики и отточил в спорах остроту слова.) Измайлов говорил о предательстве Временного правительства, ратующего за продолжение войны, поддерживающего Корнилова. И это были факты самой жизни. Оратор находил поддержку, чувствовал ее по одобрительному гулу толпы. Пора было переходить от речей к действию.

— А сейчас я предлагаю избрать от вашей дивизии двух представителей в наш революционный комитет.

Выкрикивали многих. Но в конце концов прошли две кандидатуры казаков, настроенных явно по-большевистски.

— Ты в нас не сомневайся, морячок, — заверил Измайлова один из избранных. — Мы тоже за революцию. По глупости и темноте своей не туда повернули.

Но Николай для пущей убедительности предупредил:

— Передайте своему командующему, если он откажется выполнять приказы революционного комитета, то будет немедленно судим народным судом как сообщник Корнилова.

Расставались уже по-дружески. До ворот казармы автомобиль провожали все. А Корнилов был взбешен, узнав, что верные ему части отказались выполнять его приказания.

После разгрома мятежа началась всероссийская большевизация Советов, началась подготовка к будущему восстанию. В повестку дня первым пунктом ставился вопрос о вооружении. Было ясно, что Временное правительство не отдаст власть добровольно.

Кронштадт кипел ненавистью. И без того потерявшее среди моряков свое влияние правительство еще больше озлобило балтийцев, приказав распустить Центробалт. Кронштадтский Совет вынес на своем заседании резолюцию:

«Новое коалиционное Временное правительство является союзом корниловцев и мнимых представителей демократии», а поэтому «такому правительству Крон-

штадтский гарнизон и рабочие решительно отказываются в какой бы то ни было поддержке».

Примерно такое же отношение к Керенскому было по всей стране. По городам прокатились раскаты стачечных боев, восставали крестьяне, окончательно потерявшие надежду получить землю. Революционный подъем нарастал.

Военно-революционный комитет Петрограда формировал отряды Красной гвардии. На обучение их посылали в Кронштадт. Здесь же должны были вооружить их.

— Как ты думаешь, Николай, где мы могли бы достать винтовки? — спросил вернувшийся из Питера Дыбенко у своего заместителя Измайлова.

— Трудное дело. Впрочем, кое-какой план у меня есть. Попробовать можно.

Дыбенко, человек от природы веселый, от души посмеялся, услышав этот план. Но потом сказал:

— Действуй. Желаю успеха. Поглядим, сможешь ли ты утереть нос этим петроградским чинушам?

Начальнику морского генерального штаба графу Капнисту доложили, что его хочет видеть товарищ (заместитель) председателя Центробалта председатель Военного отдела Измайлов.

Граф Капнист, монархист в душе и аристократ по натуре, не выносил разговоров с нижними чинами. Но и он понимал, что времена изменились. Сейчас не отмахнешься от матроса, не дашь ему пощечину, как в прежние, золотые для Капниста, времена. И поэтому он, тяжело вздохнув, сказал дежурному:

— Ну что ж... Пусть войдет...

Дежурный четко повернулся.

— Только не забудьте потом проветрить мой кабинет.

Едва дежурный закрыл за собой дверь, как она вновь широко распахнулась. На пороге стоял плотно сбитый матрос с лихо закрученными усами.

— Разрешите войти, господин контр-адмирал?

— Да, да... Что вам угодно? — поспешил Капнист, однако по давно усвоенной военной привычке сразу же отметил про себя бравую выправку матроса, смелость его взгляда. «С такими вот только и выигрывать сражения. Эх, где наши былые времена...»

— Боцман-мант Измайлов прибыл к вам по поручению Центробалта.

Ах, опять это ужасное слово. Его так не любил Капнист. С Центробалтом вечно были связаны какие-нибудь неприятности. Как жаль, что этот лихой матрос представляет большевистскую организацию.

— Слушаю вас,— кисло сказал Капнист.

— Как председатель Военного отдела я прибыл сюда, чтобы просить оружие для десантных отрядов Балтийского флота, которые мы собираемся в самое ближайшее время отправить на Або-Аландские острова. По полученным от разведки данным, там готовится нападение на наши укрепленные позиции.

— Да, да...— подтвердил Капнист.— До меня тоже дошли эти слухи. «А все-таки я еще не разучился разбираться в людях. Этот боцман мне не зря понравился. Никакой он не большевик. Он верный страж царя... опять путаю со старым. До добра не доведет. Верный страж Временного правительства и Отечества».

— И как же вы предполагаете отбить атаку? Ваш отдел разработал план?

— Так точно, господин контр-адмирал. План у нас есть. «План у нас есть, сукин ты сын. И по этому плану ты будешь повешен одним из первых».

— Разрешите доложить?

— Давайте, давайте...

Николай, прежде чем идти к Капнисту, продумал разговор с ним до мелочей. И у него действительно в запасе был план, и не плохой, отражения немецкой атаки.

Капнист слушал внимательно и в конце сказал:

— Рад, очень рад за вас. Вы способный моряк. Вы стали бы неплохим офицером. Рад и за Центробалт. Наконец-то он взялся за здоровое дело. Защита Родины прежде всего. Это дело наше. Военное. А смута и все прочее — от штатских. От безделья и предательства. Видимо, Временное правительство зря клеймило Центробалт позором, зря обвиняло Балтийский флот в измене. По вас я вижу, что есть еще порох в пороховницах. Кстати, о пороховнице. Что вы желали бы получить?

Николай утроил оговоренную в Центробалте цифру. Капнист недоверчиво взглянул на него:

— Ну, это слишком много. Вот...

Капнист что-то написал на бумаге.

— Отправляйтесь в артиллерийский склад Адмиралтейства. Вы получите 3 тысячи винтовок, 5 тысяч гранат, 35 пулеметов, 100 кольтов и полный комплект боезапаса. Думаю, для вас будет вполне достаточно. Желаю вашей операции успеха, боцман...

— Измайлов, господин контр-адмирал.

— Измайлов. Постараюсь запомнить вашу фамилию. Отличитесь — награжу.

— Разрешите идти?

— Идите.

Неизвестно, узнал ли потом граф Капнист, как использовали данное им оружие, слышал ли он когда-нибудь еще фамилию Измайлова, но доподлинно известно, что все полученное Николаем оружие было доставлено в Гельсингфорс и сдано на яхту «Полярная звезда».

Отряды матросов и рабочих получали винтовки и гранаты, пулеметы и кольты. Получали и отправлялись в Петроград разделываться с оплотом контрреволюции и предательства — Временным правительством.

Революция вооружалась.

Ленинское слово

Ленин верил морякам Балтики, и в свою очередь балтийцы верили великому вождю. Каждое его выступление обсуждалось на кораблях, вносило ясность в запутанные вопросы, воспитывало стойких бойцов будущей революции.

Покупая газету, моряки первым делом спрашивали:

— Ульянова-Ленина есть статьи?

Если они были, то газеты шли нарасхват.

Иногда в Центробалт попадали листовки со статьями Ильича. Каждая из них была на вес золота. Каждая зачитывалась до дыр.

Сотни, тысячи, десятки тысяч большевиков из тех, что затем возглавили революцию и продолжили ее

дело, были обязаны Ленину своим прозрением. Личный пример вождя, его гениальный ум помогли им найти единственно верную дорогу и определить свое место в жизни, помогли встать по эту сторону баррикад с древком Красного знамени в руках. Его «Советы постороннего», написанные 8 октября, были советами самого сведущего, самого знающего человека. План вождя предусматривал, кроме всего прочего, наступление на Петроград флота, такого комбинирования трех главных сил — флота, рабочих и военных частей, чтобы в городе были непременно заняты основные объекты.

В «Письме к большевикам» — делегатам съезда Советов Северной области Владимир Ильич еще раз подчеркнул громадную роль моряков Балтики в предстоящем восстании.

Такое пристальное внимание вождя, надежда его на флот, разумеется, не могли не воодушевить моряков. Все их мысли, сила, отвага были подчинены стремлению выполнить указания Ленина.

Центробалт работал круглосуточно. Важные секретные заседания, на которых разрабатывался в подробностях план участия матросов в предстоящем восстании, перемежались с конкретными приказаниями представителям команд кораблей.

24 октября крейсеру «Аврора», находившемуся на ремонте в Петрограде, заградителю «Амур», Второму балтийскому и Гвардейскому экипажам было приказано всецело подчиняться распоряжениям Военно-революционного комитета Петроградского Совета. И наконец...

...Ночь. Она отличалась от других ночей, пожалуй, только тем, что каждый центробалтиец в свободную минуту спешил задать телеграфисту вопрос:

— Ну, как?..

Телеграфист понимающе пожимал плечами:

— Пока ничего.

И наконец свершилось.

Октябрьская революция началась. На помощь ей спешили боевые корабли и отряды моряков Балтики.

Разбудила новую эру «Аврора». Распахнулись тяжелые, крученые створки ворот дворца царей. Конч-

лось время Временного. Срочно формировалось новое правительство народа.

В состав первого Советского правительства вошел воспитанник Балтийского флота, его признанный вожак Павел Ефимович Дыбенко. Он стал первым народным комиссаром по морским делам.

Кому же было заменить его в Центробалте? Выбор пал на его заместителя, человека волевого и энергичного, чье имя пользовалось среди балтийцев огромной популярностью,— Николая Федоровича Измайлова.

Новому председателю Центробалта не надо было принимать дела. Он постоянно находился в курсе всех дел. А они не уменьшались. Свергнутый народом Керенский пытался прорваться в Питер. Части генерала Краснова угрожали городу.

В ночь на 28 октября в штаб-квартире Центробалта на «Полярной звезде» резко зазвонил телефон. Председатель Гельсингфорсского исполнительного комитета А. Л. Шейнман требовал председателя Центробалта.

— Измайлов слушает.

— Немедленно приезжайте на телеграф. Вас срочно вызывает к прямому проводу Владимир Ильич Ленин.

Признаться, Николай не мог вот так сразу совместить эти два понятия: Ленин и вдруг вызывает лично его, простого матроса-балтийца. Он переспросил:

— А правда ли это?

Но на том конце провода голос зазвучал еще настойчивее:

— Скорее приезжайте... Дело серьезное... Войска Керенского взяли Гатчину, они продвигаются к Петрограду. Революция в опасности!

Вскочить в дежурную машину было делом минуты. Измайлов просил шофера выжимать не только все возможное, но и все невозможное. Едва он подбежал к телеграфисту, аппарат отрывисто застучал.

Николай в спешке никак не мог взять левой рукой ленту. Правая, забинтованная, висела у него на перевязи: несколько дней назад он был ранен в бою с финскими белогвардейцами. Но все-таки он, командир отряда, продержался до конца боя. Несмотря на

численный перевес врага, белофинны были разгромлены.

Наконец лента в его руках. Он, волнуясь, прочитал первый вопрос:

— Сколько можете вы послать миноносцев и других вооруженных судов?

Николаю Измайлову предстояло отвечать великому вождю за весь шестидесятитысячный состав моряков Балтики.

— Можно послать линейный корабль «Республику» и два миноносца.

— Будут ли они точно так же обеспечены продовольствием от вас?

— Во флоте продовольствие у нас есть, и они будут снабжены продовольствием.

Для того чтобы Ильич понял, что высылаемые Центробалтом для борьбы с контрреволюцией суда заслуживают этой чести, Измайлов решил добавить:

— Все посланные миноносцы и линейный корабль «Республика» — с уверенностью скажу, что выполнят свое дело защиты революции. В посылке вооруженной силы не сомневайтесь. Будет выполнено беспрекословно.

На ленте сразу же появился новый вопрос Ленина:

— Через сколько часов?

— Максимум 18 часов. Встречается ли необходимость сейчас послать?

— Да. Правительство абсолютно убеждено в необходимости послать немедленно с тем, чтобы линейный корабль вошел в Морской канал как можно ближе к берегу.

Николай сейчас же вспомнил о том, как их маневренный в открытом море и неуклюжий в узкой ленте Морского канала эскадренный миноносец в дни июльской демонстрации не спас от ареста делегацию балтийских моряков только потому, что не мог уйти из-под обстрела броневиков. Тем более не приходилось рассчитывать в таких условиях на успешный бой с береговой артиллерией. И Измайлов ответил Владимиру Ильичу:

— Так как линейный корабль представляет из себя крупное судно с двенадцатидюймовой артиллери-

ей, то поэтому оно встать около берега не может: так оно может быть захвачено просто голыми руками. А для выполнения этого служат миноносцы с мелкой артиллерией и пулеметами; что же касается линейного корабля, то он должен стоять, приблизительно, на рейде или рядом с крейсером «Аврора», так как его артиллерия стреляет на 25 верст,— в общем это дело выполнят матросы с командным составом.

Учитывая предложения опытного матроса, Ленин подсказал, как следует использовать боевые корабли:

— Миноносцы должны войти в Неву около села Рыбацкого, чтобы защищать Николаевскую дорогу и все подступы к ней.

— Хорошо, будет все это выполнено. Что еще скажете?

— Есть ли радиотелеграф на «Республике», и может ли он сноситься с Питером во время пути?

— Не только на «Республике», но и на миноносцах, которые сносятся с Эйфелевой башней. В общем, заверяем, что будет все выполнено хорошо.

На ленте появился новый вопрос:

— Итак, мы можем рассчитывать, что все названные суда двинутся немедленно?

Измайлов ответил уверенно. Он-то знал моряков:

— Да, можете. Сейчас будем отдавать срочные распоряжения, чтобы названным судам быть в срок в Петрограде.

— Есть ли у вас запасы винтовок с патронами? Посылайте как можно больше.

— Есть, но небольшое количество на судах,— что есть, вышлем.

— До свидания. Привет.

— До свидания,— ответил Николай, но тут же не удержался и задал сам вопрос. Очень хотелось еще раз лично удостовериться в том, что он разговаривал с вождем большевистской партии и главой правительства Советского государства.

— Вы ли говорили? Скажите имя?

И на ленте коротко:

— Ленин.

— До свидания. Приступаем к исполнению.

В ту же ночь Измайлов, минуя командующего Балтийским флотом монархиста контр-адмирала Развозо-

ва, от имени Центробалта приказал крейсеру «Олег» («Республика» из-за глубины осадки не могла пройти несколько лет не прочищавшийся Морской канал) и четырем миноносцам следовать в Петроград. В 15 часов 11 ноября они прибыли на место.

Вместе с ними на выручку столице Центробалт послал несколько матросских отрядов. Это они совместно с путиловским и сводным отрядом революционных войск выбили войска Керенского — Краснова из Гатчины.

Комиссар спасает корабли

Но морякам-балтийцам приходилось отстаивать Советскую власть не только на грохочущих полях сражений. Из их рядов вышли сотни убежденных, хорошо подготовленных агитаторов-организаторов, многие из которых окончили Гельсингфорсский матросский университет и агитационные классы при нем, а затем по заданию ЦК партии большевиков и Советского правительства разъехались по всем уголкам страны.

Балтийский флот был и оставался одним из самых надежных сторонников новой власти и в любой момент готов был силой оружия и слова поддержать ее.

Центробалт заявил свое твердое «Нет!», когда эсеры и меньшевики вместе с Каменевым, Зиновьевым, Рыковым и Шляпниковым потребовали от ЦК РСДРП(б) создания так называемого «социалистического правительства».

Народный комиссар по морским делам Дыбенко связался по телеграфу с Измайловым и спросил его:

— Сообщи, как настроение во флоте. Возможно создание коалиционного правительства с включением меньшевиков и эсеров. Кажется, сегодня в Совете Народных Комиссаров будет обсуждаться этот вопрос.

— Настроение во флоте великолепное,— ответил Измайлов.— Меньшевики и эсеры совершенно исчезли из нашего фронта и нашего кругозора. Ввод меньшевиков в правительство вызовет недовольство среди флота. Нужно от имени флота настаивать перед Советом Народных Комиссаров о недопущении создания коалиционного правительства. Сейчас же передам резолюцию, где моряки клеймят меньшевиков и эсеров.

Впоследствии Павел Ефимович Дыбенко так описывал заседание Совнаркома, на котором обсуждался вопрос о коалиционном правительстве:

«За столиком, в стороне, опершись на руки, сидит Владимир Ильич, спокойный, с иронической улыбкой.

— Ну, дальше, дальше! Все? Вы испугались революции? Вы боитесь, что не удержите ее? Рабочий и солдат ее начал, он ее и удержит. А я предпочитаю остаться с двадцатью стойкими рабочими и матросами, чем с тысячью мягкотелых интеллигентов.

Ленин неожиданно покидает комнату. На минуту воцаряется тишина. Недоумение пробегает по лицам. Затем быстро завязывается вновь спор между отдельными товарищами. Выхожу вслед за Лениным, чтобы сообщить ему лично настроение флота.

На второй день уже всем было известно, что точка зрения Владимира Ильича победила. Владимир Ильич глубокой проницательностью и умением глядеть в будущее спас Октябрьскую революцию».

Огромную роль в большевизации флота сыграл Первый Всероссийский съезд моряков военного флота, на котором выступил Ленин.

Однако на флоте еще оставалось немало тех, кто рад был первой возможности задушить Советскую власть и готовился к этому. На Балтике возглавлял контрреволюцию командующий флотом монархист контр-адмирал Развозов.

Все действия Центробалта по демократизации флота наталкивались на его яростное сопротивление. И лишь 5 декабря Верховная морская коллегия приняла постановление о реорганизации командования Балтийского флота. Отныне здесь высшей политической и военной властью стал Центробалт.

Непосредственное командование всеми морскими силами Балтики было передано Военному отделу Центробалта, председателем которого к этому времени был избран Николай Измайлов. За оперативную часть отвечал капитан 1 ранга А. А. Ружек, морской специалист, горячо поддерживавший Советскую власть. Измайлов и Ружек перешли на штабное судно «Кречет», где приняли от комфлота Развозова и его начальника штаба князя Черкасского все дела.

Но трудности, суровые, как волны Балтийского мо-

ря, одна за другой накатывались на Центробалт. Большинство убежденных матросов-большевиков к этому времени по заданию партии были разосланы по краям и областям страны. В Центробалт проникли анархисты и демагоги вроде Скурихина, Дудина и других. И часто, вместо того чтобы заниматься действительно нужными революции делами, Николаю Федоровичу Измайлову приходилось затрачивать всю свою энергию на то, чтобы разбивать необоснованные и вредные предложения демагогов.

Было ясно, что в создавшейся ситуации Центробалт может стать тормозом революции. Именно поэтому коллегия Народного комиссариата по морским делам приказом от 30 января 1918 года назначила первым Главным комиссаром Балтийского флота Измайлова и его помощниками Блохина, Штарева, Кабанова и согласилась с предложением Военного отдела Центробалта о роспуске этой организации как выполнившей свою историческую миссию.

Однако под давлением анархистов ЦК БФ принял незаконное постановление:

«Членов Центробалта Измайлова и Блохина... срочно лишить полномочий и считать арестованными».

Но потуги анархии были напрасны. Основная матросская масса продолжала идти за большевиками, и приказ об аресте комиссаров так и остался не имеющей никакой силы бумажкой. 18 февраля Совет Народных Комиссаров под председательством В. И. Ленина утвердил Н. Измайлова Главным комиссаром Балтики и еще трех человек — его помощниками.

В эти дни в результате преступного отказа Троцкого подписать мирный договор с немцами весь Балтийский флот был поставлен под угрозу уничтожения. К сожалению, и нарком по морским делам Дыбенко не соглашался с предложением о заключении мира с Германией.

Измайлов выступил против своего друга и бывшего учителя. Он доказал ему, что флот не в состоянии принять на себя сейчас удар немцев. Моряки, как и весь народ, ждали мира.

Перед Советом комиссаров Балтфлота была поставлена задача огромной важности: спасти суда от захвата их империалистической Германией. Для этого

требовалась абсолютная точность и координированность действий всего флота.

С 19 февраля началось перебазирование кораблей из занимаемого белоэстонцами Ревеля в Гельсингфорс. Впереди шел, прокладывая в ледяных полях дорогу, знаменитый «Ермак». 56 боевых и вспомогательных кораблей, огромное количество ценнейшего боевого и технического имущества, боезапасов — вот результат этого подвига.

Но немцы продолжали продвигаться. 12 марта Бонч-Бруевич по заданию Ленина телеграфировал в Гельсингфорс:

«Сложившейся обстановке необходимо при первой возможности безотлагательно сосредоточить большой и малый флот Балтийского моря в районе Кронштадта».

И вновь потянулись сквозь ледовые поля караваны кораблей. Это был небывалый по своему мужеству переход. Его успех — результат ювелирно точной разработки плана и его осуществления. Переход состоялся, хотя перед его началом многие контрреволюционно настроенные офицеры покинули свои суда. Около 240 боевых и вспомогательных кораблей встали на прикол в Кронштадте и Петрограде. Были вывезены огромные запасы вооружения, снаряжения и техники, 1-я и 2-я бригады воздушного флота, оборудование портов, крепостей и другое военное имущество.

Главный комиссар Балтийского флота мог доложить правительству и Ленину, что порученное большевикам Балтики задание выполнено.

В это время Николаю Федоровичу Измайлову исполнилось 26 лет.

У Н. Ф. Измайлова не только его молодость, но и вся последующая жизнь — неуспокоенность и порыв, выполнение долга перед революцией.

Гражданская война. Он назначен главным командиром и комиссаром всех военных портов Волги и Каспийского моря. С сентября 1918 года Николай Федорович руководил переоборудованием всех судов Волжско-Каспийской, а затем объединенной Волжско-Каспийской военных флотилий, костяком которой стали спасенные под его руководством корабли.

1920 год. Измайлов назначен командующим мор-

скими силами Юго-Западного фронта. Предстояло восстановить флот на Черном и Азовском морях. Этот флот рождался в огне боев с белогвардейцами Врангеля и иностранными интервентами. 1 июня была послана радостная телеграмма Ильичу: со стапелей Николаевского порта спущена на воду первая подводная лодка, построенная силами Советской Республики.

Ее строительство было завершено досрочно. При спуске подводной лодки присутствовали нарком просвещения А. В. Луначарский, прибывший в Николаев по распоряжению ЦК РКП(б) для агитации и пропаганды на фронте, и бывший балтийский моряк Н. Ф. Измайлов.

Проводить необходимые работы по созданию флота мешали Троцкий и его сообщники. В ноябре 1921 года Измайлов едет к Ленину. Их беседа — важная веха в жизни Николая Федоровича. Вождь пролетариата помогает ему преодолеть многие трудности.

В 1924 году Измайлов переведен на ответственную должность в Центральное управление морского транспорта. Затем работал заместителем начальника Главсевморпути, участвовал в первой Ленской экспедиции.

В период культа личности, в 1938 году, Н. Ф. Измайлов был арестован по ложному обвинению.

В свое время я так и не решился спросить, как у него — человека недюжинной воли и физической силы — вырвали признание в преступлениях, которые он не совершал. Лишь много лет спустя, знакомясь в архивах с делами невинно осужденных старых большевиков, узнал, как это было. Много раз Измайлова жестоко пытали, не давали спать по нескольку дней, угрожали расправами над близкими. Признание вырывали у обессиленного физически и духовно человека.

Восемнадцать лет провел Измайлов в жестоких застенках ГУЛАГа. Но годы унижений не сломили его веру в дело большевиков, которому он посвятил свою молодость.

В последние годы жизни Николай Федорович активно участвовал в общественной жизни страны. Время не справилось со старым большевиком, биография которого укладывается в два слова: служил революции.

Полковник *В. КЛИМОВ*

БАТЬКА МАХНО, ИЛИ ОБОРОТЕНЬ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Махно Нестор Иванович (1889—1934) один из главарей мелкобуржуазной контрреволюции на Украине во время гражданской войны. Анархист. В 1919—1920 гг. Махно трижды вступал в соглашение с Советской властью и каждый раз его нарушал. В 1921 г. отряды Махно окончательно превратились в банды грабителей, насильников и были разгромлены советскими войсками. С 1921 г. белоэмигрант, поддерживал связь с анархистами, вел антисоветскую деятельность.

Военно-энциклопедический словарь

В начале июля 1918 года границу между Российской советской республикой и Украинской державой гетмана Скоропадского перешел человек. Был он роста невысокого, даже маленького, коротко острижен, узкоплеч, имел паспорт, выданный ему в Москве на имя Ивана Яковлевича Шепеля, Екатеринославской губернии учителя, офицера. В Харькове с трудом удалось сесть ему на поезд: проводник загородил дверь в вагон, требуя от приезжего чистого, по всем правилам украинской мовы, обращения, но тот, девять лет прожив, можно сказать, на перекрестке улиц Долгоруковской и Лесной в Москве, не мог уж в знании родного языка соответствовать требованиям самостийников и бормотал невнятное.

...А месяца три спустя на одной из дорог был небольшим отрядом остановлен конный разъезд поручика Мурковского. Все тот же маленький узкоплечий человек в форме гетманской армии капитана поинтересовался, кто такие. Поручик, увидев «своих» (а уж пошаливали в округе крестьяне) рассказал, что следует в отцовское имение «поохотиться за дичью и за крамольниками», и предложил капитану составить компанию. Капитан не выдержал:

— Вы, господин поручик, меня не понимаете... — срывающимся от волнения голосом выговорил он. — Я — революционер Махно. Фамилия

вам, кажется, достаточно известная?..

Поручик Мурковский пал под пулеметами Махно 22 сентября 1918 года. В основание страшной пирамиды легла его голова.

В истории революции едва ли сыщется другая столь же туманная и противоречивая фигура, как Нестор Иванович Махно. Еще при жизни о нем ходили слухи самые невероятные: так, будто бы, когда крестили его, на священнике загорелась риза, что в глазах собравшихся предвосхищало ребенку судьбу разбойника. Говорили еще, что на каторгу попал он за убийство родного брата, что, обобрав односельчан в первые месяцы революции, купил дом в Москве и жил там в роскоши... Последний слух, кстати, пущен был австрийскими оккупационными властями, когда Махно уже партизанствовал на Украине, но, увы, именно такого рода «факты» и впоследствии доминировали в формировании исторического портрета Махно, так что сегодня порой нелегко отличить правду о нем от мифа.

Серьезных исторических работ о махновщине у нас нет. В этом проявилась и конъюнктурность, и чисто методологическая слабость сформировавшейся в 20-е и особенно в 30-е годы исторической школы с ее рубленой черно-белой ретроспективой, призванной обосновать и оправдать социальную практику того времени. Правда, журнал «Война и революция» подверг внимательному анализу «доведенную Махно до совершенства тактику партизанской войны», но глубоких исследований, в которых махновщина осмыслялась бы как социальное явление, не появилось. С началом коллективизации это стало просто невозможным: Махно заклеймили как бандита и сдали в «архив» в надежде, что время вытравит из памяти поколений образ вождя бушевавшей на Украине крестьянской войны.

Литература кое-где пошла наперекор утверждавшимся штампам. Есенинский Номах из «Страны негодяев» трагичен в своей мрачной решимости немедленно осчастливить человечество. Багрицкий, напротив, наделяет Махно даже не сатанинскими, а звериными чертами: «У Махна по самы плечи волосня густая...» Алексей Толстой мастерски обыгрывает тот и другой мотив, вкладывая в уста щуплого, в гимназической форме человека с испитым безбровым лицом жестокие и горькие слова: «На царской каторге меня поднимали за голову, за ноги, бросали на кирпичный пол. Так выковываются народные вожди...»

Народные вожди. Кто они?

Помимо тех, кто стоял на самом первом плане, чьи биографии более или менее известны, кто были те «железные» большевики, «мягкие» меньшевики, левые эсеры, анархисты — еще вчера изгои империи, которым суждено было стать вершителями чужих судеб, исполнителями революционных преобразований? Что двигало ими — идея, азарт, честолюбие, страх? Жаль, что нет исторической психологии, чтобы дать ответ на этот вопрос: он многое прояснил бы нам в истории революции!

Махно был из бедных крестьян. Рос он в многодетной семье младшим ребенком, без отца — и с детства сидела в нем глубокая, до беспамятства, до истерических припадков доходящая нервность. С семи лет он стал служить подпаском, потом батрачил. Учителем (как почему-то многие считают) Махно никогда не был, да и не успел бы им стать, ибо, поступив шестнадцати лет учеником столяра на одно из предприятий Гуляй-Поля, скоро связался с анархистской группой и стал участвовать в «экспроприациях». Ученым анархизмом в группе, в общем, не пахло, и все ее молодые участники вполне сошли бы за обычных грабителей, если б не революция в России и не романтический стиль их «предприятий»: черные маски, черная одежда, требования у местных богачей денег «на голодающих». В октябре 1907 года, когда при нападении на почтовую карету были убиты почтальон и городовой, группой всерьез занялась полиция. В 1908-м четырнадцать человек арестовали. Четверо «раскололись», валили на Махно ответственность за убийства, но он виновным себя не признал. Военный суд приговорил его к двадцати годам каторги, замененных по несовершеннолетию подсудимого на заключение в московских Бутырках.

Здесь Махно провел девять лет, закованный за «неодобрительное поведение» в ручные и ножные кандалы. Здесь нажил туберкулез. Здесь познакомился с земляком, «идейным» анархистом Петром Аршиновым — единственным человеком, которому впоследствии доверял безгранично, считая своим учителем. В Бутырках Махно написал (не единственное, быть может?) стихотворение «Призыв», напечатанное им позже в астраханской газете «Мысли самых свободных людей» под каторжным псевдонимом Скромный. Из Бутырок он вместе с другими политическими был 2 марта 1917-го освобожден февральской революцией.

С неделю в растерянности

шатался Махно по бурлящей Москве, но так и не найдя себе в ней ни места, ни дела, двинул на юг, в родное Гуляй-Поле. Он вообще не любил, не понимал городов.

Двадцати восьми лет, не имея за душой ни гроша, ни толковой профессии — ничего, кроме девяти лет каторжного холодного бешенства, сделавшими его фанатиком анархии, Махно, вероятно, в иное время в глазах односельчан выглядел бы жестоким неудачником. Но времена изменились, и как единственный (свой!) политкаторжанин в селе, он сразу попал в центр внимания. Его избирают председателем Крестьянского союза, выдвигают в Общественный комитет, делают главой Совета крестьянских депутатов. Поначалу он робеет, шлет наивную (по его же выражению) телеграмму известному анархисту Аполлону Карелину — принимать ли ему, стороннику безвластия, такие должности? Но события не оставляют времени на раздумья.

Как анархист, революционер крайнего толка, Махно выступал за преобразования немедленно, до созыва Учредительного собрания. Первого мая 1917 года из Гуляй-Поля в Петроград летит телеграмма с требованием изгнать из правительства десять министров-капиталистов. В июне на предприятиях села установлен рабочий контроль (Махно предлагал рабочим припугнуть местную буржуазию «экспроприацией» гуляйпольского банка, но те отказались, опасаясь, что это приведет в село карательный отряд). При Совете рабочих и крестьянских депутатов создан комитет батраков, чья деятельность направлена против помещиков и кулачества.

В августе, во время похода Корнилова на Петроград, Махно организовал Комитет защиты революции, который разоружил помещиков и буржуазию в районе. Вскоре на районном съезде Советов анархистская группа гуляйпольцев призвала крестьян игнорировать распоряжения Временного правительства и Центральной рады, предложила «немедленно отобрать (у церкви и помещиков) землю и организовать по усадьбам свободные сельскохозяйственные коммуны, по возможности с участием в этих коммунах самих помещиков и кулаков». К октябрю «черный передел» был завершен, а сами земли распаханы, несмотря на «угрозы правительственных агентов».

Наместники Временного правительства чувствовали исходящую из Гуляй-Поля крамолу, захватывающую соседние области. В сентябре туда приехал чиновник особых по-

ручений для наказания участников разоружения буржуазии. Махно вызвал его в Комитет защиты революции и велел «в 20 минут покинуть Гуляй-Поле и в два часа — пределы его революционной территории». С тех пор до самого германского нашествия никто не беспокоил этот странный «советский район».

...В июне 1918 года, когда Украина была занята немцами, а сам Махно с чемоданом «тамбовских белых булок» снова оказался в Москве, чтобы сориентироваться в происходящем, состоялась, если верить Махно, встреча его с Лениным, которого председатель Гуляйпольского Совета заинтересовал рассказом об аграрных преобразованиях, так как Ленин опасался, что крестьянство Украины настроено националистически и антисоветски. Описывая эту встречу в своих мемуарах, Махно упоминает, что Ленин трижды спрашивал его, как крестьяне восприняли лозунг «Вся власть Советам!». Махно высказался в том смысле, что избранные народом и во всем подотчетные ему Советы должны всецело определять политику на местах.

— В таком случае крестьянство ваших местностей заражено анархизмом, — заметил Ленин.

— А разве это плохо? — спросил Махно.

— Я этого не хочу сказать. Наоборот, это было бы отрадно, так как ускорило бы победу коммунизма над капитализмом и его властью, — уточнил Ленин и добавил, что считает анархизм крестьян временной и скороизлечимой болезнью.

Махно покинул Кремль с противоположным убеждением. Хотя он и был анархистом специфическим, «советским» (другие отрицали не только Советы, но и любые иерархические структуры), его понимание революции очень отличалось от большевистского. Никакой руководящей роли партии Махно, естественно, не признавал. Для него «низовой», районный Совет — самодостаточная организация, в которой только и может быть непосредственно явлена воля народа. Иерархия Советов — абсурд; местный Совет абсолютно автономен в своих решениях и имеет столько же прав называться законной властью, сколько и вышестоящий. Государство диктатуры пролетариата — вредная фикция: оно не спасает рабочих от зависимости, не делает их хозяевами своего труда, поскольку, как писал П. Аршинов, «государство олицетворяется чиновниками, и фактически они являются всем, рабочий класс — ничем».

Несмотря на столь явные

различия во взглядах, в декабре 17-го, когда большевики утвердились на левобережной Украине, их встречи с анархистами проходили вполне дружественно.

Сам Махно вошел в судебную комиссию Александровского ревкома, которая рассматривала дела арестованных Советской властью. Однако эта работа пришлась ему не по душе. Когда начались аресты меньшевиков и эсеров, Махно решил было даже взорвать городскую тюрьму (что и сделал, заняв Александровск осенью 1919 года), но работавший вместе с ним левый эсер Миргородский отговорил его. Особенно возмущала Махно «возня» вокруг выборов в Учредительное собрание, которую он называл «картежной игрой» политических партий. «Не партии будут служить народу, а народ — партиям. Уже теперь... в делах народа упоминается одно лишь его имя, а вершат дела партии», — пророчил он своим новым соратникам. Но, не будучи поддержан ими, он заявил о своем выходе из ревкома и снова уехал в Гуляй-Поле, подальше от искушений «большой политики».

В Гуляй-Поле шла организация сельскохозяйственных коммун в бывших помещичьих имениях. Туда вступали неимущие крестьяне и рабочие, которым по «трудовой норме» земельные комитеты выдавали конфискованный у помещиков и кулаков инвентарь. В одной из таких коммун работала первая жена Махно. Туда и он заезжал — раза два в неделю.

Интересна попытка Гуляйпольского Совета наладить беспосреднический обмен с городом. С этой целью рабочим Прохоровской и Морозовской мануфактур была отправлена мука с просьбой прислать взамен ткани. Посланная рабочими мануфактура, однако, была задержана заградотрядом и направлена в Александровск, ибо власти противились столь «мелкобуржуазному» решению вопроса о снабжении городов. Крестьянам удалось отспорить мануфактуру, но формирование государственных продорганов пресекло дальнейшие попытки, как мы бы сказали сейчас, наладить прямые связи между предприятиями.

Вероятно, дальнейшее развитие событий весьма скоро обострило бы противоречия между формирующейся «пролетарской» моделью социализма и его «крестьянской» альтернативой, что, возможно, привело бы к некоему компромиссному варианту, своего рода нэпу, уже тогда. Но внезапное вторжение немцев на Украину не дало назреть этому противоречию, увидеть, чем оно чревато.

Вообще, если суммировать смысл проводимых Махно в «вольном районе» экономических мероприятий, то получится огрубленная модель рыночного, хозрасчетного социализма. Поскольку серьезных экономистов не было в махновском культпросветотделе (своеобразном мозговом центре его армии), то теоретического выражения эта концепция не нашла. Зато, как говорится, есть примеры из жизни. Когда осенью 1919 года Махно в очередной раз — у деникинцев — отбил Екатеринослав, произошел знаменитый его разговор с рабочими железной дороги (который во многих старых книгах о Махно приводится чуть ли не как пример слабоумия батьки). Рабочие спросили, кто будет им платить зарплату. Махно посоветовал им разработать пассажирские и багажные тарифы и из полученных денег брать столько, сколько нужно.

По существу, это формула хозрасчета, которая, однако, железнодорожников не удовлетворила (возможно, потому, что железные дороги в России всегда были государственными предприятиями). Не захотели брать в свои руки заводы и металлисты, ибо хозрасчет в условиях гражданской войны и дезорганизованного рынка был рискован. Только профсоюз пекарей и пищевиков, который мог рассчитывать на немедленную прибыль, принял принципы «самоорганизации». Были «социализированы» — переданы во владение рабочим — и обрабатывающие заводики Гуляй-Поля.

...Почему Махно разошелся с большевиками? На этот «нелепый» вопрос ответить не так уж просто, ибо было время, когда его союз с красными был не только декларирован, но и казался долговечным.

Из своего путешествия в Москву летом 1918-го Махно вернулся жестоко разочарованный — прежде всего в единомышленниках - анархистах, которые в своих кружках «проспали» революцию. Авторитеты движения, у которых Махно искал совета, сами плакались на жалкое положение дел после разгрома Федерации анархистских групп, секретариат которой теперь размещался в Настасьинском переулке в многозначительной близости от НКВД. Трибун анархии Лев Черный, назначенный комендантом двора и вынужденный переписывать мебель и следить за порядком в подъезде, стал для Махно символом полного упадка анархизма.

Не симпатизируя большевикам, «оседлавшим» революцию, наблюдая «большевизацию» Советов и профсоюзов,

нетерпимость властей к «небольшевистским» выступлениям пролетариата, Махно в то же время сумел понять, что ни одна из оппозиционных большевикам революционных партий, включая левых эсеров, не имеет ни вождей масштаба Ленина, ни сил, достаточных для «реорганизации пути революции».

Поэтому, когда Махно, вернувшись на Украину, действительно объединил под своим началом крестьянскую повстанческую «армию», фактически освободившую к приходу красных значительную часть восточной Украины от петлюровцев и первых «предденикинских» формирований, он заключает союз с большевиками. В истории революции нет другого примера, когда крестьянство для защиты своих интересов сумело бы создать организацию, по силе равную махновщине, то есть местную власть и армию, пополняемую новобранцами и снабжаемую по решению крестьянских съездов.

Были, конечно, детали, которые могли поставить этот союз под сомнение: например, махровая партизанщина, которую исповедовали повстанцы (с выборностью командиров, не слишком-то надежной «самодисциплиной» и анархической безалаберностью). Была неудачная попытка взятия Екатеринослава, закончившаяся довольно-таки явным грабежом города и отступлением от превосходящих числом петлюровцев. Был Бердянск — тоже с грабежами и повальными расстрелами юнкеров и офицеров, не успевших бежать. Но все-таки это была армия, напоминавшая, собственно, Красную Армию той поры, когда она еще сама «болела» партизанщиной, окончательно осужденной только VIII съездом РКП(б). Противоречия, раздиравшие ее, были во многом противоречиями самого крестьянства, в сознании которого уживались не только коммунистически-уравнительные представления о справедливости, но и дикая ненависть к «белой косточке», недоверие к интеллигенции, стремление побольше урвать у «буржуйского» города.

Короленко, говоря (в письмах к Луначарскому) о Махно как о «среднем выводе украинского народа», видел, что личность Махно вполне соответствовала представлениям крестьянства об идеальном вожде: грамотный (но неинтеллигентный), умный (но неискушенный в политике, дипломатии, экономике), хитрый (но недальновидный — отличный тактик, скверный стратег), неприхотливый, не терпящий болтовни, казенщины, больше полагающийся на силу, на пуле-

меты, «на «рубку». Даже власть, которой Махно, как ни грешно это было для анархиста, тешил себя, в значительной степени привлекала (что типично для крестьянского сознания) именно внешними, чувственными атрибутами: коляской, обитой небесного цвета сукном, тройкой прекрасных мышиной масти коней, красивым мундиром венгерского гусара, хлебом-солью, с поклоном подносимыми на рушнике... Он очень ценил титул «батька», присвоенный ему повстанцами, но не менее — звание красного командира. Неизменно подписывал приказы и телеграммы: «Комбриг батько-Махно».

По соглашению с красным командованием махновская армия сохраняла за собой название Революционной повстанческой, черные знамена и принципы внутренней организации. Она должна была получить вооружение наравне с РККА, комиссаров-коммунистов и поступала в тактическое распоряжение командования противоденикинским фронтом. Через четыре месяца эта идиллия лопнула: согласно общепринятой версии Махно открыл фронт белым.

В разрыве Махно с большевиками член махновского культпросветотдела И. Тепер, позднее написавший о Махно разоблачительную книгу, винит, главным образом, разного рода сброд, полууголовников, анархистов-боевиков, которые, оставшись не у дел после Октября, стекались в армию со всей России. Чтобы прикрыть собственное пьянство, мародерство и разврат, они беззастенчиво льстили Махно, называли «вторым Бакуниным», чем, якобы, совершенно вскружили ему голову. И все же не тщеславие рассорило Махно с большевиками. Были у этого разрыва причины, не выяснив которые, мы никогда не поймем, почему, выступив против Советской власти, Махно не перешел к белым, почему упрямо вел неравную борьбу на два фронта.

«Мы — крестьяне, — обращался к повстанцам Махно. — Мы — человечество». Сам он земледельцем, конечно, не был, но от крестьянства не отделял себя. «Крестьянской меркой» оценивал Махно и происходящее на Украине в 1919-м. Октябрьская революция ничего не прибавила к завоеваниям крестьян Левобережья, которые взяли землю до Декрета о земле. Более того: дипломатическая ошибка Троцкого на переговорах в Брест-Литовске перечеркнула эти завоевания оккупацией, лишила лозунги «земли» и «мира» реального содержания. Возвращение большевиков на Украину спа-

сало от германской помещичьей реставрации, по обернулось декретом о национализации земли, продразверсткой, комбедами. К тому же на Украине сразу началось насаждение совхозов. Крестьяне ответили на это тотальной распашкой земель, не оставлявшей ни клочка для совхозного устройства. Между столицей, Харьковом, и деревней зрел конфликт.

Попытки представить себе новое общество, его отличие от капиталистического на рубеже XX в. привели марксистов к мысли о необходимости «огосударствления» при социализме всех сфер экономики, вплоть до мелкого крестьянского хозяйства.

До 1921 года этот взгляд разделял и Ленин. А в 1919-м отношение к крестьянству как к «несознательному», последнему буржуазному классу, своего рода материалу, необходимому пролетариату для выполнения своей исторической миссии, было общим местом для многих коммунистов.

А. Коллонтай писала в это время: «...На Украине сейчас, после закрепления власти за рабочими и крестьянами, начинает постепенно выявляться неизбежная рознь между этими несливающимися социальными элементами... мелкобуржуазное крестьянство целиком враждебно новым принципам народного хозяйства, вытекающими из коммунистического учения».

Отсюда — жесткость продовольственной политики, отсюда — тенденция называть «кулацкими» все выступления крестьян против продразверстки и резолюции «самочинных» крестьянских съездов.

Ответом был ряд стихийных, подчас очень жестоких восстаний, которые с лета 1918-го беспрерывно потрясали молодую республику, затихая лишь во время нашествий белогвардейцев. Но понимание того, что интересы «мелкобуржуазного» класса землепашцев нельзя не учитывать, пришло лишь три года спустя, когда после целого ряда вспышек, разразившихся уже после победы над белыми и порой принимавших размах крестьянских «войн» (как антоновщина или «чапанная война» в Поволжье), громыхнул Кронштадт, где под лозунгами свободных Советов и свободы торговли выступили уже не плохо вооруженные крестьянские полки, а регулярная Красная Армия.

Кронштадтский мятеж показал утопичность попыток сразу построить чистый безрыночный социализм в том виде, в котором он рисовался классикам - основоположникам, понудил искать более гибкую политику, которая соединила бы различные экономические интересы и заста-

вила бы их работать на социализм. Такой политикой стал ленинский нэп. Ленин, возможно, первым среди большевиков усомнился в том, что превращение крестьян в рабочих, работающих по плану на государственных агрофабриках, означает безусловный прогресс, что крестьянская организация труда и жизни в целом является анахронизмом. К сожалению, эти вопросы, перечеркнутые Сталиным во время «большого скачка», не замечались до самых последних пор, когда на всю страну только один и остался архангельский мужик.

Махно последовательно саботировал аграрные мероприятия правительства: не пускал в свой район продотряды, не давал создавать комбеды. Хлеб был учтен, но выдавался продорганам только с разрешения батьки. С января по апрель 1919 в «вольном районе» состоялось три съезда Советов нескольких десятков «махновских» волостей (с присутствием большевиков и левых эсеров, но явным преобладанием беспартийных махновцев и анархистов). Съезды санкционировали проведение мобилизаций в повстанческую армию, выразили недоверие харьковскому Советскому правительству Украины, которого «не избирали», и высказались за уравнительное землепользование на основе «собственного труда». Все это, конечно, настораживало большевиков. В Гуляй-Поле приезжал с военной миссией Антонов-Овсеенко, затем Бела Кун и Л. Каменев. В беседе с Махно Каменев высказался против Военно-революционного совета — избранного съездами исполнительного органа, неподвластного центральной Советской власти — но, уезжая, заверил Махно в полном своем благорасположении. Видимо, заверения были взаимными, т. к. в телеграмме Ленину Каменев сообщал: «...Махно не выпускает (из района.—*Ред.*) ни угля, ни хлеба и, вероятно, не будет выпускать, хотя мне лично обещал все и клялся в верности».

Характерно, что командарм-2 Скачко, говоря о причинах растущих трений с Махно, предупреждал фронт: «Мелкие местные чрезвычайки ведут усиленную кампанию против махновцев, и в то время, когда те проливают кровь на фронте, в тылу их ловят и преследуют за одну только принадлежность к махновским войскам... Так дальше продолжаться не может: работа местных чрезвычаек определенно проваливает фронт и сводит на нет все военные успехи, создавая такую контрреволюцию, какой ни Деникин, ни Краснов никогда создать не могли...»

Махно действительно начинал проявлять признаки разочарования и раздражения: арестовал, в частности, бердянскую ЧК и всех чекистов отправил на фронт, на передовую. Дела там обстояли неблестяще — несмотря на то, что повстанческий фронт существовал уже четыре месяца, обещанное вооружение так и не было получено в достаточном количестве, одна винтовка приходилась на четверых и, к тому же, это были в основном итальянские винтовки со специфическим патроном, который нельзя было заменить патронами российского или германского производства. В результате в тылу махновской бригады скопился резерв в 20—30 тысяч человек, которые глупо простаивали лишь потому, что не имели оружия.

И все-таки для Антонова-Овсеенко худой мир с Махно был, несомненно, лучше ссоры. Эта политика вполне оправдала себя уже тем, что во время мятежа атамана Григорьева, снявшего с противоденикинского фронта вверенные ему красные части, Махно не только приказал своим войскам оставаться на позициях, но и выпустил с некоторой, правда, задержкой, воззвание против Григорьева, в котором говорилось, что григорьевщина, ознаменовавшаяся еврейским погромом в Елисаветграде, «пахнет петлюровщиной». За погромы, кстати, Махно расстреливал.

Роковую роль в развитии отношений с Махно сыграл Троцкий. Будучи противником «размягчающих линию» коалиций с «попутчиками» и к тому же сосредоточив в своих руках колоссальную власть как предреввоенсовета Республики, Троцкий был сторонником крайних мер в отношении колеблющихся и непокорных. (Вспомним, что и в 1921 году троцкистской альтернативой нэпу было «жесткое» государство, построенное по образцу военного ведомства.) Приехав на Украину и узнав, что Махно назначил в Гуляй-Поле четвертый районный съезд каких-то независимых от большевиков крестьянских Советов, Троцкий увидел в этом неприкрытый призыв к мятежу. Дальнейшие события показали, что ни Махно, назначивший съезд, ни Троцкий, решившийся «кончить» с «анархо-кулацким развратом», реально не представляли себе, какие силы к этому времени сосредоточил на фронте Деникин.

Четвертого июня 2-я Украинская армия, в которую входили две бригады Махно, была (в условиях начавшегося наступления белых!) расформирована. В тот же день в харьковских «Известиях» поя-

вилась уничтожающая статья Троцкого «Махновщина».

Пятого июня — передовая «Еще раз долой махновщину!» с призывом употребить «каленое железо». В этот день конница Шкуро сбила с позиций дезорганизованные и плохо вооруженные махновские полки.

Шестого июня — приказ Троцкого № 1824 о ликвидации махновщины, запрещении съезда, предании суду трибунала его делегатов, объявлении Махно вне закона. Белоказаки прорываются в «вольный район» и неподалеку от Гуляй-Поля вырубают наспех сформированный крестьянский полк во главе с путиловцем Б. Веретельниковым.

Седьмого июня — красные присылают Махно бронепоезд с просьбой держаться до последнего.

Восьмого — приказ Троцкого № 133 — «Перебежчикам к Махно — расстрел».

Девятого — узнав о приказах Троцкого, Махно телеграфирует ему в Москву о желании уйти с поста комбрига «ввиду создавшегося невыносимо нелепого положения». Он объясняет: «Я считаю неотъемлемым... правом рабочих и крестьян самим устраивать съезды для обсуждения и решения как частных, так и общих дел своих. Поэтому запрещение таких съездов... есть прямое наглое нарушение прав трудящихся», выражает надежду, что центральная власть будет относиться к повстанчеству как к союзнику, «а не как к враждебному стану, с которым до сих пор вступали в двусмысленные... отношения, торгуясь из-за каждого патрона». В этот день несколько большевистских полков с севера вторгаются в «вольный район», громят махновские Советы и коммуны. Так, председатель коммуны имени Розы Люксембург крестьянин Кирьяков был объявлен «усмирителями» вне закона — а буквально через несколько дней он был расстрелян деникинцами.

Одиннадцатого или двенадцатого июня в бронепоезде, где действовал совместный штаб махновцев и 14-й армии (ком. Ворошилов), были схвачены члены штаба Махно и 17 июня как изменники казнены в Харькове.

Именно в эти дни появилась в газетах версия об «открытии» Махно фронта и даже о сговоре его со Шкуро. На «измену» легко списывались все неудачи, масштаба которых никто еще себе не представлял. Именно в эти дни Махно впервые нанес удар по красным...

Для уяснения правды о происшедшем для нас, полагаю, важно свидетельство непосредственного участника событий, В. А. Антонова-Овсеен-

ко. В 4-м томе своих «Записок о Гражданской войне» он цитирует написанную в июле 1919 года записку в ЦК большевиков, объясняющую причины неудач:

«Прежде всего факты свидетельствуют, что утверждения о слабости самого заразного места — района Гуляй-Поле, Бердянск — неверны... И это не потому, конечно, что здесь мы были наилучше в военном отношении сорганизованы и обучены, а потому, что войска здесь защищали непосредственно свои очаги...

Махно еще держался, когда бежала соседняя 9-я дивизия, а затем и вся 13-я армия... Причины разгрома Южного фронта отнюдь не в украинской «партизанщине»... Прежде всего тут повинен аппарат Южфронта, не умевший сохранить их (повстанческих частей. — *Ред.*) боеспособность и закрепить их революционную дисциплину».

Последующий, «антисоветский» период деятельности Махно более или менее изучен. Правда, ряд «деталей» опущен. Совсем не прояснена, например, роль Махно в борьбе с Деникиным, хотя после отступления Красной Армии с Украины махновцы остались единственной противостоящей ему силой. Под началом Махно оказалось огромное войско (по разным данным от 50 до 80 тысяч человек), в которое, помимо повстанцев влились переметнувшиеся к Махно части 2-ой и Крымской армий, окруженцы и остатки разбитых красными отрядов атамана Григорьева, который на повстанческом съезде близ Александрии 27 июля был заклеймен Махно как изменник революции и убит.

Присоединение красных частей происходило по-разному: некоторые части «свергали» командиров и комиссаров, другие приходили к махновцам, руководимые прежними военачальниками. Так присоединился к повстанцам отступавший из Крыма Железный полк Михаила Полонского. Он пользовался у бойцов огромным авторитетом и был оставлен на командной должности, позднее занимал в повстанческой армии и более высокие посты. Однако при первой встрече Махно приказал разоружить полк. Предание, сохраненное родственниками Полонского, гласит, что узнав об этом, Полонский спросил Махно:

— Чем же я буду воевать против белых?

Махно показал в сторону деникинцев:

— Пойди и там добудь себе оружие...

Рыхлая и плохо вооруженная армия Махно неудержимо катилась на запад под натиском деникинцев. В сентябре 1919-го махновцы были под

Уманью прижаты к Петлюре, который, объявив о своем нейтралитете, обманул Махно и позволил белым сомкнуть кольцо. Через два дня махновцы вырвались из окружения: в жестокой рубке, которую возглавил сам Махно вместе с сотней самых старых повстанцев, целиком легли два офицерских полка...

Опережая весть о своей победе, махновцы совершают стремительный марш на Левобережье: с ходу берут Александровск, затем Екатеринослав, громят артиллерийские склады Деникина, уклоняясь от прямого боя, режут железные дороги.

Несомненно, столь катастрофическое опустошение тыла скверно повлияло на боеспособность деникинских частей во время начавшегося наступления Красной Армии. Одновременно давление белых на махновцев усилилось: повстанческая армия, истощенная нищетой, холодом и болезнями зимы, держалась из последних сил. Целый месяц деникинская артиллерия обстреливала занятый махновцами Екатеринослав — у тех не было сил нанести ответный удар.

При этом, по мере продвижения красных к территории «вольного района», среди махновцев активизировалась легальная и нелегальная работа большевиков, которые надеялись, расколов армию, увести лучшую ее часть под знамена РККА. Перед Махно вновь встает вопрос — с кем идти? К этому времени анархическая федерация «Набат», осуществлявшая концептуальное руководство махновским движением, выработала своего рода утопию о «вольном крестьянском районе», который находился бы с Советской властью в договорных отношениях, сохраняя при этом полную внутреннюю автономию. Махно стал горячим приверженцем этой идеи, поэтому всякие попытки расколоть армию он воспринимает как измену. Незадолго до встречи с красными он вызывает в Екатеринослав несколько командиров-большевиков (в том числе и Полонского) и, обвинив их в заговоре, приказывает расстрелять.

Должно быть поэтому вскоре после состоявшейся в середине декабря встречи повстанцев с красноармейцами С. Орджоникидзе, член РВС 14-й армии, шлет в ЦК РКП(б) предупредительную телеграмму: «...Популяризация (в прессе.—*Ред.*) имени Махно, который по-прежнему враждебно настроен против Советской власти, влечет за собой в рядах армии нежелательные симпатии к Махно...» В начале января реввоенсовет 14-й армии неожиданно при-

казал Махно выступить на польский фронт. Реввоенсовет махновцев ответил отказом: в армии было несколько тысяч раненых, свирепствовал сыпняк, скосивший половину бойцов и самого батьку. Махно, кроме того, опасался отрыва от «своего» района, боялся ассимиляции армии в рядах РККА и предлагал помощь где-нибудь «поближе». За это махновцев вновь объявляют вне закона.

Махно распускает армию, и сам исчезает.

Весной 1920 года гражданская война на «внутреннем фронте» возобновляется — на этот раз без пощады. Реорганизованная армия (6—8 тысяч человек), подчиненная жесткой дисциплине, совершает дерзкие нападения на красные части, уничтожает продотряды и комбеды. Попытки окружить Махно превосходящими силами (4-я и 2-я Конные армии) ничего не дают — его отряды либо «растворяются» в окрестных селах, либо, пользуясь поддержкой крестьян, меняют лошадей и уходят от утомленных погоней преследователей. Под угрозой расстрела в армии запрещены грабежи, «реквизиции», за каждую свежую лошадь хозяевам отдают несколько уставших...

Вряд ли можно согласиться с авторами, утверждающими, что в это время крестьянство отвернулось от Махно. Объясняются такие утверждения нередко тем, что они были сделаны непосредственными и пристрастными участниками событий, например, Я. Яковлевым, будущим наркомом земледелия СССР. Факты, неизбежно противоречивые, тем не менее свидетельствуют: во время тысячеверстных рейдов Махно по Екатеринославской, Харьковской, Полтавской и другим губерниям (вплоть до Курской) «крестьяне относятся к нему доброжелательно», дают военную информацию, помогают разбирать железнодорожные пути. В Запорожской губернии к нему целиком перешел комитет незаможных крестьян «в количестве 30 сабель с 50 лошадьми», переходили и красные части (например, бригада Маслакова, отколовшаяся от буденновской конармии под впечатлением хлебных реквизиций на Кубани). Но чем дальше, тем очевиднее становился кризис. Крестьянство устало воевать на два фронта, видело, что силы неравны и Махно не может быть надежным защитником (хотя в Гуляйпольском районе до 1921 года не было постоянного красного гарнизона). Крестьян разоряли, расстреливали как махновцев или как заложников за них. Особенно, как пишет Аршинов, проявила себя в карательных опера-

циях 46-я стрелковая дивизия, комиссаром которой в начале 1920 года был Л. З. Мехлис.

На этом фоне осенью 1920 года состоялось последнее соглашение Махно с Советской властью о совместных действиях против Врангеля. Соглашение, подписанное комюжфронтом Фрунзе и представителем Украинского Советского правительства Яковлевым, сулило Махно неожиданно большие выгоды и, в частности, подразумевало в политической своей части обсуждение вопроса об автономии «вольного района», в возможность которой Махно фанатично верил. Но именно поэтому не оставляет впечатление, что «соглашение» было ни чем иным, как политической хитростью, направленной на то, чтобы привлечь Махно к взятию Крыма (махновцы шли вслед за красной пехотой через Сиваш), а потом захлопнуть там и разоружить под каким-нибудь предлогом. Во всяком случае, после взятия Симферополя Крымской армии Махно, в нарушение «дарованной» ей автономии, было приказано расформироваться и разоружиться. Командиры, возглавившие этот поход, были арестованы и расстреляны, за исключением командира конницы крестьянина Марченко, которому с двумястами сабель удалось уйти обратно через Перекоп. Сам Махно, окруженный в Гуляй-Поле и ничего не знавший о санкционировавших этот разгром приказах Фрунзе, то ли чудом, то ли яростью вырвался из ловушки...

Дальнейшее, в общем, известно: звезда Махно падает на кровавый небосклон политического бандитизма. В это время его покидают даже анархисты-«набатовцы», чувствуя гибельность и ужас тотальной войны. Махно продолжал борьбу с «хладнокровием душевнобольного»: без страха и без надежды.

Последний раз он с отрядом в 600 сабель открыто выступил в июне 1921 года под Полтавой. В штабе Фрунзе к этому времени поняли алгоритм его, на первый взгляд, хаотичных передвижений — и встретили ударом в лоб. Через три месяца беспрерывного преследования Махно, раненный в последний, одиннадцатый, раз в голову, с горсткой оставшихся в живых повстанцев перешел румынскую границу...

Когда-нибудь историки в деталях реконструируют связанные с Махно эпизоды гражданской. Но дело все-таки не в деталях. История этого движения высвечивает гораздо более значимые вопросы. Один из них — вопрос о перерождении народовластия в диктатуру. Махно ведь начал,

как правоверный анархист, с декларации «самоуправления» народа, «вольных» советов, гражданских свобод. Еще осенью 1919-го в занятом махновцами Екатеринославе печатались, помимо махновской, газеты эсеров, левых эсеров, большевиков. Однако вскоре «народовластие» сменяется военным диктатом, тем более грубым, что никаких законов, ограничивающих права власти, махновцы не признавали, ибо не властью считали себя, а лишь исполнителями воли «народа».

Как и всякая диктатура, махновская возникла на гребне кризисной ситуации в экономике — точнее, кризиса крестьянского хозяйства в условиях военного коммунизма. А невозможность разрешения кризиса путем уступок, которые последовали лишь в 1921 году, предопределила ту особую, дикую, «крестьянскую» форму этого диктата, которая само слово «махновщина» окрасила трупным запахом уничтоженных противников — красных командиров, коммунистов, крестьян, заподозренных в сочувствии к Советской власти. Быть может, трагическая неизбежность диктатуры такого рода (которой так боялся Герцен и которую смутно предчувствовал Пушкин) объяснялась тем, что махновщина, подобно «бессмысленным и беспощадным» бунтам прошлого, выполнив разрушительную задачу, не реализовала, да, вероятно, и не могла реализовать свою, хоть и небогатую, конструктивную программу, не имея на то ни материальных средств, ни людей, ни (как бы возвышенно это ни звучало) духовной силы.

Махно оказался в числе тех «благодетелей» человечества, которых идея равенства и свободы привела к результатам противоположным, для которых единственным оправданием этого трагического перевертыша стало число жертв, брошенных на алтарь Идеи, и борцов, павших в борьбе за нее (недаром воспоминания Махно открываются посвящением погибшим товарищам). Махно был слишком простодушен и прямолинеен, чтобы с иезуитской изворотливостью теоретически оправдывать пролитую кровь, как делали это Сталин и Троцкий. Он глушил голос совести просто: отчаянно напивался в последние годы гражданской.

История махновщины заставляет искать ответа еще на один вопрос: что было бы, если бы партия большевиков, руководствуясь утопическим представлением о возможности быстрого построения коммунизма, не сузила так резко социальную базу (пролетариат и беднейшее крестьянство) революции? Если бы такое

лидеры ее, как Троцкий и идущие за ним рядовые партийцы, не спровоцировали контрреволюционные выступления крестьян и таких «колеблющихся» революционеров, как Махно? Вероятно, ход гражданской войны был бы иной. Ленин честно признал в 1921 году: «Мы сделали ту ошибку, что решили осуществить непосредственный переход к коммунистическому производству и распределению».

Восстановив против себя непролетариев (в мелкобуржуазной стране!), «ошибка» потребовала колоссального напряжения сил в борьбе против множества внезапно возникших «внутренних» врагов, в числе которых оказались и вчерашние попутчики. Она потребовала почти полного усечения декларированных в ноябре 1917 г. политических свобод, создания невиданного по мощи репрессивного аппарата (ревтрибуналы, чрезвычайки, НКВД, продармия, заградотряды, войска ВОХР и ВНУС), привела к абсолютизации принуждения в решении экономических проблем, к созданию чудовищного государственного аппарата (4 млн. чиновников в 1921 году), ограничению самостоятельности демократических институтов — Советов, профсоюзов — и постепенному подчинению их партии. Эта политика постепенно изменила стиль политического мышления в самой партии, породила, вместе с устранением политических «противников», монопольное мышление (одной из сторон которого является приписывание собственных неудач проискам врагов), исказила режим внутрипартийной демократии...

Но что главнее всего — «интоксикация» общества насилием в годы гражданской не только разрушила приоритет общечеловеческих ценностей и заменила их суррогатами «классового подхода», но и породила целый слой мутантов, людей, сделавших «идеологию» оправданием собственной безнравственности. Это на них потом опирался Сталин, из них рекрутировались беспощадные коллективизаторы и заплечных дел мастера. Быть может, читатель увидит странную закономерность в том, что глава махновской контрразведки Левка Задов до 1937 года работал в ЧК и в НКВД...

А Махно? Что Махно?.. В Румынии он попал в концлагерь, бежал, потом сидел в польской тюрьме, потом перебрался в Париж. Жил он там плохо, бедно, среди людей, которых считал врагами, против которых воевал... В своих мемуарах пытался отстаивать имя свое как имя революционера. На бумаге, кажется, это

удалось ему. В 1927 году автор одной интересной публикации о Махно Л. Никулин встретил его на улице. «Глубокий шрам пересекал его лицо справа от рта до уха. Он слегка хромал, временами тревожно озирался вокруг. Говорил теноровым певучим голосом. Как ни странно, он мечтал о возвращении на родину...» Махно не вернулся: он умер в Париже в 1934 году.

Василий ГОЛОВАНОВ

ШЕЛ ПОД КРАСНЫМ ЗНАМЕНЕМ...

(Тайна гибели Николая Щорса)

Убийцу не искали

В самом конце августа 1919 года 12-ю армию, а затем и всю Украину облетела горькая весть: убит Щорс.

Как рассказывала О. А. Щорс (Ольга Александровна, младшая сестра Щорса, умерла в 1985 году), на первом же построении, где оглашался приказ о вступлении заместителя начдива 44-й дивизии Ивана Дубового в должность начальника этой дивизии, кто-то из богунцев пытался выкрикнуть в адрес Дубового что-то оскорбительное. Но стоявшие рядом с ним товарищи зажали крикуну рот: «Молчи! Тоже хочешь схлопотать пулю!..»

Смятение в строю было замечено всеми, в том числе и командованием. Но выяснять виновника инцидента не стали...

По словам Ольги Александровны, эту историю поведали ей бывшие щорсовцы как очевидный факт, свидетелями которого они были.

По-видимому, этому сообщению вполне можно доверять, ибо из других многочисленных источников, в том числе и печатных, известно, что уже в первые дни после смерти Н. А. Щорса наряду с официальной версией о его гибели: «убит случайной пулей» — упорно ходила и вторая: «в начдива стреляли «свои».

Однако обратимся к свидетельствам очевидцев. Вот воспоминание, пожалуй, главного из них — самого И. Н. Дубового, опубликованное в Киеве в 1935 году государственным Военным издательством «На варті»:

«...30 августа 1919 г. Щорс выехал в направлении главного удара галичан и петлюровцев — Белошица — Ушомир... Прибыв сюда, Щорс застал чрезвычайно

сильный артиллерийский и ружейно-пулеметный огонь, который вскоре на некоторое время стих. Но неожиданно был открыт пулеметный огонь с места, по которому вела огонь наша артиллерия.

Товарищ Щорс начал обходить линию фронта. Несколько раз бойцы обращались к тов. Щорсу и просили его лечь, поскольку противник открыл очень сильный пулеметный огонь. Особенно, помню, проявлял «упорство» один пулемет возле железнодорожной будки. Этот пулемет и заставил нас лечь, ибо пули буквально рыли землю возле нас.

Когда мы залегли, Щорс повернул ко мне голову и говорит: «Ваня, смотри, как пулеметчик метко стреляет». После этого Щорс взял бинокль и начал смотреть туда, откуда стрелял пулемет. Но прошло одно мгновение, и бинокль выпал из рук Щорса, а голова его наклонилась к земле. Я позвал его: «Николай!» Но он не отвечал. Тогда я подлез к нему, вижу, течет кровь на затылке. Я снял с него фуражку. Пуля попала в левый висок и вышла в затылок. Щорс был без сознания и через 15 минут умер у меня на руках».

Судя по стилю этого рассказа, автор его, конечно, не литератор. Не чувствуется здесь и редакторская рука. Эпизод скорее напоминает объяснительную. Но в его «непричесанности», надо полагать, и заключалось главное достоинство — подкупающая достоверность. И читатели конечно же верили И. Дубовому. Свидетельство человека, на руках у которого умер Щорс, становится хрестоматийным. Не исключено, что именно оно послужило основой описания смерти легендарного начдива и для авторов всех многочисленных художественных произведений о Н. А. Щорсе. Словом, версия И. Дубового надолго приобретает статус официальной.

Правда, у пытливого человека мог возникнуть (и, наверное, возникал) вопрос, который автор воспоминаний очень деликатно обходит: а кто сопровождал Щорса в этой поездке? Ведь вначале даже создается впечатление, что начдив появился на этом участке фронта один: «выехал», «поехал», «застал», «начал обходить»... Потом как бы исподволь всплывает понятие «мы»: «мы залегли...» Но кто «мы»?Прежде всего, разумеется, сам И. Дубовой, поскольку Н. А. Щорс

обращался к нему, на его, И. Дубового, глазах был смертельно ранен. А был ли рядом кто-нибудь еще?

Вопрос этот, как увидим дальше, отнюдь не случайный. И, по-видимому, именно с него должно было бы начинаться расследование причин гибели Н. А. Щорса, если бы это расследование проводилось...

В том же 1935 году в украинской газете «Коммунист» от 10 марта снова появляются воспоминания И. Дубового о последних мгновениях жизни Н. А. Щорса. Право же, они стоят того, чтобы привести их здесь почти полностью:

«...30 августа 1919 года... товарищ Щорс со мной верхом поехал из села Могильного, где был штаб Богунского полка, в село Белошица. Дорога проходила перед вражескими линиями. Враг открыл по нам ружейный и пулеметный огонь. Мы заскочили в село. Командир полка тов. Квятек отрапортовал о положении на участке. Тов. Щорс приказал вести его туда, где лежит наша цепь, на передовую линию. Подошли к 3-му батальону, которым командовал тов. Гавриченко... Именно в тот момент, когда 3-й батальон готовился к наступлению, с железнодорожной будки резанул по нам пулеметный огонь. Мы залегли. Тов. Щорс поднял голову, взял бинокль и начал осматривать позиции. Спокойно тов. Щорс обратился ко мне: «Смотри, Ваня, как здорово пулеметчик строчит...» И наводит бинокль на железнодорожную будку. И тут же бинокль выпал у него из рук, и Щорс опустил голову. Я подполз к нему.

— Николай, Николай, — обращался я.

Молчание.

— Николай, что с тобой? — хватаю за полу кожанки. Молчание. Смотрю на затылок — красная полоска. Я снимаю с его головы фуражку и... кровь, смешанная с мозгами, облепила голову. Пуля попала в левый висок и вышла в затылок. Не верилось в столь нелепую смерть! «Николай, Николай!» — не раз повторял я, положив его голову себе на колени.

Он дышал, но был без сознания. Через минут девять его не стало...»

Не будем придираться к некоторому фактическому несоответствию в воспоминаниях главного свидете-

ля, хотя и это разночтение тоже весьма примечательно. Давайте лучше запомним главное: и в первом, и во втором случае И. Дубовой навязчиво повторяет одну и ту же фразу: «Пуля попала в левый висок и вышла в затылок».

Кроме того, по-прежнему остается неясным, сколько же все-таки людей сопровождало Н. Щорса в его поездке на фронт в тот роковой для него день? «Товарищ Щорс со мной верхом поехал...» Выходит, один? Сам Дубовой?..

Все в том же 1935 году, в той же газете «Коммунист», всего лишь за день до публикации И. Дубового появляется небольшая заметка бывшего командира Богунского полка К. Ф. Квятека:

«...30 августа на рассвете враг начал наступление на левый фланг фронта, охватывая Коростень...

Штаб Богунского полка стоял тогда в Могильном. Я выехал на левый фланг в село Белошицу. По телефону меня предупредили, что в штаб полка в с. Могильное прибыли начдив тов. Щорс, его заместитель тов. Дубовой и уполномоченный Реввоенсовета 12-й армии тов. Танхиль-Танхилевич.

Я доложил по телефону обстановку. Товарищ Щорс сказал, что он сейчас едет в село Белошицу... Через некоторое время тов. Щорс и сопровождающие его подъехали к нам на передовую... Мы залегли. Тов. Щорс поднял голову, взял бинокль, чтобы посмотреть. В этот момент в него попала вражеская пуля...»

Итак, неожиданно в этой истории появляется еще один персонаж — уполномоченный Реввоенсовета 12-й армии, в которую входила щорсовская дивизия. Лицо, скажем прямо, весьма значительное, чтобы «забыть» упомянуть о нем. Однако И. Дубовой, как видим, упорно обходит его молчанием. Почему? Возможно, у него были на то веские причины?..

Более рельефно загадочная фигура политинспектора 12-й армии всплывает в воспоминаниях еще одного участника тех далеких событий — генерал-майора С. И. Петриковского (Петренко), в момент гибели Щорса командовавшего отдельной кавбригадой 44-й дивизии. Датированы эти записки 17 июля 1962 года. Они весьма пространны, так что ограничимся

лишь наиболее важными для нас моментами и оценками.

«30 августа, — пишет ветеран, — Щорс, Дубовой, я и политинспектор из 12-й армии собрались выехать в части вдоль фронта. Автомашина Щорса, кажется, ремонтировалась. Решили воспользоваться моей.

Выехали 30 днем. Спереди сидели Кассо (шофер) и я, на заднем сиденье — Щорс, Дубовой и политинспектор. На участке Богунской бригады Щорс решил задержаться. Договорились, что я на машине еду в Ушомир и оттуда посылаю машину за ними. И тогда они приедут в Ушомир в кавбригаду и захватят меня обратно в Коростень.

Приехав в Ушомир, я послал за ними машину, но через несколько минут по полевому телефону сообщили, что Щорс убит... Я поскакал верхом в Коростень, куда его повезли.

Шофер Кассо вез уже мертвого Щорса в Коростень. Кроме Дубового и медсестры, на машину нацеплялось много всякого народа, очевидно — командиры и бойцы.

Щорса я видел в его вагоне. Он лежал на диване, его голова была сильно забинтована.

Дубовой был почему-то у меня в вагоне. Он производил впечатление человека возбужденного, несколько раз повторял, как произошла гибель Щорса, задумывался, подолгу смотрел в окно вагона. Его поведение тогда мне казалось нормальным для человека, рядом с которым внезапно убит его товарищ. Не понравилось только одно... Дубовой несколько раз начинал рассказывать, стараясь придать юмористический оттенок своему рассказу, как он услышал слова красноармейца, лежащего справа: «Какая это сволочь с ливорверта стреляет?..» Красноармейцу на голову упала стреляная гильза. По словам Дубового, стрелял из браунинга политинспектор. Даже расставаясь на ночь, он мне вновь рассказал, как стрелял политинспектор по противнику на таком большом расстоянии...

Эта нарочитость повторения достигла своей цели. Я начал думать о политинспекторе, стрелявшем рядом со Щорсом в момент его гибели.

...Я больше не видел политинспектора. Он в тот же

день уехал в штаб 12-й армии. Мне товарищи называли даже его фамилию. Она у меня записана...

Это был человек лет 25—30. Одет в хорошо сшитый военный костюм, хорошо сшитые сапоги, в офицерском снаряжении. В хорошей кобуре у него находился пистолет системы браунинг, никелированный. Я его запомнил хорошо, так как этот политинспектор, будучи у меня в вагоне, вынимал пистолет и мы его рассматривали. По его рассказам, он родом из Одессы. Проходя по российским тюрьмам, я насмотрелся уголовников. Этот политинспектор почему-то на меня производил впечатление бывшего «урки». Не было в нем ничего от обычного типа политработника. Приезжал он к нам дважды. Останавливался у Дубового. Его документ, что он политинспектор, я видел своими глазами...»

Давайте на время прервем рассказ генерала и обратимся к справке, полученной из Центрального государственного архива Советской Армии. Вот что в ней говорится: «...Танхилевич Павел Самуилович, рождения 1893 года... владеет французским и английским языками, в 1919 году имел среднее образование, был членом РКП(б)... П. С. Танхилевич (Танхиль-Танхилевич) летом 1919 года служил в должности политинспектора при Реввоенсовете 12-й армии на Украине...»

Что примечательно, согласно той же архивной справке, Танхиль-Танхилевич уже в ноябре 1919 года «был переведен в 10-ю армию Южного фронта и служил здесь в должности старшего цензора-контролера Военно-Цензурного отдела Реввоенсовета 10-й армии». В свое время многие щорсовцы полагали, что перевод этот был не случаен: мавр-де сделал свое дело, и его постарались упрятать подальше...

С. И. Петриковский (Петренко), как помним, не был непосредственным свидетелем гибели Н. А. Щорса. Но в боевой цепи тогда, 30 августа 1919 года, рядом с начдивом и вблизи него, оказывается, находились кроме Дубового, Танхиль-Танхилевича, Квятека и другие люди, которые, вопреки версии Дубового, уверяли, что вражеский пулемет в момент, когда пуля угодила Щорсу в голову, уже молчал, так как был уничтожен нашей артиллерией. Эти показания оче-

видцев использовал в документальной книжке «Повесть о полках Богунском и Таращанском» бывший боец щорсовской дивизии Дм. Петровский. «...Первым долгом, — пишет он, — бросились бойцы к разрушенному сараю, откуда только что строчил пулемет и куда садапул Хомиченко четыре снаряда. Но в развалинах сарая нашли разорванного в клочья пулеметчика и только части пулемета, выведенного из строя снарядом за несколько минут до смерти Щорса...»

Книжка Дм. Петровского издана в Москве еще в 1947 году и, по сути, была первой попыткой печатно опровергнуть бытующую легенду о причине гибели Н. А. Щорса. Именно здесь впервые утверждалось то, о чем до этого вслух произносить было не принято: «Пуля, сразившая Щорса, вошла ему в затылок и вышла в висок...» То есть в комдива стреляли сзади...

Что и говорить: заявление по тем временам довольно смелое. И, казалось бы, после него все, кто знал правду о Щорсе, поддержат усилия одного из своих бывших однополчан в установлении истины. Но не тут-то было! Читательская реакция на эту книжку была, мягко говоря, неожиданной. Многие участники гражданской войны, в том числе и ветераны 44-й дивизии, гневно осудили ее появление. Причем протестовали не только те, кто не допускал мысли об убийстве Щорса «своими», но и люди, не верившие Дубовому. «Зачем ворошить прошлое? — говорили они.— Зачем через столько лет бередить наши раны? Пусть тайна смерти Щорса останется с нами...»

Кстати, такой же точки зрения придерживался и генерал С. И. Петриковский (Петренко). Уже в упоминаемых нами записках он, между прочим, замечает: «Было правильным указание не заниматься публичным обсуждением обстоятельств гибели Щорса: не доставляет это нам радости. Но нас вынудили...»

Право же, несколько странно звучит сегодня подобное признание. Мы процитировали его не только ради того, чтобы акцентировать внимание читателей на убеждениях старого генерала. Тут интересно другое: выходит, было такое официальное указание — не обсуждать публично все, что связано с загадочной гибелью Щорса? Так, может, еще и поэтому мы до сих пор не знаем всей правды о нем?

Но вернемся к воспоминаниям генерала: «Выстрел, которым был убит Щорс, раздался после того, как замолк пулемет... Я допускаю случайное убийство. Политинспектор волновался, а, может быть, и струсил. Первый бой. Возбуждение. Свой случайно убил своего. Бывало. Что тогда? Свои разберутся. Быть может, даже под суд отдадут. Но при неумышленном убийстве всегда все-таки потом поймут...

...При стрельбе пулемета противника возле Щорса легли Дубовой с одной стороны, с другой — политинспектор. Кто справа и кто слева — я еще не установил, но это уже и не имеет существенного значения. Я все-таки думаю, что стрелял политинспектор, а не Дубовой. Но без содействия Дубового убийства не могло быть... Только опираясь на содействие власти в лице заместителя Щорса — Дубового, на поддержку РВС 12-й армии, уголовник совершил этот террористический акт... Я думаю, что Дубовой стал невольным соучастником, быть может, даже полагая, что это для пользы Революции. Сколько таких случаев мы знаем!.. Я знал Дубового и не только по гражданской войне. Он мне казался человеком честным. Но он мне казался и слабовольным, без особых талантов. Его выдвигали, и он хотел выдвигаемым быть. Вот почему я думаю, что его сделали соучастником. А у него не хватило мужества не допустить убийства.

...Бинтовал голову мертвого Щорса тут же, на поле, лично сам Дубовой. Когда медсестра Богунского полка Розенблюм Анна Анатольевна (сейчас она живет в Москве) предложила перебинтовать аккуратнее, Дубовой ей не разрешил.

По приказанию Дубового тело Щорса без медицинского освидетельствования отправлено для погребения...

...Дубовой не мог не знать, что пулевое «выходное» отверстие всегда больше, чем «входное». По его же рассказу, он видел рану Щорса, Щорс умер у него на руках. Так что же он пишет, что пуля вошла спереди и вышла сзади?..»

Все эти «странности» поведения И. Дубового были замечены многими уже в первые дни после случившегося. Конечно же, всевозможные слухи и недоумения, связанные с загадочной гибелью Н. А. Щорса,

не могли не дойти до штаба 12-й армии. Оттуда даже прибыла комиссия во главе с членом Реввоенсовета армии Сафоновым. Дубовой временно был отстранен от командования дивизией. Как пишет С. И. Петриковский (Петренко), он, «находясь в дивизии, был как бы не у дел».

О результатах работы этой комиссии мы находим сведения в заметках другого автора — Г. Крапивянского (сына Н. Г. Крапивянского, командовавшего в 1918 году 1-й Советской Украинской дивизией). Вот что он пишет: «Дубовой формально был отчислен из дивизии... Так как и в докладе тов. Сафонова, и в других документах отсутствуют даже намеки на какие-либо проступки, совершенные в этот период Дубовым, остается предположить, что отчисление было связано с отсутствием медицинского свидетельства о смерти Щорса, умершего на руках Дубового...

Следует также предположить, что Реввоенсовет, особый отдел 12-й армии и ЧК Украины (представитель которой в сентябре 1919 г. выезжал в 44-ю дивизию) убедились в отсутствии преступления с контрреволюционными целями в чрезвычайных обстоятельствах, связанных с гибелью Щорса, вследствие чего И. Н. Дубовой 23 октября 1919 года был восстановлен в должности начальника 44-й дивизии...»

К этим заметкам, как и к личности самого Г. Крапивянского, мы вынуждены будем обратиться еще не раз. Пока же, поскольку автор упомянул об участии в комиссии представителя ЧК, думается, уместно будет вспомнить реакцию на смерть Н. А. Щорса руководителя украинских чекистов М. Я. Лациса. В рукописном фонде Государственного музея Н. А. Щорса хранятся воспоминания работника ЦК КП(б)У, члена КПСС с 1915 года А. К. Ситниченко.

«...В беседе о положении на западном фронте, — пишет она, — совсем неожиданно тов. Лацис сказал:

— Получено печальное известие: вчера убит Н. А. Щорс.

— Как убит? — спросила я.

— Подробности пока не известны. Сообщение из штаба 12-й армии...

Я, никогда не плакавшая на людях, не утерпела и горько заплакала. Тов. Лацис переполошился.

— Ну зачем же плакать? Ах, да... Ведь ты служила в 1-й дивизии у Щорса. Но плакать не надо... сообщение не проверено, может быть и ошибка... Да и сообщение какое-то странное, — успокаивал он меня. А сам глубоко задумался...

— Да, очень странно и непонятно: Тимофей Черняк убит, Василий Боженко отравлен и... Николай Щорс убит. Неужели убит? Просто в голове не укладывается!.. Какая-то зловещая цепочка. И... идет она из штаба 12-й армии. Очень все запутано...»

Чекистским чутьем М. Я. Лацис сразу уловил, что в штабе 12-й армии творится что-то неладное. И, по-видимому, не только обратил внимание на «зловещую цепочку» загадочных убийств, но и предпринял какие-то конкретные меры по их расследованию. Однако организаторам убийства удалось уберечь от возмездия тех, кто поднял руку на Щорса и кто был осведомлен о всех обстоятельствах его гибели.

В конце 50-х годов, после «потепления» в общественной и политической жизни страны, вызванного разоблачением и осуждением культа личности Сталина, наблюдается возрастание всеобщего интереса к истории Советского государства. И конечно же, в ряду прочих многочисленных вопросов нашего далекого и недавнего прошлого не мог вновь не всплыть вопрос о загадочной гибели одного из талантливейших организаторов Красной Армии на Украине, ее легендарного командира Николая Щорса. И он всплывает.

В пятом номере журнала «Советская Украина» за 1958 год появляется статья бывшего члена Реввоенсовета Украинского фронта генерал-полковника Е. А. Щаденко. Написанная им незадолго до смерти, эта статья отличается какой-то взвешенной, подчеркнутой пристрастностью старого бойца, который будто бы в споре с кем-то доказывает глубокую убежденность в своей правоте. Давайте вместе внимательно вчитаемся в его слова, которыми он характеризует своего соратника Н. А. Щорса:

«...что особенно выделяет Щорса среди многих товарищей по работе и борьбе? Его необычайная большевистская скромность, сочетающаяся со строгой требовательностью к себе и окружающим, которых он воспитывал, дисциплинировал...

Щорс был насквозь и до конца партиец и во всей своей деятельности, жизни, быту... исходил из интересов партии... Самоотверженная решимость, храбрость... сделали бесстрашного героя примером для многих...

Были, конечно, и такие люди, которые ненавидели Щорса за его непримиримое отношение к мелкобуржуазной расхлябанности, разгильдяйству, за его строгое требование внедрять везде и всюду большевистскую мораль... Они объявили Щорса «неукротимым партизаном», представляя его в канцелярских сферах наркомата как «противника регулярных начал», внедрявшихся в армии.

Новое командование, присланное из центра... стало подозрительно относиться к Щорсу. «Угодники», создавая мнение, старались дискредитировать начдива. Новый член Реввоенсовета 12-й армии Аралов не раз приезжал в дивизию, чтобы лично проверить, насколько Щорс «неукротим»...

Оторвать Щорса от дивизии, в сознание которой он врос корнями, могли только враги. И они его оторвали...»

Так впервые в нашем повествовании всплывает новый персонаж — некий Аралов. Причем намек Е. А. Щаденко в его адрес настолько недвусмысленный, настолько прозрачный, что нам впору бы заняться этим персонажем более детально.

Семен Иванович Аралов, ветеран партии, кавалер многих государственных наград, заслуженный человек, хорошо известный в Москве (да и не только в столице!), писатель и журналист, специализирующийся на мемуарной литературе, автор многих книг, брошюр, журнальных и газетных публикаций, в момент появления статьи Е. А. Щаденко был хотя уже и не молод, но еще бодр и энергичен. Он охотно восседал в президиумах всевозможных торжественных собраний и заседаний, куда его довольно часто приглашали, не менее охотно выступал, особенно перед молодежью, призывая ее быть достойным продолжателем дела дедов и отцов, и, конечно же, много писал...

Предполагаем, что выпад против него генерал-полковника Щаденко несколько смутил, а может, даже и напугал Семена Ивановича. Другой бы на его месте, возможно, не стал бы поднимать шум, как-нибудь от-

молчался, сделал вид, что ничего такого не произошло — ну сколько экземпляров той же «Советской Украины» могло дойти до Москвы?! Но не таков был Аралов. Он решил действовать. К этому его, возможно, побудило еще и то, что из тюрем и лагерей стали возвращаться чудом уцелевшие бывшие участники революции и гражданской войны. Теперь эти люди становились уважаемыми: их тоже приглашали в президиумы, их свидетельства, хотя и не столь многочисленные, стали появляться в печати, к ним прислушивались, им возвращали партийные билеты... От этих людей можно было ожидать всякое. Да и помнили они немало. И Аралов пошел ва-банк!

В том же 1958 году в 11-м номере журнала «Нева» появляется сенсационная статья С. Аралова, в которой он «разоблачал» культ личности... Щорса. Эта публикация буквально ошеломила читателей столь неожиданной оценкой роли Н. А. Щорса в гражданской войне. Оказывается, Щорс, будучи недисциплинированным командиром и не имея боевого опыта, плохо руководил боевыми операциями и являлся виновником почти всех боевых неудач дивизии и даже всей 12-й армии...

У многих эти «откровения» человека сведущего, каким был представлен читателям С. Аралов, вызывали шок: «Неужели правда?» Ощущение достоверности этих «откровений» усилилось еще и тем, что никаких печатных опровержений на этот араловский пассаж в ближайшее время так и не последовало...

Видимо, такая общественная реакция приободрила мемуариста. Вскоре, как полагают, не без его участия появляется рукопись уже знакомого нам Г. Крапивянского, где от утвердившегося в нашем сознании образа героя гражданской войны не остается, что называется, камня на камне.

Думаем, нет необходимости цитировать этот пасквиль полностью. Приведем из него лишь наиболее «серьезные» обвинения, которые Крапивянский предъявляет Щорсу ровно через сорок лет со дня его гибели. Вот они.

Щорс, уверяет он, никогда не был членом Коммунистической партии. По своим взглядам он далек от большевиков и революционного движения в целом. Он

присвоил своему полку имя Богуна, но Богун был националистом, боролся вместе с польскими панами против братской нам России. Поэтому советское командование запрещало называть полк Богунским, однако Щорс не выполнил этот приказ. Особенно плохой и разложившейся частью в дивизии Щорса была Богунская бригада, которая в июне 1919 года отдала врагу Волочиск, Проскуров, Староконстантинов, а сама занималась грабежами населения. Начдив Щорс — личность карьеристского типа наподобие Муравьева, Сорокина и других изменников, случайно попавших в ряды Красной Армии.

Если бы С. Аралов и его тогда еще молодой «коллега» Г. Крапивянский, живущие в Москве и имеющие, судя по всему, доступ к архивам, вдруг захотели подкрепить свои измышления документально, они бы без особых усилий нашли среди бумаг нечто совершенно противоположное их утверждениям. Да и не только среди бумаг. Еще живы были многие соратники Н. А. Щорса, которые могли авторитетно подтвердить, скажем, факт принадлежности Н. А. Щорса к ленинской партии. Что, кстати, позже и сделали бывший начальник политотдела 1-й (впоследствии 44-й) дивизии Н. Ю. Коцарь, бывший командир полка этой же дивизии генерал-лейтенант И. И. Петров, бывший комбат генерал-майор В. И. Рябцев, бывший командир 2-го Богунского полка полковник Г. С. Данилюк и другие. Уж они-то все знали о своем начдиве. О партийности Щорса, как о само собою разумеющемся, писал, как помним, и генерал-полковник Щаденко.

В фондах музея Н. А. Щорса хранятся фотокопии протоколов партийных собраний (оригиналы находятся в партархиве Брянского обкома КПСС). Вот выдержки из них. «Протокол общего партийного собрания № 4 членов Унечской организации РКП(б) от 17 октября 1918 года... Председатель тов. Щорс. Секретарь тов. Брагинский. Повестка дня: 1. Разгрузка поселка. 2. Организация комячейки... По вопросу о разгрузке поселка принимается постановление: избрать комиссию в составе представителей партии тов. Щорса, председателя чрезвычкома и председателя гражданского отдела...»

«Протокол общего собрания членов Унечской орга-

низации РКП(б). 2 ноября 1918 года. Присутствовало 28 человек. Повестка дня: мобилизация коммунистов на фронт. По первому вопросу вносит предложение т. Щорс — о формировании боевого коммунистического отряда. Постановили: отряд создать из желающих добровольцев... Всю запись закончить к утру и явиться к 12 часам к тов. Щорсу или Боженко...»

До Великой Отечественной войны (факт общеизвестный!) в Киевском музее революции экспонировались партийный билет Н. А. Щорса и ведомость об уплате партийных взносов членами парторганизации штаба 1-й (44-й) дивизии, где значилась и фамилия Щорса. В годы войны эти документы, к сожалению, были утеряны.

Что же послужило поводом Г. Крапивянскому объявить Щорса беспартийным? В 1957 году в издательстве «Радянська школа» вышла документальная книга бывшего политкомиссара первой дивизии В. Исаковича «Микола Щорс». Автор этой работы, надо полагать, со знанием дела на странице 37 утверждает, что летом 1918 года Щорс еще не был связан с ЦВРК Украины и с местными парторганизациями. Вот как раз за это утверждение и уцепился Крапивянский. Но стоило бы опровергателю внимательнее полистать эту книжку, и он на 4-й странице нашел бы такую фразу: Щорс «понял правоту дела, за которое боролась Коммунистическая партия, и в 1918 году вступил в ее ряды...» Проглядел Г. Крапивянский это свидетельство или не пожелал замечать?..

В фондах Центрального государственного архива Советской Армии хранятся сотни подлинных документов, отметающих и остальные попытки ниспровергателей Щорса принизить, перечеркнуть его заслуги перед революцией, партией, советским народом. Вот лишь некоторые из них.

Представление командования Украинским фронтом Временному Советскому правительству Украины, № 101. 6 февраля 1919 года

1-й Советский Украинский полк проявил особенную доблесть за все время революционной борьбы на

Украине и, в частности, при взятии Киева. Ходатайствуем перед Временным советским правительством Украины о награждении означенного полка Почетным Знаменем и сохранением за ним названия Богунский, а также о награждении командира полка тов. Щорса за умелое руководство Почетным Золотым Оружием.

Командующий фронтом В. Антонов,
Член Реввоенсовета Е. Щаденко.

Постановление Временного рабоче-крестьянского правительства Украины

Постановлением правительства от 7 февраля 1919 года Богунскому и Таращанскому полкам вручаются за героические и доблестные действия против врагов рабочих и крестьян Почетные Красные Знамена.

Командирам боевых полков тт. Щорсу и Боженко за умелое руководство и поддержание революционной дисциплины в частях вручается Почетное Золотое Оружие.

Телеграмма ВУЦИК 1-й дивизии. № 829. 14 апреля 1919 года

Всеукраинский ЦИК Советов от имени масс Украины приветствует Красные полки, своей геройской борьбой не только отстоявшие Бердичев против более сильного врага, но и могучим натиском взявшим обратно Житомир. Рабоче-Крестьянская Украина гордится Вашей доблестью и не забудет стойких защитников Советской власти.

Постановление Президиума ЦИК Украины о награждении Боженко, Щорса, Квятека. 16 апреля 1919 года

Предложить ЦИК наградить за боевые заслуги командиров частей — комбрига Боженко, начдива Щорса и помполка Квятека.

Поручить тов. Затонскому в недельный срок выработать знаки для наград.

Из докладной записки Н. И. Подвойского В. И. Ленину, Реввоенсовету республики и Советскому правительству Украины о переброске 1-й Украинской дивизии на Южный фронт. 15 июня 1919 года

Объехав фронт 1-й армии, оценив всестороннее положение, изучив действующие части, проанализировав техническое и стратегическое положение на фронте, я решительно, с общего согласия командиров, предлагаю теперь же снять единственно боевую на этом фронте дивизию Щорса, в которую входят лучшие в боевом отношении и наиболее слаженные полки, и передать ее на Южный фронт.

Наркомвоен Подвойский.

Из газеты «Красная Армия» № 70, июнь 1919 г.

Наркомвоен Украины Н. И. Подвойский, лично посетивший фронт, с большой теплотой говорил, что среди начальников и командиров выделились во всех отношениях Щорс и Боженко, пользующиеся большим авторитетом. В их частях железная дисциплина. Красноармейцы сражаются с революционной энергией, несмотря на тяжелое материальное положение.

Полагаем, в комментариях эти документы не нуждаются. Хотим только еще раз обратить внимание читателей на датировку последнего из них: 15 июня 1919 года.

Щорсу осталось жить всего лишь два с половиной месяца.

Как раз именно в это время Украинская Красная Армия вошла в состав Всероссийской единой Красной Армии. Это решение, как известно, было принято по предложению Советской Украины 1 июня 1919 года в Москве на заседании Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета с участием представителей Латвии, Литвы и Белоруссии, Красные Армии которых также объединялись теперь под единым командованием. Первая Украинская дивизия во главе с Н. А. Щорсом была преобразована в 44-ю дивизию 12-й армии. Вот тогда-то Щорс и встретился впервые

с Араловым, прибывшим по распоряжению предреввоенсовета Троцкого на Украину в качестве члена Реввоенсовета 12-й армии. Какое же впечатление вынес Аралов от этой поездки? Об этом он поведал в 1962 году в скандально нашумевшей книжке «Ленин вел нас к победе».

«...На Украине, — пишет он, — продолжала существовать система атаманства и батьковщины, что было на руку бандам Махно, Григорьева и другим. Атаманщина еще жила в 1919 и 1920 годах... Невероятный хаос на родной нам украинской земле... Немецкая оккупация, гайдамаки, петлюровцы, белополяки, французские и английские десанты, казацкие и куркульские (кулацкие) восстания, партизанщина, деникинские войска, бандиты и атаманы самых различных мастей, дезертиры, зеленые — все перемешалось, все кричало, пропагандировало, требовало, стреляло, дралось, изменяло, перебегало из одной группы в другую, наступало, отступало...»

Но это, так сказать, общий фон. Более конкретные оценки мы находим в телеграммах Аралова, адресованных Троцкому, и в записях телефонных разговоров с ним. Вот как характеризовал он ситуацию в первой дивизии в июньской депеше, помеченной грифом «сов. секретно»:

«...Командный состав в большинстве своем не соответствует своему назначению. Многим место на скамье подсудимых. Командир дивизии считает себя каким-то «царьком»... 1-й Богунский полк, его командный состав, как например, командир полка Данилюк, адъютант Судженко и другие — контрреволюционеры. В частях дивизии развит антисемитизм, бандитизм и пьянство. Богунский полк представляет собой угрозу Советской власти».

Троцкий словно ожидал этого сигнала. Тут же следует ответная телеграмма:

«Реввоенсовет 12 Армейская Курск. Для превращения 12 армии в боеспособн. величину необходим новый режим ком. и комиссаровский состав должен почувствовать твердый и решительный перелом.

Строгую чистку нужно начинать сверху глядеть сквозь пальцы на установивш. порядок недопустима примирительная политика губительна только после

чистки и освежения командного состава будет возможна решительная чистка красноармейской массы. О принятых мерах сообщите. № 246. 28.VI.

Предреввоенсовета Троцкий».

Итак, директива четкая и недвусмысленная: чистка! Строгая. Сверху. Примирительная политика недопустима и губительна. Вот, оказывается, кто развязал руки араловым! Вот где начало тех злодеяний, которые вскоре потрясут армию! Вот первое звено той «зловещей цепочки», о которой вскоре с нескрываемой тревогой заговорит Лацис.

Аралов конечно же сразу уловил смысл главной задачи, поставленной перед ним. Теперь он четко знал, что от него требуется. Впрочем, не исключено, что знал он это и раньше, еще только собираясь на Украину, поскольку, будучи доверенным лицом Троцкого, явно был инструктирован им.

Щорс, по-видимому, особенно раздражал Аралова. Аралов не мог не знать мнение о начдиве 1-й (44-й), которое сложилось о нем у руководства республики. Не мог не слышать о его популярности в армии. Именно поэтому он, как писал впоследствии генерал Щаденко, зачастил в 44-ю, «чтобы лично проверить, насколько Щорс неукротим».

И вот полилась мутным потоком в адрес штаба РВС республики столь милая слуху Троцкого информация.

12.VIII по прямому проводу: «...у нас в настоящее время имеются три зап. бат-на, в которых в общей сложности около двух тысяч только что пришедших на пополнение без винтовок. А еще имеются на фронте партизанские части, которые совершенно разложились, как, например, первая Украинская, которую надо чистить и пополнять командным составом и для которой в первую голову нужен начальник дивизии. Такого подходящего у нас нет. Поэтому пришлите российский командный состав. Если дадите необходимые подкрепления, справимся с тяжелым положением, но со здешними украинцами работать трудно и они ненадежны, с кулацким настроением».

Это тоже непосредственно о дивизии Щорса и о самом начдиве. А ведь мы помним, как два месяца

тому назад характеризовал эти части Подвойский. Кому верить?

Н. А. Щорсу оставалось жить чуть более двух недель...

Сохранилось свидетельство уже знакомого нам генерал-майора С. И. Петриковского (Петренко) о характере инспекционных поездок Аралова в войска:

«Он приезжал как начальник, а не политический руководитель, приезжал на два-три часа и после беседы уезжал. Он боялся нас... Для Аралова мы были «чужие», «подозрительные», не заслуживающие доверия...

...Если разобраться, как складывалась обстановка в 1-й Украинской дивизии летом 1919 г., то убийство должно было произойти. Я присутствовал в Житомире при беседе Аралова со Щорсом в салончике вагона. Помню, как Щорс снял с себя портупею и пояс с револьвером и положил его на стол, подчеркивая тем свой отказ быть командиром дивизии. При этом присутствовали и другие коммунисты...»

Показательна в этом отношении оценка, которую в очередном донесении Троцкому дает Аралов дивизии Махно, временно входившей в подчинение 12-й армии: «...1-й ударный полк. Настроение хорошее. 3-й резервный полк этой же дивизии. Настроение красноармейцев великолепное. 7-й Заднепровский полк и Мелитопольский полк. Настроение бойцов великолепное...»

Вот уж поистине, что захочешь — то и увидишь...

В уже упоминаемом нами «исследовании» Г. Крапивянского тоже встречаем утверждение, что «член Реввоенсовета 12 армии Аралов дважды решал и намечал снять Щорса с поста комдива, но побоялся осуществить это решение». Бояться было чего. Авторитет начдива у бойцов и командиров 1-й (44-й) был огромнейший. За Щорса могли поднять на штыки! И тогда в штабе 12-й армии, видимо, и принимается секретное решение убрать Щорса физически.

Тот же Г. Крапивянский при встречах со щорсовцами не раз утверждал, что Щорс погиб вовсе не в бою и не от вражеской пули, а убил его Дубовой. И сделал-де он это сознательно и правильно, и что члены Реввоенсовета Аралов и другие знали об этом

убийстве и молча одобрили его, назначив комдивом Дубового...

Естественно, столь запоздалое признание и, главное, попытка как-то оправдать убийство Н. А. Щорса вызвали у ветеранов-щорсовцев, да и у всех честных людей, кому привелось познакомиться с этими «откровениями», бурю протеста. Знавшие о содружестве Аралова и Крапивянского понимали, что без Аралова в этой версии никак не обошлось, что это его попытка, спрятавшись за личину Г. Крапивянского, на склоне лет исповедаться в своем жесточайшем преступлении перед нашей историей. Поэтому группа участников гражданской войны, служивших в свое время под началом Н. А. Щорса, в феврале 1960 года обратилась к Аралову за разъяснением. «Что Вы можете сказать, Семен Иванович, по поводу этого заявления Крапивянского? — писали они. — Вам, очевидно, надо высказаться по поводу клеветнических наветов Крапивянского на Щорса и на Вас лично, а также на членов Военного Совета 12-й армии. Мы хотели бы получить от Вас ответ...»

И ответ последовал незамедлительно: «...никак не могу согласиться с вашей отрицательной оценкой работы Г. Н. Крапивянского. Я ее считаю первым положительным шагом в изучении гражданской войны на Украине в период 1918—1919 годов, правдивой, объективно освещающей события. С приветом. Семен Аралов. 29 февраля 1960 года».

Наконец еще одно красноречивое признание. В своей рукописи «На Украине 40 лет назад (1919)» Аралов как бы между прочим заявляет: «К сожалению, упорство в личном поведении привело его (Н. А. Щорса) к преждевременной смерти». Проговорился Аралов? Или это все та же попытка мотивировать и как-то оправдать преступление?

Но как были восприняты эти откровения в официальных кругах? Довольно по-разному.

Один из экземпляров рукописи Г. Крапивянский отнес в Институт истории партии при ЦК Компартии Украины. Надеялся, что одобрят? На такое, конечно, никто в институте не решился. Но и достойной отповеди тоже не дали, заняв эдакую выжидательную по-

зицию. Возможно, сказалось влияние авторитета Аралова?

Такое молчание Крапивянский расценил по-своему. И полетели копии «исследования» в Чернигов, Нежин, Щорс... Реакцию ветеранов-щорсовцев на него мы уже частично знаем. Но не всю. Повозмущавшись, они решили подготовить сборник подлинных документов о щорсовской дивизии. И подготовили. Он уже был набран, как вдруг составителям объявили: книгу издавать не будут — о Щорсе-де и так уже много написано.

Опять вмешался Аралов?

Аралов и Крапивянский в 1963 году были приглашены для объяснений в парткомиссию при МГК, где «искренне раскаялись».

Вскоре, как известно, наступили глухие времена застоя. Разоблачать до конца Аралова и его подручных никто не стал. «Мемуарист» продолжал доживать свой век в славе и почете. История «загадочной» гибели легендарного Щорса оставалась загадкой. До наших дней.

Память под слоем щебня

Расследователи не совсем правы, утверждая, что погибшему Н. А. Щорсу не было оказано должных воинских почестей. Почести были. По крайней мере, в родной дивизии — траурные митинги с музыкой, венками, салютом. Газеты поместили слова прощания...

Сначала его хотели похоронить в Клинцах — там жили все родственники. Но потом передумали. Дело в том, что незадолго до этого петлюровцы, захватив Житомир, откопали из могилы тело бывшего командира Таращанского полка В. Н. Боженко, привязали его к лошади и таскали по городу, затем изрубили на части и разбросали неведомо где.

Боясь подобных издевательств над прахом Н. А. Щорса, его решили перевезти подальше от линии фронта. Почему-то избрали Самару. На этом, кажется, настояла жена Николая Александровича — Фрума Ефимовна Хайкина-Ростова, служившая в 44-й дивизии чекистом. Впрочем, есть и другая версия.

Многие щорсовцы считали, что их начдива упрятали столь далеко только потому, что надеялись таким способом поскорее вытравить память о нем. А заодно и навсегда скрыть тайну его гибели.

Перед дальней дорогой тело попробовали «забальзамировать» — поместили то ли в спирт, то ли в крутой раствор поваренной соли...

— Отец, — рассказывала Ольга Александровна Щорс, — получив горькую весть о гибели Коленьки, поспешил из Сновска, где мы тогда жили, в Клинцы. Туда, по сообщениям, накануне прибыл траурный поезд.

Поздно вечером Александр Николаевич отыскал воинскую часть, где, по его предположениям, должен был находиться гроб с телом. Пробираясь в потемках мимо каких-то строений, отец увидел тусклый свет в окошке и направился на огонек — вдруг там дежурный. Постучал в дверь — не отзываются. Тогда он вошел в помещение и сразу же наткнулся на какую-то ванну. Заглянул в нее — и отшатнулся: там плавало тело Николая. Отец тут же упал без чувств...

По приказу Реввоенсовета 12-й армии цинковый гроб с прахом Н. А. Щорса в Самару отправили не в пассажирском вагоне, в котором жил Щорс в последнее время и в котором его привезли в Клинцы, а в обычном, товарном, что вызвало всеобщее возмущение. Группа командиров и политработников 44-й даже послала в штаб армии телеграмму протеста.

Сопровождали гроб до места погребения одиннадцать представителей дивизии во главе с комиссаром Таращанской бригады Валерием Николаевичем Шадранским.

Похороны были довольны скромными. На могиле боевые товарищи салютовали из личного оружия, установили дощатое надгробие и снова поспешили на фронт.

Только в июле 1949 года в Куйбышеве (бывшей Самаре) была создана специальная комиссия для эксгумации и перезахоронения останков Н. А. Щорса.

Чем была вызвана необходимость такой акции? На этот счет тоже есть несколько версий. Официальная: старое городское кладбище ликвидировалось, поэтому решено было перенести захоронение в другое место.

Выходит, операция эта была запланирована заранее? Сносится старое кладбище. Городские власти Куйбышева, обеспокоенные, что под снос идет и могила легендарного Н. А. Щорса, создают комиссию. Та, зная место захоронения, приезжает на кладбище, непосредственно руководит вскрытием могилы и переносом праха в более подходящее место...

Но давайте повнимательнее вчитаемся в официальный документ — акт эксгумации, датированный 5 июля 1949 года. А сказано здесь буквально следующее: «Комиссией исполкома городского Совета актом... установлено, что... на территории Куйбышевского кабельного завода (бывшее православное кладбище), в 3-х метрах от правого угла западного фасада электроцеха найдена могила, в которой в сентябре месяце 1919 года было похоронено тело Н. А. Щорса...

Почва могилы состоит из суглинка на глубине 1 м 50 см и 43 см щебня, насыпанного сверху. Гроб изъят и доставлен в помещение городской судебно-медицинской экспертизы, где и произведено медицинское исследование...»

Итак, как видим, акт полностью опровергает официальную версию. Нет никакого кладбища, нет никаких следов могилы. Есть заводской двор (на месте бывшего православного кладбища), на сорок с лишним сантиметров засыпанный щебнем. В трех (всего-то!) метрах от стертой с лица земли могилы «героя гражданской войны тов. Щорса Н. А.» проходит стена электроцеха. Она могла пройти и в метре от могилы и даже накрыть собой саму могилу.

Могила **найдена!** Следовательно, ее искали?! Но почему с таким опозданием? И отчего вдруг стали **искать?**

Не будь записи разговора с О. А. Щорс, кстати, присутствовавшей тогда летом 1949 года при перезахоронении брата, ответить на эти вопросы не смог бы, пожалуй, уже никто. А сообщила она вот что.

Как раз тогда, в 1949-м, в Москву пришло письмо от группы то ли сербов, то ли словаков, спрашивающих разрешения почтить память своего боевого командира, под началом которого они, вдохновленные идеей мировой революции, в дни далекой молодости сражались за Советскую власть на Украине.

В Москве поинтересовались, где Щорс похоронен. Естественно, сразу никто на этот вопрос ответить не смог. Тогда начали выяснять. Кто-то подсказал: в Куйбышеве. Запросили Куйбышев. Там засуетились, начали искать, припоминать... Но что можно было найти, если бывшее кладбище, где мог быть похоронен Щорс, уже давно стало территорией кабельного завода.

И все же поиски не прекращали: Москва ждала ответа.

Неизвестно, как удалось обнаружить свидетеля захоронения. Зато известна его фамилия — Ферапонтов. Она отражена и в акте эксгумации. В свое время Ольга Александровна беседовала с ним. Оказывается, Ферапонтов в голодном 19-м, будучи беспризорником, прибился к кладбищенскому сторожу и поселился у того. Помогал старику таскать инвентарь, ухаживать за могилами, а тот делился с мальчишкой скудным подаянием, перепадавшим от родственников усопших.

Те похороны осенью 1919-го почему-то особенно врезались в память Ферапонтова. Чем именно? Хоронили героя, красного командира. Без попа. Цинковый гроб. Много военных. Стреляли! Необычной была и фамилия погибшего — Щорс. Позже из песни, которую тогда распевала вся страна, Ферапонтов узнал, кто это такой.

Уже повзрослев, он не раз приходил на кладбище и всегда удивлялся: о человеке такая слава, а за могилой его никто не присматривает. Поэтому когда члены специальной комиссии, невесть как отыскавшие Ферапонтова, спросили его, может ли он указать место захоронения Щорса, тот сразу же привел на засыпанный щебнем уголок заводского двора: «Где-то здесь».

Вскрыли не меньше десятка могил, прежде чем перед взором членов комиссии предстал цинковый гроб со слегка прогнутой крышкой. Ферапонтов увидел его и сказал: «Он...»

Такова версия, которую поведала Ольга Александровна Щорс. Конечно же, она нуждается в проверке, хотя, как, очевидно, уже заметили читатели, эта версия во многом перекликается с официальным документом и, по крайней мере, объясняет, почему вдруг че-

рез тридцать лет спохватились столь энергично искать утерянную могилу Щорса.

То, что из-за границы могло прийти письмо от бывших щорсовцев, тоже вполне вероятно: в дивизии были представители почти двадцати национальностей. В том числе немцы, поляки, корейцы, чехи, румыны, словаки, венгры... Во втором Богунском полку служила целая рота китайцев!

Но как удалось доказать, что был обнаружен гроб именно с останками Щорса?

Акт судебно-медицинской экспертизы отразил довольно редкое явление. Вот как оно здесь описано: «...в первый момент после снятия крышки гроба были хорошо различимы общие контуры головы трупа с характерной для Щорса прической, усами и бородой. На голове также хорошо был заметен след, оставленный марлевой повязкой в виде широкой западающей полосы, идущей поперек лба и вдоль щек. Тотчас после снятия крышки гроба, на глазах присутствующих, характерные особенности вследствие свободного доступа воздуха стали быстро меняться, расплываться, а спустя короткий промежуток времени превратились в бесформенную массу однообразной структуры...

Тщательным образом были исследованы кости скелета, произведено их измерение. При исследовании обнаружены повреждения на черепе в виде огнестрельного отверстия в затылочной области справа и в левой теменной области...

...На основании данных эксгумации и последующего медицинского исследования комиссия считает, что останки трупа, обнаруженные в могиле, действительно принадлежат герою гражданской войны тов. Щорсу Н. А.»

Выходит, комиссии в известном смысле повезло: ее участники через тридцать лет после гибели Н. А. Щорса имели возможность видеть его «характерные приметы». Влажная суглинистая почва, а главное, запаянный цинковый гроб предотвратили доступ к останкам кислорода, что и обусловило их сохранность.

Судебно-медицинская экспертиза теперь документально подтвердила то, что многие только предполагали: Н. А. Щорса убили «свои». Вот краткие выводы, сделанные специалистами: «Повреждения черепа

нанесены пулей из огнестрельного нарезного оружия... Входным отверстием является отверстие в области затылка справа, а выходное — в области левой теменной кости... Следовательно, направление полета пули — сзади наперед и справа налево... Можно предположить, что пуля по своему диаметру была револьверной... Выстрел был произведен с близкого расстояния, предположительно 5—10 шагов...»

После завершения исследований останков Н. А. Щорса начались бурные споры — куда их перезахоронить. Одни доказывали: «Место легендарному борцу за Советскую власть, конечно же, у Кремлевской стены». Киев возражал: «Щорс — национальный герой и должен быть погребен в столице Украины». «Нет! — протестовали черниговцы. — Он наш земляк и должен покоиться только в родной земле». Куйбышевцы тоже приводили свои доводы...

Наконец поступило распоряжение сверху: «Пусть остается там, где был похоронен». Не хотели, судя по всему, лишнего шума...

Гроб перенесли на другое, действующее городское кладбище, на могиле установили монумент — теперь уже гранитный. По революционным праздникам у его подножия алеют цветы...

Но вот уже свежая новость. Как сообщили нам сотрудники Музея-мемориала Н. А. Щорса, сейчас зреет идея перенести прах героя еще раз — теперь уже в город, носящий его имя.

На этом нам бы и хотелось закончить печальную повесть об одном из не то что темных — черных пятен нашей отечественной истории. Еще и еще раз перечитывая свидетельства и документы, мы, признаться, порой невольно даже начинали понимать тех, кто в разное время не хотел, чтобы быль эта получила всеобщую огласку. Очень уж неблаговидной, вопиюще дикой кажется она на фоне прошлых деклараций о нашем якобы глубочайшем уважении к памяти о тех, кто ценой своей жизни завоевал нам Советскую власть, открыл светлый путь и так далее... Что-де скажут о нас, что подумают... Да, стыдно, да, грустно. Но все же лучше сказать об этом честно и открыто. Может, нам всеобщий стыд послужит хо-

рошим уроком на будущее. Ибо забывать прошлое — и хорошее, и плохое — мы уже так подпаторели...

Об Аралове и прочих, кто так или иначе причастен к гибели Николая Щорса. В повести приведены факты, предположения, оглашены архивные сведения, но это отнюдь не означает, что мы пытались назвать имена подлинных убийц. «Загадочная» смерть Н. А. Щорса — дело уголовное. И определить, кто поднял на него руку и кто наводил убийцу, — исключительно право суда. Мы же со своими авторскими эмоциями юридически даже не свидетели обвинения. Хотя, признаться, хотели бы быть ими. Но дело в том, что мертвых у нас не судят. И даже трудно предположить подобный процесс. Хотя при желании какой-то неофициальный суд — так сказать, суд истории — с участием опытных юристов, общественности вполне возможен. И если бы он состоялся, то, наверное, главным бы его выводом была мысль о том, что никаких тайных злодеяний в жизни не существует. И как бы ни пытались содеявшие их упрятать правду под спуд, замести следы, рано или поздно сокрытое становится явным.

Людей или даже человечество еще можно одурачить, обвести. Историю же — никогда. Вот о чем не следует забывать никому...

Федор ТЕРЕЩЕНКО,
участник гражданской войны
Юлий САФОНОВ, журналист

«ОДНА НЕПРАВДА НАМ В УБЫТОК...»

Интервью генерал-полковника в отставке А. С. Желтова военному журналисту подполковнику Вячеславу Забродину

Желтов Алексей Сергеевич (родился в 1904 году в г. Харькове) — советский партийный и военный деятель, Герой Советского Союза, генерал-полковник (1944). В Советской Армии с 1924 года. Член КПСС с 1929 года. Окончил 2-ю Московскую пехотную школу (1927), Военную академию имени М. В. Фрунзе (1937) и Военно-политические курсы (1938). Служил на командных должностях. Был комиссаром дивизии, членом Военного совета ПриВО.

С сентября 1941 года — в действующей армии — член Военного совета Карельского фронта, 62-й армии, Донского, Юго-Западного, 3-го Украинского фронтов. После войны — член Военного совета ЦГВ и заместитель Верховного комиссара от СССР в союзнической комиссии по Австрии, член Военного совета ТуркВО. В 1951—1953 годах — начальник Главного управления кадров Советской Армии. С апреля 1953 года — начальник Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота, в 1958—1959 годах — заведующий отделом ЦК КПСС. С 1959 года — начальник Военно-политической академии имени В. И. Ленина. С 1971 года — в Группе генеральных инспекторов МО СССР, заместитель председателя Советского комитета ветеранов войны, а в 1981—1988 годах — его председатель. Депутат Верховного Совета СССР 2, 4 и 5-го созывов. Награжден шестью орденами Ленина. Делегат XX, XXII, XXIV, XXVII съездов КПСС, XIX Всесоюзной партконференции.

— Алексей Сергеевич, хотелось бы начать интервью с поздравления. Вам исполнилось 85 лет. Знаменателен и другой Ваш юбилей — 60 лет пребывания в рядах КПСС.

— Спасибо... Из 85 лет моей жизни 63 отдано службе в армии, в которую я пришел после шести лет работы на заводе. Добровольно, по комсомольской путевке. Пришел в 1924 году не случайно. Импуль-

сом к избранию профессии военного стала для меня тяжкая утрата советским народом Владимира Ильича Ленина. Решил в рядах армии защищать строительство социализма, защищать революцию. С той поры армия — судьба моя.

Итожа то, что прожил и видел, не могу не заметить: как и многие мои боевые товарищи, помню и героическое, и трагическое, наши великие победы и горькие разочарования. Все было на пути первопроходцев, который мы выбрали.

Осмысливая путь, что прошла страна, раскрывая белые пятна в истории нашего социалистического государства и партии, нельзя «играть в одни ворота», лишь только все негативное выдавая за правду, за истину в последней инстанции. В конечном итоге это ведь тоже полуправда. А помните, как сказал Александр Трифонович Твардовский: «Одна неправда нам в убыток...»

— А теперь несколько нескромный вопрос. Почему Вы не написали, скажем, мемуары, редко даете интервью?

— Скажу и о главной причине: не хотел, чтобы написанное мной «кромсали и резали». А в нашем недавнем прошлом это было обычное дело. Мемуары многих моих сослуживцев, в том числе и людей широко известных всей стране, очень трудно пробивали себе дорогу к массовому читателю. Даже Александру Михайловичу Василевскому, который был одним из прославленных полководцев Великой Отечественной, маршалом и дважды Героем Советского Союза, в прошлом занимал пост Министра Вооруженных Сил СССР, пришлось давать «новый ракурс» своим воспоминаниям. А некоторые главы у него вообще... признали непечатными.

Не торопясь писать воспоминания, я говорил своим товарищам: «Дорогие друзья, имейте в виду: всем, кто написал мемуары, в этой жизни вроде бы и делать уже нечего».

Правда, теперь настало время и мне оглянуться назад, осмыслить пройденный путь, рассказать о пережитом и памятном. Посмотрите, вот у окна на столе

десять папок. Систематизирую материалы своей будущей книги, к написанию которой приступил.

— Алексей Сергеевич, мы уже столько негативного, страшного знаем о периоде культа личности, что порой непонятно, как же тогда люди верили «отцу народов», не протестовали, не проявляли несогласия с его диктаторским единовластием, более того — даже боготворили. Задумывались, скажем, Вы лично до войны об ошибках Сталина, неправомерности его возвеличивания?

— Этот вопрос весьма сложен. Ведь только сегодня мы узнаем многое из того, что раньше хранилось за семью печатями. Хранилось даже после XX и XXII съездов КПСС.

Любые решения Сталина не только в предвоенные, но тем более и в военные годы людьми моего поколения воспринимались как решения, идущие от ЦК ВКП(б). Полагали, что с высоты ЦК многие вопросы просматриваются углубленно. И у моих сослуживцев не было сомнений, подозрений, недоверия. Ведь это сейчас все очень умные, когда судят о событиях тех лет с позиций и информированности дня сегодняшнего, когда многое известно о преступлениях Ягоды, Ежова, Берия, Кагановича, Жданова, Молотова, самого Сталина. Но, поймите, мы-то жили в то время в той конкретной обстановке. Сталин был авторитетом в стране, в международном коммунистическом движении. И держался его авторитет не только на страхе, как многие пытаются сейчас утверждать. В этом человеке люди моего поколения видели продолжателя дела Ленина.

Вы, скажем, из истории знаете, как уважали мы, коммунисты, как любил простой народ С. М. Кирова. Он навсегда останется в памяти советских людей как коммунист-ленинец. Так вот, в 1934 году Сергей Миронович писал в своей брошюре «Сталин — великий организатор побед рабочего класса» следующее: «Трудно представить себе фигуру гиганта, каким является Сталин. ...Мы не знаем ни одного поворота в нашей работе, ни одного сколько-нибудь крупного начинания,

лозунга, направления в нашей политике, автором которого был бы не т. Сталин, а кто-нибудь другой. Вся основная работа, — это должна знать партия, — проходит по указаниям, инициативе и под руководством т. Сталина». Что, не верить Кирову, честнейшему работнику партии? Подобное, только еще более восторженно, людям моего поколения не говорили, а фактически внушали те же Н. И. Бухарин, Г. Е. Зиновьев, К. Б. Радек, другие будущие жертвы чудовищных обвинений и жестоких репрессий. Причем, заметьте, задолго до арестов, когда они еще пользовались авторитетом в партии и их, как говорится, никто силой за язык не тянул. А как порой самокритично и хлестко рассказывали они же о своих ошибках и заблуждениях с самых высоких трибун, тем самым массированно внедряя в сознание народа мысль о «непогрешимости» вождя. Обратите внимание: опять же — до массовых репрессий. Естественно, наперебой пели аллилуйю и его верные соратники — К. Е. Ворошилов, В. М. Молотов, Л. П. Берия, Л. М. Каганович, А. И. Микоян и другие. От этих внушений потом не так-то просто было избавиться. Даже сегодня все еще находятся люди, желающие приписать И. В. Сталину все наши успехи в годы первых пятилеток, победу в Великой Отечественной войне, послевоенное восстановление страны. Их мнение: «Мы выстояли, победили благодаря Сталину». Это с одной стороны. С другой же — есть те, кто вполне серьезно говорит о нем как об... агенте царской охранки, маньяке, параноике, расисте и т. д. Их платформа: «Мы выстояли и победили вопреки Сталину». Думаю, что оба эти «объяснения» только уводят нас от правдивого, действительно научного проникновения в глубины недавней истории нашего социалистического государства. Более того, многое упрощают, даже оглупляют нас. Сталин ведь не родился злодеем, простите, в утробе матери (именно такое сравнение невольно возникает после прочтения сенсационных статей некоторых наших известных писателей и журналистов). Чтобы серьезно разобраться в прошлом, сделать правильные выводы для дня сегодняшнего и не повторить трагических ошибок в будущем, необходимо беспристрастно, объективно исследовать почву, механизм возникновения культа лич-

ности. Причем не вообще, а конкретно в нашем социалистическом обществе, конкретно в партии. Нам нужна правда, вся правда, какой бы горькой она ни была. Массы должны, как подчеркивал В. И. Ленин, все знать и обо всем судить сознательно. Только тогда мы сможем наконец-то создать государственно-правовой механизм, исключающий рецидивы авторитарных форм правления — культа личности, волюнтаризма, застоя.

— Как известно, репрессии коснулись не только Бухарина, Радека, Тухачевского, Якира, других видных партийных, хозяйственных, военных руководителей. Они распространились по всем областям, краям и республикам, унося из жизни или из нормальных условий существования десятки, сотни тысяч ни в чем не повинных людей. Вы лично сталкивались в тот период с сотрудниками НКВД? Как именно в те годы сами воспринимали репрессии, что думали о них?

— С представителями НКВД мне действительно приходилось сталкиваться. К тому же первый раз еще и до тридцать седьмого года. В 1932 году, когда я был начальником школы младших командиров в 53-м Укрепрайоне на Днестре, в школе случилось несчастье: утонул во время купания один из моих курсантов. Причем все это произошло в воскресный день. Когда разобрались с данным случаем, командование, партийная организация ко мне претензий не предъявили. Тем не менее, видно, был сигнал из особого отдела, так как вскоре меня вызвали в трибунал 17-го стрелкового корпуса. Судили-рядили и в конце концов, не найдя состава преступления, приняли решение: дали условно годичный срок испытания. То есть если в течение года в школе не произойдет ЧП, то прежнее обвинение и все «подозрения» с меня будут полностью сняты. ЧП за этот срок не произошло. Но с тех пор у меня начала проступать седина на висках.

Памятен, конечно, и трагический 1937 год. В то время после окончания Военной академии имени М. В. Фрунзе я, строевой командир, решением ЦК ВКП(б) был назначен комиссаром 24-й Самаро-Уль-

яновской дважды Краснознаменной Железной стрелковой дивизии.

Штаб дивизии располагался в Виннице. Ехал в нее с наказом: «Возродить былую славу соединения, прославившегося в боях гражданской войны». Был ориентирован, что и Наркомат обороны предпримет конкретные меры в этом плане (что вылилось затем в передислокацию дивизии в Ленинград).

Обстановка в Железной в то время складывалась непростая. Командир дивизии Козлов, командир 274-го полка были репрессированы. На партийных активах частей, как я сразу увидел, коммунисты «перемывали» родословные друг друга с позиций: «Не враг ли?» Командный состав в растерянности, в ожидании, кого следующего будут брать. Многие красноармейцы в служебное время занимались совершенно посторонними делами, даже находились вне расположения частей и подразделений. Все это было следствием подозрительности, недоверия, непонятного исчезновения людей из частей.

О масштабах репрессий мы не знали, о пытках в ежовских застенках — и не слышали. Считали, что если по мере строительства социализма классовая борьба (тогда в этом выводе никто не сомневался) усиливается, значит, враги в стране еще есть. Естественно, где-то там, далеко, не у нас же в дивизии. А если и будут в этой борьбе перегибы, то ЦК обязательно разберется. А тут действительно в январе 1938 года состоялся Пленум ЦК ВКП(б), обсудивший вопрос «Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии, о формально-бюрократическом отношении к апелляциям исключенных из ВКП(б) и о мерах по устранению этих недостатков». Постановление его публиковалось в печати. Вот что, к примеру, мы узнали из газеты «Правда» за 19 января 1938 года: «...некоторые наши партийные руководители вообще стараются мыслить десятками тысяч, не заботясь о «единицах», об отдельных членах партии, об их судьбе. Исключить из партии тысячи и десятки тысяч людей они считают пустяковым делом... Известно немало фактов, когда партийные организации без всякой проверки и, следовательно, необоснованно исключают коммунистов из партии, лишают их работы, не-

редко даже объявляют без всяких к тому оснований врагами народа, чинят беззакония и произвол над членами партии. ...Бывший секретарь Киевского обкома КП(б) У... Кудрявцев на партийных собраниях неизменно обращался к выступившим коммунистам с провокационным вопросом: «А вы написали хоть на кого-нибудь заявление?» В результате этой провокации в Киеве были поданы политически компрометирующие заявления почти на половину членов городской парторганизации, причем большинство заявлений оказалось явно неправильным и даже провокационным». Сообщалось одновременно и вот о чем: ЦК КП(б) Азербайджана на заседании 5 ноября 1937 года механически подтвердил исключение из партии 279 человек; Сталинградский обком 26 ноября утвердил исключение 69 человек; Новосибирский обком 28 ноября механически подтвердил решения райкомов ВКП(б) об исключении из партии 72 человек. В Орджоникидзевской краевой партийной организации партколлегия КПК при ЦК ВКП(б) уже отменила как неправильные и совершенно необоснованные решения об исключении из партии 101 коммуниста из 160, подавших апелляции; по Новосибирской парторганизации таким же образом пришлось отменить 51 решение из 80; по Ростовской — 43 из 66; по Саратовской — 80 из 134 и т. д. и т. п. В постановлении январского Пленума ЦК ВКП(б) 1938 года были названы 10 пунктов конкретных требований Центрального Комитета, направленных на срочное исправление сложившегося положения, восстановление справедливости, наказание лиц, виновных в клевете на честных членов партии.

Неудивительно, что решения Пленума, а потом и XVIII съезда ВКП(б) мы тогда, конечно, многого не зная, воспринимали как пример внимания партии к судьбам людей. Тем более что в рядах ВКП(б) были восстановлены в 1938 году 77 тысяч, в 1939 — около 65 тысяч человек. Потом были осуждены Военной коллегией Верховного суда СССР и расстреляны Н. И. Ежов, М. П. Фриновский, З. М. Ушаков, В. С. Агас и другие лица, принимавшие участие в расследовании дела так называемой «антисоветской троцкистской военной организации». Причем было сообщено, что их самих судили за принадлежность к анти-

советской организации в органах НКВД, незаконные аресты и истребление честных и преданных партии людей. Видите, как все было непросто. Кто знал, что Сталин заметает следы, сваливая всю вину за репрессии на органы НКВД? Разве могли мы тогда даже предполагать, что, скажем, на письменном заявлении (перед судом) И. Э. Якира к И. В. Сталину было написано: «Подлец и проститутка. И. Ст.» «Совершенно точное определение. К. Ворошилов и Молотов». «Мерзавцу, сволочи и б... одна кара — смертная казнь. Л. Каганович»? Разве знали, что в июле 1938 года Ежов направил Сталину список на 138 человек, подлежащих суду Военной коллегии по первой категории, и на нем сразу же появилась резолюция: «За расстрел всех 138 человек. И. Ст. В. Молотов»? Все это станет известно только спустя десятилетия.

Не забыть и такой ситуации. В начале Великой Отечественной, когда я был членом Военного совета Карельского фронта, мне пришлось встретиться с лицами, осужденными еще до войны за нарушение Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 года «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений». Немало их отбывало срок в Заполярье и Карелии.

Шли непрерывные, жестокие приграничные бои с немцами и финнами. У нас были потери, в частях — большой некомплект людей. А тут при эвакуации населения из прифронтовой зоны командиры соединений и частей стали натыкаться на поселения. Лесорубы. Оказывается, за мелкие грехи отбывают ссылку. Так вот, многие из них со слезами на глазах просились на фронт, некоторые даже требовали дать им оружие для защиты Родины. В итоге — оказывались в рядах наших частей и подразделений. Но как «узаконить» принятие такого пополнения? Сделать это мне удалось в разговоре с начальником Генерального штаба Маршалом Советского Союза Б. М. Шапошниковым.

В ноябре 1941 года во время разговора по ВЧ я попросил его помочь фронту свежими частями, маршевым пополнением и оружием. Борис Михайлович ответил:

— Потерпите, не до вас. Москва, Ленинград все забирают.

Тут я и вставил фразу:

— На месте мы стараемся всех брать, способных воевать. Иногда даже тех, кто за НКВД числится...

— Правильно делаете. Берите, берите, голубчик. А мы вам тоже постараемся помочь. Дайте время...

— Все-таки давайте еще раз вернемся к событиям 1937—1939 годов, а точнее, к вопросу о репрессиях в Красной Армии. Сейчас средства массовой информации так много и подробно сообщают об уничтожении в то время цвета нашего командно-политического состава, десятках и даже сотнях тысяч репрессированных военнослужащих, что порой просто трудно понять, как же это люди Вашего поколения не заметили... таких невосполнимых потерь в армии? Ведь, судя по некоторым публикациям, уничтожались практически все грамотные, честные командиры и политработники. По крайней мере, такое теперь складывается впечатление.

— Частично я на этот вопрос уже ответил. Однако вы правы, он требует некоторых пояснений.

Сейчас действительно писатели, публицисты, некоторые историки, часто вообще не утруждая себя ссылками на архивные источники, конкретные документы, создают столь мрачную картину «тотального избиения» всех командных и политических кадров армии и флота в тот период, что невольно спрашиваешь себя: «А как же тогда мы не увидели, что идет такое поголовное истребление наших товарищей? Почему не арестовали, скажем, меня, не репрессировали многих моих сослуживцев (а их сотни), которые потом храбро и умело воевали в годы битвы с фашизмом? Мы что, не проявляли самостоятельности, были ничего не значащими винтиками, затаились, потеряли честь? Почему же нас, образно говоря, Сталин и его окружение оставили тогда в покое?»

А произошло это потому, что тогда не подвергали

репрессиям не только меня — Желтова, сотни командиров, которых я знал лично, но и десятки тысяч, которых я не знал, но которые служили. И, замечу, продолжали служить не за страх, а за совесть.

И. В. Сталин, В. М. Молотов, Л. М. Каганович, Н. И. Ежов, К. Е. Ворошилов, Л. П. Берия, как теперь уже однозначно доказано, совершали преступления, которые нельзя оправдать ничем, история вынесла им свой приговор. Бесспорно и то, что именно они спровоцировали репрессии в Красной Армии, а затем и дирижировали ими. Сколько было репрессировано маршалов, командармов 1 ранга, командармов 2 ранга, комкоров и комдивов, армейских, корпусных, дивизионных комиссаров, мы в общем-то знаем. Цифры, хоть и с некоторыми расхождениями, публиковались и в 60-е годы, и после 85-го. Они близки к действительности. Это правда, горькая, пусть трагическая, но правда. Теперь необходимо так же честно сказать, ничего не «прибавляя в духе времени», но и ничего не утаивая: а сколько вообще военнослужащих, входящих в категорию командно-политического состава, было уничтожено тогда? Вот тут-то и начинаются интересные манипуляции цифрами. Причем совершенно непонятно, для какой цели. Ведь если мы перестраиваемся, то необходимо везде, а в таком деле особенно, доходить до истины, как учит партия — возвращаться к правде. Но что получается? Всеми уважаемая газета «Социалистическая индустрия» 14 мая 1988 года вдруг сообщает своим многочисленным читателям с помощью никому не известного ранее автора из Ворошиловграда сенсационную новость: «Только военных, как говорил в свое время маршал Р. Я. Малиновский, в предвоенные годы было репрессировано более 300 тысяч человек. Красная Армия, по существу, осталась без командного состава». Эту цифру сразу подхватили, использовали другие издания. Да чушь это, глупость! Никогда такого не мог сказать не только Родион Яковлевич Малиновский, которого я прекрасно знал: с ним мы вместе воевали, служили, но и любой мало-мальски грамотный в военном отношении человек. Ведь численность командного состава Красной Армии в 1937—1938 годах составляла всего... 130—140 тысяч человек.

Через некоторое время в центральной прессе, видимо, поняли, что данная цифирь взята с потолка. Многие газеты и журналы стали указывать цифру 40—44 тысячи. Но с ней опять же начали происходить непонятные «превращения». Сначала цитировали Ворошилова, который на заседании Военного совета при Наркоме обороны СССР 29 ноября 1938 года заявил: «...весь 1937 и 1938 годы мы должны были беспощадно чистить свои ряды, безжалостно отсекая зараженные части организма до живого, здорового мяса, очищались от мерзостной предательской гнили... Достаточно сказать, что за все время мы вычистили больше 4 десятков тысяч человек. Эта цифра внушительна...» Потом, не затрудняя себя анализом, стали писать: «...репрессировано 40 тысяч». Теперь просто заявляют: «...истребили 40 тысяч лиц командного состава, расстреляли сорок тысяч». Кому верить?

16—17 февраля 1989 года я был участником научно-практической конференции по теме «Документы государственного архивного фонда СССР об укреплении обороноспособности страны накануне Великой Отечественной войны советского народа 1941—1945 годов». Организаторами ее были: Главное архивное управление при Совете Министров СССР, правление Всесоюзного общества «Знание», Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Институт военной истории МО СССР, Центральный государственный архив Советской Армии, Советский комитет ветеранов войны. К ней готовились очень серьезно.

Естественно, на конференции был поднят вопрос и о репрессиях в Красной Армии. Приводились и цитировались интереснейшие архивные документы. Остановлюсь лишь на некоторых, которые зафиксированы в стенограмме конференции. Один из них — «Отчет о работе управления по начальствующему составу РККА за 1939 год». Он был подписан заместителем Наркома обороны по кадрам Е. А. Щаденко 5.05.1940 года и адресован Сталину, Молотову, Ворошилову и Берия. В этом отчете имеется раздел одиннадцатый, озаглавленный: «Очистка армии и пересмотр уволенных (без ВВС)». Общая цифра уволенных и исключенных из списков Красной Армии за 1937, 1938 и 1939 годы составляет около 37 тысяч человек (36 898). Она

включает в себя данные об уволенных по следующим мотивам:

а) арестованных;

б) уволенных во исполнение решения ЦК ВКП(б) от 29.03.1937 г.;

в) уволенных по директиве НКО СССР от 24.06.1938 г. (поляки, немцы, латыши, литовцы, финны, эстонцы и др. — уроженцы заграницы и связанные с ней);

г) уволенных по политико-моральным причинам (пьяницы, морально разложившиеся, расхитители народного достояния);

д) исключенных за смертью, по инвалидности и по болезни.

Из общего числа уволенных из РККА по причине ареста — примерно четвертая часть (9579 человек).

Судя по отчету, а мало вероятно, что кто-либо тогда осмелился бы дать Сталину «липовые» справки, количество арестованных в 1937 году составляло 3,1 процента от численности комсостава, в 1938 году — 2,8 процента, а в 1939 году — 0,03 процента.

В том же отчете, как подчеркивалось на данной научно-практической конференции, генерал Щаденко, — а он сам приложил руку к усилению репрессий, — вынужденно признавал: «В общем числе уволенных командиров... было большое количество арестовано и уволено несправедливо. Поэтому много поступало жалоб в Наркомат обороны, в ЦК ВКП(б) и на имя товарища Сталина. В августе 1938 года была создана специальная комиссия для разбора жалоб уволенных командиров, которая тщательно проверяла материалы уволенных путем личного вызова их, выезда на места работников управления, запросов парторганизаций, отдельных коммунистов и командиров, знающих уволенных, через органы НКВД и т. д. Комиссией было рассмотрено около 30 тыс. жалоб, ходатайств и заявлений».

Читателям, думается, небезынтересно знать и следующую статистику. В результате пересмотра дел на 1.01.1940 года в кадры армии возвращено 11 178 командиров, в том числе 10 700 — из числа уволенных по политическим мотивам. Отказано в восстановлении 4365 человекам, из них изменена статья увольнения—

2416 человекам. В том же документе (от 5.05.1940 г.) сказано, что на 1.05.1940 г. восстановлен 12 461 человек.

Судя же по еще одной справке от 15.06.1941 г., подготовленной для Сталина, к 1.01.1941 г. возвращено в кадры армии свыше 13 000 человек, то есть около 45 процентов офицеров, ранее уволенных по политическим мотивам. К 1.01.1941 г. остались уволенными по этим соображениям около 16 тысяч человек, а с учетом 2416, которым ранее были изменены статьи увольнения, — менее 14 тысяч человек. Из них арестованных от 6 до 8 тысяч (в отношении 2 тысяч офицеров, восстановленных в 1940 году, не указаны причины их увольнения). Повторяю, все данные я привел по стенограмме конференции.

Из высшего офицерского состава — и это надо отметить — снова в строй вернулись немногие, репрессии в первую очередь обрушились именно на них. Так, среди членов ЦИК СССР, избранных на VII Всесоюзном съезде Советов, было 36 видных военачальников и армейских политработников. Из них в 1937 году 30 человек объявили «врагами народа». Из 108 членов Военного совета при Наркоме обороны СССР к ноябрю 1938 года (то есть к известному выступлению Ворошилова) от прежнего состава осталось лишь 10 человек. По обвинению же в участии в «военном заговоре» 1937—1938 годов было арестовано 408 человек руководящего и начальствующего состава РККА и ВМФ, прошедших через суд Военной коллегии Верховного суда СССР (401 были приговорены к расстрелу).

На 1.01.1941 года в РККА находилось 580 тысяч офицеров. К началу войны их стало 680 тысяч, так как по приказу Наркома обороны от 14.05.1941 года было выпущено из военно-учебных заведений и направлено в войска еще 100 тысяч офицеров. То есть к 22 июня 1941 года офицеров у нас было в 4—5 раз больше, чем в 1938 году. Подавляющее большинство из них о репрессиях в РККА знало мало, так как не представляло себе масштабов этой трагедии, очень многие верили, что в конце концов справедливость была восстановлена. Дескать, НКВД не выпустил только врагов...

— Как фронтовику, Вам, конечно, никогда не забыть 1941 год. Что было для Вас главным в то время? Чему пришлось учиться в первые месяцы войны?

— Главное было — познать войну воочию (я ведь не участвовал в гражданской и финской), суметь применить с пользой для обороны страны знания, войсковой опыт.

Вместе с командующим Карельским фронтом В. А. Фроловым, начальником штаба Л. С. Сквирским, начальником политуправления А. Г. Румянцевым, командующим ВВС Т. Т. Хрюкиным, другими товарищами я, как член Военного совета, сразу принял активное участие в организации фронтового управления, в руководстве боевыми действиями. На тысячекилометровом рубеже обороны нашему фронту уже летом 41-го удалось сорвать планы немецко-фашистского командования «через пять дней после перехода границы пить чай в Мурманске», в ожесточенных боях одного из самых трагических периодов Великой Отечественной (июнь — декабрь 1941 года) отстоять советское Заполярье и Карелию, оказывая тем самым неоценимую помощь защитникам Ленинграда и Москвы.

Чему я учился? Прежде всего хорошо изучал особенности этого театра военных действий, накапливал опыт ведения партийно-политической работы во фронтовых условиях, лучшей заботы о людях и в довольно-таки суровом климате Заполярья и Карелии, старался узнать слабые и сильные стороны противника, брал на вооружение природную смекалку рядового солдата и т. д.

Как я уже сказал, на Карельском фронте в непрерывных боях мы изматывали и перемалывали значительные силы противника. Тут я немного отвлекусь и замечу: сейчас все больше пишут о наших отступлениях и окружениях. А надо бы вспоминать и о тех, кто крепко держал оборону. Как и десяткам тысяч солдат и офицеров ряда фронтов и армий, мне, например, не пришлось отступать ни в Карелии, ни потом под Сталинградом, ни на Курской дуге.

В Карелии наши войска буквально вгрызались в каменный грунт. Из земли, камня, дерева, а затем из

снега и льда были созданы огневые позиции, КНП, блиндажи, всевозможные укрытия. Немцы и финны вынуждены были идти в лобовые атаки, так как эти позиции не обойдешь: кругом озера и непроходимые болота. Они пытались любой ценой прорвать нашу оборону на разных участках. Ничего у них не вышло.

Военный совет Карельского фронта много делал и для развития партизанского движения во временно захваченных немцами приграничных районах. Помогали партизанам оружием, средствами связи, обмундированием, продуктами. Я тогда, помню, встречался и с Ю. В. Андроповым, который еще в 1940 году был избран первым секретарем ЦК ЛКСМ Карелии. Не раз убеждался, что Юрий Владимирович хороший организатор, человек мужественный, принципиальный, исключительно честный. Заметно было: он пользуется большим авторитетом у молодежи, местного населения, партийных работников республики.

Подчеркну: даже в 1941 году мы не забыли о ведении спецпропаганды на войска противника. Уже в октябре политуправление фронта провело по этому поводу специальное совещание. В нем кроме членов Военного совета фронта, политуправленцев приняли участие такие известные коммунисты-интернационалисты, как О. В. Куусинен, А. П. Таймп, другие товарищи. Объективно проанализировали политико-моральное состояние немецких и финских войск. Приняли решение специально для солдат финской армии издавать газету «Голос солдата» на финском языке (редактировать ее стал бывший ректор Петрозаводского университета Т. И. Лехену). Здесь же обсудили вопросы содержания и ведения радиопередач на финском, немецком и норвежском языках.

— А как Вы, Алексей Сергеевич, с высоты своего фронтового опыта, прожитых лет относитесь к приказу Народного комиссара обороны № 227 («Ни шагу назад!») от 28 июля 1942 года, о котором сейчас столько споров? Прежде всего — о его оправданности, целесообразности.

— Начну с примера. В мае 1942 года неудачей окончилось наше наступление южнее Харькова. В

плену оказалось 240 тысяч советских солдат и офицеров. Немцы, завладев стратегической инициативой, решили с ходу прорваться в нефтяные районы Кавказа и плодородные земли Дона, Кубани, нижней Волги. На сталинградское направление Гитлер бросил свежую 6-ю полевую армию генерал-полковника Ф. Паулюса — около 270 тысяч солдат и офицеров, почти 500 танков, 3 тысячи орудий и минометов, 1200 боевых самолетов. Вся эта громада обрушилась на измотанные в боях, фактически деморализованные тяжелым поражением «остатки» Юго-Западного фронта (командующий Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко, член Военного совета Н. С. Хрущев). Началось отступление.

На сталинградское направление Ставка ВГК срочно выдвинула из своего резерва три армии: 62-ю — командующий В. И. Чуйков, 64-ю — командующий М. С. Шумилов. Членом Военного совета 63-й был назначен я. Армии была поставлена задача: прикрыть 300-километровый участок среднего Дона от Павловска до Вешенской. Здесь я и встретился с товарищами Тимошенко и Хрущевым. Оба оказались в явно подавленном настроении (Хрущев был одним из немногих, кто пытался убедить Сталина, других членов Ставки отвести войска на восток, когда становилось ясно, что наступление под Харьковом проваливается. К нему не прислушались). Тем не менее Семен Константинович и Никита Сергеевич ознакомили меня с направлениями вывода отступающих войск фронта на левый берег Дона. И посоветовали нам:

— Ведите свои соединения для занятия обороны так, чтобы они не встречались с отходящими частями нашего фронта...

Так мы с командующим армией генералом Василием Ивановичем Кузнецовым и поступили. Но сам я наблюдал этот «отход». Конечно, некоторые соединения, скажем 21-я армия и конно-механизированная группа, отступали организованно. Однако на урюпинском направлении я наблюдал и панику. Здесь тылы, особенно авиации, в буквальном смысле слова панически удирали от противника — смешались в кучу машины, кони, люди. Стон, крики раненых, плач. Пани-

керами распространялись ложные слухи. Даже драки за место в повозке, за проезд, за дорогу имели место. Пытаюсь останавливать людей, выяснить обстановку — ничего не знают, а твердят: вот-вот появятся немецкие танки — 50, 100, 200, что их нельзя удержать...

К чему я об этом рассказал? Вот какая сложная была тогда обстановка. А приказ № 227 был подписан Народным комиссаром обороны СССР 28 июля 1942 года, когда она еще более ухудшилась. Немцы фактически прорвались к Волге. Что толку в той обстановке было разводить разговоры: вот, мол, если бы накануне войны лучше готовились, меньше репрессировали, производили большее количество танков и самолетов и т. д.? Что толку было кивать на Ворошилова и Буденного, Берия или самого Сталина? В 1942 году об этом было говорить поздно. И только действия решительные, пусть даже жестокие, могли спасти Родину! И еще полная, неприукрашенная, какая есть, правда, открыто сказанная всей армии да и, по существу, всему народу! В той обстановке, на мой взгляд, приказ № 227 был оправдан и необходим. Он был доведен до каждого бойца и командира и прежде всего вселил в людей не страх, а веру в то, что мы можем победить и должны победить. Подавляющее большинство защитников Сталинграда считало его правильным и своевременным. Это тоже был морально-политический резерв Ставки ВГК.

Некоторые писатели, публицисты, историки сейчас давят на психику людей, с негодованием восклицают: «Как же так, ввели в Советской Армии штрафные батальоны, заградотряды, узаконили расстрел за отступление без приказа и дезертирство!» Но ведь эти же меры в годы войны ввели не только у нас. Почему-то об этом некоторые товарищи вспоминать не хотят! А ведь это опять полуправда.

Правда же заключается в том, что не было тогда и не могло быть в той конкретно сложившейся обстановке какого-то гуманного способа, который бы позволил образумить трусов, паникеров и дезертиров, остановить отходы частей и подразделений без приказа, ликвидировать пораженческие настроения.

— Многие склонны считать, что Верховному мог возражать только Г. К. Жуков, никто иной. А К. К. Рокоссовский, Р. Я. Малиновский, Ф. И. Толбухин? Они отваживались, к примеру, смело высказывать свое мнение, пытались отстаивать его, если понимали, что оно противоречит точке зрения, даже решению Сталина. Ведь на войне за принятыми решениями — тысячи, сотни тысяч жизней и смертей.

— Вот вы сводите вопрос к возражениям. Но дело-то не в возражениях. А в том, что решения на проведение крупных операций в годы войны принимались не только по воле Сталина, хоть он был и Верховным Главнокомандующим и Наркомом обороны. По порядку, им заведенному, Генштаб дважды в сутки докладывал ему карту обстановки на фронтах с краткой пояснительной запиской. Он был постоянно в курсе событий. Рождение замыслов и выработка решений—это процесс, в котором заглавную роль играли Генеральный штаб, руководство фронтов и представители Ставки, которые осуществляли связь с войсками, участвовали в выработке решений и координировали их боевую деятельность. Ответственность руководителей за судьбы подчиненных обязывала их выражать свое мнение. И это были не возражения Сталину, а процесс осмысления того, что необходимо делать в той или иной обстановке. Приведу конкретные факты.

Готовилось контрнаступление под Сталинградом. В Сухой Балке (это под Ивановкой в районе Сталинграда) в присутствии Г. М. Маленкова представитель Ставки Верховного Главнокомандования Г. К. Жуков вручил мне предписание о назначении меня членом Военного совета вновь создаваемого решением Ставки от 22 октября 1942 года Юго-Западного фронта для предстоящего контрнаступления в Сталинградском сражении.

К нам на усиление должна была подойти танковая армия, которую в ходе наступления мы планировали использовать в первом эшелоне. А уже 3 ноября звонок по ВЧ. Командующий фронтом генерал-лейтенант

Н. Ф. Ватутин берет трубку. На проводе Сталин. Спрашивает:

— Готовы ли вы к наступлению?

Я стою рядом с Николаем Федоровичем, по лицу вижу: он немного растерялся, но докладывает о неготовности, так как танковая армия еще не пришла.

— А как скоро будете готовы?

— Дня через три, товарищ Сталин... — ответил на этот вопрос Ватутин.

Разговариваем после неожиданного звонка. По-видимому, Верховный хотел приурочить контрнаступление к 25-й годовщине Великого Октября и сказать о нем в докладе на торжественном собрании, удивить весь мир нашими успехами, которые могли уже быть к 7 Ноября.

Через три дня снова звонит Ватутину. А мы наступать не можем: на железнодорожной станции только голова танковой армии показалась, первый эшелон разгружают. Командующий так и доложил. Сталин говорит:

— Ладно, разберемся без вас. Позовите Воронова...

Представитель Ставки ВГК генерал Н. Н. Воронов был в то время у нас. Сказал Верховному то же самое, только подробно обрисовал обстановку. И, как вы знаете, наступление под Сталинградом началось 19 ноября 1942 года.

А перед Курской битвой?! К. К. Рокоссовский внес предложение сначала измотать фашистов в оборонительных боях, а потом перейти в контрнаступление. Причем отстаивал свою точку зрения. В результате Сталин, члены Ставки ВГК с ним согласились, хотя были и другие варианты.

Замечу: даже мне приходилось, как вы говорите, возражать, а на самом деле — просить Верховного в последний момент усилить наш фронт резервами при проведении Ясско-Кишиневской операции. Как раз за месяц до ее начала в июле 1944 года Ставка вызвала в Москву Ф. И. Толбухина и меня от 3-го Украинского фронта, а Р. Я. Малиновского и И. З. Сусайкова — от 2-го Украинского. Сталин при нас — естественно, были представители Ставки и Генштаба — разбирал план операции. Присутствовали также Молотов, Калинин, Каганович, другие члены и кандидаты в чле-

ны Политбюро ВКП(б). Он выслушал мнения, замечания, возражения командующих, разрешил спорные вопросы. Почти все уже было согласовано, когда я попросил слова и сказал (Федор Иванович Толбухин почему-то упустил один момент):

— Товарищ Сталин, у нашего фронта может не хватить танков и авиации...

В итоге Верховный забрал у 2-го Украинского фронта и передал нам, насколько я помню, два корпуса — танковый и авиационный.

После утверждения плана операции Сталин неожиданно отозвал Толбухина и меня в сторону и порекомендовал:

— В связи с предстоящим выходом войск 3-го Украинского фронта на границу с Болгарией вам необходимо встретиться и побеседовать с товарищем Георгием Димитровым...

А вот вам пример, показывающий, как легко можно исказить правду. Во время Балатонской операции (январь 1945 года) нам крепко досталось от немцев. Они внезапно контратаковали нас отборными частями, в том числе и 6-й танковой армией войск СС. Фактически наш 3-й Украинский фронт был разрублен пополам, и фашисты вышли к Дунаю на участке Адон, Дунавече. Ведем тяжелейшие оборонительные бои, но нет гарантии, что нас не сбросят в воду. Толбухин, Неделин (командующий артиллерией фронта), Судец (командующий 17-й воздушной армией) и я пришли к единому мнению: все-таки надо держаться и не пытаться перейти на другой берег, так как это смерти подобно: накануне прошла по Дунаю шуга и все наплавные мосты снесла, переправочных средств для техники нет, для людей тоже мало.

Связывается с нами Сталин. Ведет с Толбухиным речь о том, что командование намерено делать в этой обстановке. Не возникает ли вопрос о переходе на другой берег? Федор Иванович говорит, что этого делать нельзя, так как технику придется бросить, часть людей погибнет при переправе, фронт развалится. Будем сражаться. Просим только помочь.

Сталин положил трубку. Через два часа мы получили шифровку о передаче нам из состава 2-го Ук-

раинского фронта 30-го стрелкового и 23-го танкового корпусов.

А что читаю сейчас? Дескать, Сталин тогда «набросился» на Толбухина:

— Вы что, товарищ командующий, решили уходить за Дунай, отступать? Что, хотите затянуть войну еще на шесть месяцев?..

Зачем же приписывать то, чего не было?

По данному вопросу, собственно, заканчивая его, разъясню. Встречал я в годы войны и больших начальников, которые боялись Сталина.

На одном из совещаний в Ставке, когда там обсуждался вопрос об улучшении заботы политорганов о личном составе частей и подразделений на фронте, меня поразило поведение Л. З. Мехлиса. Он докладывал Сталину, Молотову, Микояну, Щербакову об обнаруженных недостатках в этом плане. От волнения уронил пенсне, одно стекло разбилось, руки у него дрожали. Я тогда не понимал, почему он так напуган, как можно перед Сталиным так позориться, терять самообладание: чего бояться коммунисту, если он открыто признает ошибки и разъясняет, как будет их устранять. За Мехлиса мне было стыдно. Только через годы я понял, что тогда мы были молоды, дрожи в коленках не испытывали, а Мехлис знал вождя лучше нас, помнил аресты, расстрелы, в которых и сам участвовал.

— Из Ваших прежних ответов вытекает мысль о том, что при любых обстоятельствах коммунист, и особенно коммунист-руководитель, должен иметь свою, обоснованную точку зрения на тот или иной вопрос. А обязан ли он принимать ответственные решения и лично отвечать за них, если есть вполне законные и обоснованные причины, по которым руководитель может легко снять с себя подобную «привилегию»? Дескать, пусть в верхах решают, там виднее...

— Юридически, конечно, нет. Но ведь кроме инструкций, карьеры есть совесть. Есть, если ты настоящий коммунист, партийность не на словах, а на деле. Тогда не карьеристскими соображениями, а интереса-

ми Родины будет продиктовано поведение в конкретной обстановке. Сошлюсь на примеры из своего жизненного опыта.

...После победного мая 1945 года Австрия была разделена на четыре зоны оккупации: советскую, американскую, английскую и французскую. В соответствии с достигнутыми договоренностями (в целях осуществления ее денацификации, демилитаризации и демократизации) правительства четырех ведущих держав антигитлеровской коалиции создали союзническую комиссию по Австрии. С мая 1945 года по август 1950 года наряду с работой в войсках мне пришлось быть заместителем Верховного комиссара от СССР в этой комиссии и, по сути дела, постоянно практически участвовать в ее деятельности*.

Лето и осень сорок пятого ушли на организацию военных комендатур, оказание продовольственной и других видов помощи жителям Вены, создание временного австрийского правительства во главе со старейшим австрийским социал-демократом Реннером и местных органов власти. Затем началось непростое взаимодействие с союзниками в мирных условиях, когда Запад брал на вооружение политику «холодной войны».

Вот тогда-то и пришлось дважды под свою личную ответственность принимать очень непростые решения без санкции из Центра. Сначала, ввиду складывающихся обстоятельств и отсутствия Верховного комиссара, я без санкции Советского правительства и каких-либо полномочий заключил с австрийским правительством договор о передаче ему 600-миллионного займа в шиллингах. Меня маршал Булганин Николай Александрович, а он тогда являлся Министром Вооруженных Сил СССР, срочно вызывает в Москву. Понимаю, что разговор будет серьезный, но держусь спокойно, так как вины за собой не чувствую. Решение это в той ситуации, на мой взгляд, было единственно правильным.

---

* На протяжении этого пятилетнего периода Верховными комиссарами от СССР в союзнической комиссии по Австрии были маршал И. С. Конев, генералы В. В. Курасов, В. П. Свиридов.

Принял меня он сначала плохо, как говорится, с порога облил ушатом «холодной воды».

— Вы, товарищ Желтов, отдаете себе отчет в том, что делаете? Не задумывались о возможных последствиях? Короче, Сталин приказал разобраться, почему это генерал принимает такое решение без санкции правительства.

Началось разбирательство. Настоял, чтобы выслушали все мои доводы, обоснования. Выходило, я-то поступил правильно. Юридически оформили (грамотами) правомерность заключения мною такого договора от имени Советского правительства. Но, конечно, предупредили, чтобы впредь подобной самодеятельности не допускал.

Возвратился в Вену. Но рок что ли меня преследовал? По истечении некоторого времени возникает еще более сложная ситуация. Союзники без согласования с нашей стороной подготовили проект решения о сокращении вдвое «оккупационных расходов» правительства Австрии на содержание союзных войск на ее территории. Меня, как бывшего тогда на месте представителя СССР, поставили в известность только накануне его принятия. Надеялись, что никакого выбора у русских уже не останется и мы пойдем у них на поводу. А это для нас значило увеличение собственных расходов на содержание наших войск в Австрии. Что делать? Времени нет, обстановка накаляется, надо принимать решение, причем срочно.

Как могу, тяну время. Звоню в МИД СССР В. М. Молотову. На месте нет — отбыл за границу. А его заместитель Гусев мне и заявляет:

— Товарищ генерал, что такое, зачем такая спешка? Земля что ли у Вас под ногами горит? Лично я такую ответственность на себя брать не буду и Вам не советую. Подождите несколько дней.

— Да, горит, — говорю, уже не скрывая раздражения, и вешаю трубку.

Связываюсь с Министерством обороны; ответственные товарищи ведут разговор в духе «я не я и лошадь не моя». Что делать? Звонить Сталину? Во-первых, надо объяснить, почему я звоню именно ему, минуя все инстанции. Во-вторых, Сталин сразу вряд ли примет окончательное решение. Даст распоряжение

МИДу, потом министру финансов Звереву все тщательно просчитать и взвесить. А времени-то уже не остается. Мучительно думаю, что предпринять. Вижу опять только один выход — взять всю ответственность на себя. И несмотря на то что уже один раз за «подобную самостоятельность» был серьезно предупрежден, встречаюсь с союзниками и излагаю им... окончательное решение: согласие советская сторона даст, если наша квота «оккупационных расходов» будет сохранена в прежних размерах, так как именно СССР понес самые большие потери в войне, то есть снижение расходов должно быть произведено за счет квот США, Англии и Франции. Союзники вынуждены были согласиться с серьезностью данного довода, урезали только свои квоты.

Правда, в этот же день в большой шифровке, как сейчас помню, на девяти страницах, я изложил все обстоятельства принятия такого решения. В ответ, как и предвидел, приходит телеграмма — срочно прибыть для объяснений.

Снова самолет. Снова разбирательство за закрытыми дверями в министерских кабинетах. Оказалось, что ни Зверев, ни Хотенко (начальник финансового управления Министерства обороны), другие товарищи недостаточно вникли в суть моих действий, узрели в них «катастрофические последствия». Все навалились на меня у Булганина: дескать, генерал-полковник Желтов «наломал дров», своими необдуманными действиями добился лишь того, что теперь мы не сможем как следует обеспечивать (ни валютой, ни строительными материалами, ни продуктами и т. д.) наши войска, временно находящиеся на территории Австрии. Сами понимаете, очень тяжелое обвинение. В те годы это означало не только снятие с должности. Но я же уверен в своей правоте. Больше того, вижу, что обвиняющие меня люди или не знают моей шифровки или прочитали ее наспех. Попросил Николая Александровича Булганина только об одном — еще раз вернуться к этой шифровке и здесь же, в кабинете, разобрать ее. Через несколько минут мои «девять страниц» снова зачитали, проанализировали. Словом, кончилось дело тем, что я опять оказался прав. Ни одного шиллинга СССР из-за моих действий не потерял, а проявил и

в той обстановке медлительность, не возьми ответственность на себя — наша страна вопреки ранее достигнутым с союзниками соглашениям была бы втянута в новые расходы или был бы нанесен серьезный политический урон авторитету СССР. Собственно, этого тогда и добивались в союзнической комиссии по Австрии представители США, Англии и Франции.

Все обвинения с меня были сняты. Уже на месте получил правительственную телеграмму: «Генерал-полковнику А. С. Желтову. Вы действовали правильно. Решение подтверждаем. Сталин».

...Все это было тогда, в условиях жесткой административной системы. Сейчас же, думаю, в ходе перестройки как раз пришло время учиться смело брать ответственность на себя. Кстати, это можно даже оговорить в специальном законе, который в общем-то целесообразно принять на ближайшем Съезде народных депутатов СССР. Суть его проста: каждый союзный или республиканский законопроект и каждая поправка к нему должны иметь авторство, а авторы за свои проекты и предложения — держать ответ перед народом. Это правило хорошо бы распространить и на решение политических, экономических, экологических, оборонных, космических проблем. «Анонимной ответственности» быть при социализме не должно. А то вот мы сегодня все возмущаемся: поворачивали сибирские реки вспять, загубили Аральское море, не вовремя стали строить БАМ и т. д. А кто конкретно способствовал этому, принимал решения? Почему не называем фамилий? Вот такая-то «ответственность» и плодит безответственность, как ржавчина разъедает нравственные устои общества.

— Являясь начальником Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота, а затем и заведующим отделом ЦК КПСС, Вы непосредственно встречались и работали с Н. С. Хрущевым. Думается, читателям интересно узнать Ваше мнение о тогдашнем лидере партии и Советского государства, его слабых и сильных сторонах?

— Никиту Сергеевича Хрущева я всегда считал крупным партийным работником, широко известным

и авторитетным в СССР и за рубежом. В том, что это был человек решительный, мужественный, я убедился, когда был делегатом XX съезда партии, на котором он выступил с докладом, развенчавшим культ Сталина — человека, которому все мы верили десятилетия. Пойти на такой шаг было не просто, ибо это касалось и его непосредственного окружения, многие из которого на съезде находились, сидели не только в зале, а и в президиуме — рядом с Хрущевым. Да и пользовались они не эфемерной, а реальной властью. Подумайте, как нелегко и непросто это было сделать в то время, если только теперь, тридцать три года спустя, в период небывалой гласности обнародован тот самый доклад Никиты Сергеевича.

Хрущев после 1953 года стал как бы антиподом «отца народов». Он быстро рушил устоявшиеся представления о первом человеке в стране. Своей открытостью, доступностью широким массам, простотой во взаимоотношениях, многочисленными поездками по Союзу он закреплял и наращивал свой авторитет, который до начала 60-х годов был высок.

Именно при нем были сметены бериевские лагеря и сам Берия, решительно покончено с репрессиями, реабилитированы сотни тысяч жертв беззакония и произвола Сталина. Именно при нем началось массовое строительство благоустроенного жилья для рядовых граждан нашей страны, не раз прошло повышение зарплаты низкооплачиваемым категориям трудящихся, жителям деревень и сел были даны паспорта, а затем и назначены пенсии. То есть их наконец-то уравняли в правах с горожанами. При нем мы стали применять новые технологии, вышли на космическую орбиту. Уже тогда опробовалось то, что сегодня мы называем перестройкой. Н. С. Хрущев своими дружественными визитами в ведущие капиталистические страны смог после стольких лет «холодной войны», образно говоря, прорубить окно не только в Европу, но и в Америку. Посмотрите кинохронику, газеты тех лет, как восторженно встречали его во Франции, Англии, США.

Но, повторяю, самое ценное приобретение при нем — крупный шаг к реальной демократизации всей нашей жизни, в том числе и внутрипартийной. То были, как теперь говорят, «времена хрущевской оттепе-

ли». Правда, некоторые «демократические нововведения» Первого секретаря ЦК КПСС не могли нас, партийных работников, не озадачить, а порой даже шокировали. Вот, представьте себе, по очень важному вопросу собирается очередной Пленум Центрального Комитета партии. После бурных дебатов — голосование. На Пленуме масса приглашенных товарищей, естественно, без права голоса, так как они не являются членами и кандидатами в члены ЦК КПСС, членами Центральной ревизионной комиссии и т. д. Итак, те, кто непосредственно участвуют в работе Пленума, голосуют. Решение принято. И вдруг Никита Сергеевич эдак эмоционально, с усмешкой на лице обращается к массе приглашенных:

— Ну-ка, товарищи, а теперь давайте вы проголосуйте, все проголосуем. Кто «за» — поднимаем руки...

Или взять его широко разрекламированное участие в свадьбах именитых женихов и невест. Снисходительно-поощрительное отношение к обращениям типа: «...наш Никита, наш дорогой Никита» и т. д. В этих и во многих других случаях, мне кажется, было налицо не торжество демократии, а игра в нее, причем не самым лучшим образом.

Да, идей, новшеств, энергии у Никиты Сергеевича было, несмотря на возраст, предостаточно...

— Но ведь не только энергии, славных дел, но и ошибок у Н. С. Хрущева было столько, что хватило бы на целое поколение руководителей такого высокого ранга. И они, в общем-то, очень дорого обошлись нашему обществу.

— Власть, доверие народа, когда ими распоряжаются разумно, это хорошо. А когда властвующий теряет почву под ногами и считает, что он «и царь, и бог, и воинский начальник», что все ему дозволено, — это уже трагедия. Н. С. Хрущев, низвергнув с поднебесного пьедестала Сталина, осудив его культ, так и не смог отказаться от командно-административного стиля руководства. Слишком уверовав в свои силы и свой жизненный опыт, а этому бессовестно способствовала целая армия льстецов и подхалимов, он стал принимать волюнтаристские решения. На страницах газет и

толстых журналов сегодня нет-нет да и проскочит известное в свое время высказывание Мао Цзэдуна, знавшего Никиту Сергеевича не понаслышке: «Хрущев ходил на двух ногах: одна смело шагала в новую эпоху, а другая безвылазно застряла в тине прошлого». Кстати сказать, такое сравнение во многом подходит и к характеристике самого «великого кормчего».

Никита Сергеевич считал себя знатоком не только дел партийных, но и вопросов экономики, сельского хозяйства, культуры, оборонных проблем, международных отношений и т. д. и т. п. Но ведь так в жизни не бывает. Никакой государственный деятель не может быть... специалистом по всему комплексу проблем, стоящих перед государством. Важные государственные решения должны приниматься коллективно после тщательного, строго научного анализа всех «за» и «против» (в этом нас и сегодня убедили афганские события, когда в верхах было келейно принято решение о вводе советских войск в Афганистан; по сути дела, провалившаяся запретительно-нажимная антиалкогольная кампания). Хрущев же это как раз и игнорировал, действуя скоропалительно, необдуманно, с присущим ему упрямством. Бывало, рубил сплеча, да не там, где надо.

А его «лошадиная война»? Не знаю, как уж, но пришел он к выводу, что лошади позорят наш социалистический строй, нашу индустриальную мощь. Кормов поедают много. Забьем — нам же легче. Забили несколько миллионов лошадок. И не на чем стало крестьянину, скажем, несколько мешков картошки домой или на базар подвезти, подбросить к ферме немного сена. На тракторе, грузовике, конечно, можно. Только это в копеечку влетает. Опять прогорели. Рады бы вернуть лошадок, да где их взять?

Корова в хозяйстве тоже не нужна — пусть колхозники идут за молоком в магазин. Коров в колхозы сдали — молока не получили. Приусадебные участки посокращали, поурезали — опять же людям хуже стало. По инициативе Хрущева создали колхозы-гиганты с миллионными оборотами. А толку нет, ведь обобществили все и вся, что породило лишь еще большее отчуждение крестьян от средств производства и земли. Областные и краевые совнархозы, разделение обкомов

партии на промышленные и сельские, территориальный передел некоторых областей — все это возникало и отменялось при Хрущеве. Многие из его перечисленных инициатив не только не оправдали себя, но и были непонятны народу. Но в этих вопросах я, конечно, был менее сведущ тогда. Меня больше поражала легкость его отношения к сложным оборонным проблемам. Зачем нам авианосцы, крупные корабли, когда есть подводные лодки? Так считал Хрущёв. Вывод: надводный флот пустим на металлолом, разрежем корабли, как явно устаревшее вооружение. И начали резать. Зачем развивать стратегическую авиацию, если теперь есть межконтинентальные ракеты? Пустим — долетят, куда надо. Сократить армию, так это просто! Пусть кадровые офицеры пойдут в колхозы, совхозы, даже на плодоовощные базы. Дело доходило до того, что и Хрущев с высоких трибун, а за ним и средства массовой информации стали пропагандировать офицеров запаса, пошедших работать свинарями. Дескать, вот наконец-то они нашли настоящее мужское дело. Кадровые политработники и командиры, на подготовку которых страна затратила огромные средства, старательно увеличивали свинопоголовье. Разве это было разумно? Разве не подрывало авторитет нашего офицерского корпуса?

Сегодня я снова и снова мысленно возвращаюсь и к Карибскому кризису. Разместив ракеты на Кубе, Хрущев, как он выразился, «подложил под Америку ежа». Подложил властно, по существу мало с кем советуясь. Правда, мы не можем недооценить и того, что когда 28 октября 1962 года советско-американские отношения накалились до предела (по нашим разведывательным данным, Пентагон планировал бомбардировку советских стартовых площадок и других военных объектов 28 или 30 октября 1962 года), Хрущев опять же волевым решением быстро принял предложение Джона Кеннеди о выводе советских ракет с Кубы и передал свое решение открытым текстом по Московскому радио. Естественно, он сделал это только тогда, когда Советский Союз получил заверения от американской стороны, что та не будет предпринимать

агрессию против острова Свободы. Кубинцы в тот момент все-таки не верили обещаниям американцев, многие даже были против вывода нашего ядерного оружия с их территории. Однако время показало, что в общем-то иного способа предотвратить тогда возможную термоядерную войну между двумя великими державами не было.

— Алексей Сергеевич, на октябрьском (1964 г.) Пленуме ЦК КПСС Хрущев был смещен с поста Первого секретаря ЦК КПСС и Председателя Совета Министров СССР в результате хорошо продуманного и организованного заговора? Ведь именно о таком взгляде на тот Пленум можно судить по некоторым публикациям последнего времени. Неужели он так ошибался в людях, на которых рассчитывал, которых рекомендовал на высокие посты в партии и государстве?

— Я думаю, что дело было не в заговоре. Брежнев, Подгорный, Суслов, Игнатов, Шелепин — это ведь еще был не весь Центральный Комитет. В большинстве своем в него входили, о данном обстоятельстве мы почему-то сегодня забываем, люди честные, компетентные, по-партийному принципиальные, обладающие большим жизненным опытом. Если бы к октябрьскому (1964 г.) Пленуму ЦК КПСС у них сохранилась вера в Хрущева, если бы они не осознавали, к чему привели страну волюнтаризм и непредсказуемое экспериментаторство Первого, если бы не видели, что Хрущев не устоял перед соблазном самовосхваления, они бы не дали его сместить. Ведь так уже было в 1957 году, когда под влиянием Маленкова, Кагановича, Молотова Президиум ЦК КПСС попытался освободить Никиту Сергеевича от обязанностей Первого секретаря. Тогда как раз июньский Пленум ЦК и не поддержал заговорщиков. Более того — освободил от ответственнейших постов в партии как раз тех, кто пытался вернуть страну на «накатанные» сталинские рельсы.

Теперь все обстояло иначе. Перед ними был трижды Герой Социалистического Труда, получавший эти и другие высокие награды тогда, когда трудности в стране нарастали. Перед ними был не просто Первый

секретарь ЦК КПСС, а еще и Председатель Совета Министров СССР (а ведь раньше он осуждал Сталина за совмещение постов). И решали члены ЦК КПСС судьбу политического лидера, который много обещал народу, но из-за крупных ошибок, волюнтаризма так и не смог до конца выполнить своих обещаний. Не было у него уже того кредита доверия, что необходим лидеру партии и руководителю государства. Время Хрущева, как говорится, прошло.

Да, голосовали за смещение. Одни — чтобы исправить сложившееся положение, действительно повести страну вперед. И таких было большинство. Другие — чтобы зажить тихой и спокойной жизнью, без пугающих их реформ и преобразований. Все это, в общем-то, были люди, выдвинувшиеся в период «славного десятилетия».

Ошибок при подборе кадров конечно же было трудно избежать. Ведь в начале 50-х годов Брежнев, Суслов, Подгорный, другие товарищи еще не успели пройти испытание властью, которого, как показало время, они не выдержали. Но то, что Никита Сергеевич старался не держать около себя одаренных, крупных, независимо мыслящих личностей, теперь стало очевидным. Он слишком уверовал в свои силы и многократно переоценил их. Кого мы действительно добрым словом вспоминаем сегодня из тех, кто тогда был рядом с ним? Пожалуй, только А. Н. Косыгина, Ю. В. Андропова да еще двух-трех человек...

— Когда Вы были начальником ГлавПУ, Л. И. Брежнев некоторое время работал Вашим заместителем. Говорят, уже в ту пору у Вас не сложились отношения... с будущим Генеральным секретарем ЦК КПСС и Председателем Президиума Верховного Совета СССР. Так ли это?

— Вот уж не думал тогда, что Л. И. Брежнев когда-нибудь станет руководителем партии и государства. А если бы кто и сказал, ни за что бы не поверил. Способности средние, ничем, кроме высокого мнения о самом себе, он мне в ту пору и не запомнился. Пришел Леонид Ильич на эту должность, когда я в отпуске был. Возвращаюсь — новый зам. Кстати, как я тогда

понял, его из-за каких-то неблаговидных дел в Молдавии решили укрыть в Министерстве обороны высокие покровители.

Брежнев хоть и воевал, а специального военного образования не имел, получить его никогда не стремился. Сразу подумал: он у нас долго не задержится, пройдет гроза стороной, снова вернется на партийную работу в гражданских органах. Так и вышло. Его быстро затребовали из ЦК назад. Общался я тогда с Леонидом Ильичом мало, лишь по служебной необходимости. По-видимому, он и сам понимал, что в тот момент занимал не свое место. Правда, и мы опять же выяснили только теперь, Л. И. Брежнев, почти два десятилетия находясь на высших постах в партии и государстве, тем более был не на своем месте.

Пожалуй, как никто из наших партийных лидеров, Леонид Ильич любил помпезность. Если уж он публично участвовал в каком-либо мероприятии, то на нем должно было находиться прямо-таки немыслимое число партийных и советских руководителей, военачальников, огромное скопление народа. Причем заметно это было уже в 60-х годах. Помню, как готовилось торжественное открытие памятника-ансамбля героям Сталинградской битвы на Мамаевом кургане. Святое это было, конечно, дело. Над сооружением ансамбля шесть лет работал талантливый коллектив скульпторов, архитекторов, инженеров, рабочих во главе с народным художником СССР Е. В. Вучетичем. Военным консультантом проекта был легендарный командующий 62-й армией Маршал Советского Союза В. И. Чуйков. Воздвигли памятник-ансамбль, действительно достойный тех, кто стоял под Сталинградом насмерть, на века увековечили их подвиг. Так вот: его торжественное открытие было намечено на 15 октября 1967 года. Пригласили многих. Волгоградский обком КПСС особую заботу проявил о том, чтобы в этот день в Волгоград приехали ветераны. Но вот становится известно, что открывать ансамбль, зажигать в зале Воинской славы Вечный огонь будет... сам Леонид Ильич. Что здесь началось! Все руководители, как советские, партийные, так и военные, представители всевозможных общественных организаций устремились в Волгоград. Причем не стихийно. Этим процессом «сверху» кто-то

умело дирижировал — дополнительные поезда, спецрейсы самолетов (я сам вылетал спецрейсом), размещение людей в городе и т. д. Так что Л. И. Брежнев зажигал Вечный огонь (многие не поняли, почему это сделал он, а не кто-либо из прославленных фронтовиков-сталинградцев) с уверенностью, что он, и только он, может быть в столь важном событии главным действующим лицом...

— И все-таки. Брежнев, как известно, часто любил с гордостью говорить, кстати, еще задолго до выхода в свет «Малой земли», что он был фронтовым политработником. За то время, что Вы являлись начальником Военно-политической академии имени В. И. Ленина, он хоть раз побывал в ее стенах, выступил перед слушателями главной кузницы высокопрофессиональных политработников Советской Армии и Военно-Морского Флота?

— За те двенадцать с половиной лет, что я возглавлял академию, не приезжал к нам, не выступал. В последующие годы тоже не был. Но, я замечу, все-таки потом Л. И. Брежнев, по-видимому, перестал считать себя политработником, так как дорос на цивильной службе до Маршала Советского Союза. Он, да, не будем кривить душой, и мы все начали говорить о нем как о крупном военачальнике и полководце, еще на Малой земле носившем в своем ранце маршальский жезл. Как о человеке, которого в годы битвы с фашизмом... только по чистой случайности не наградили орденом «Победа».

— Чем, на Ваш взгляд, Ю. В. Андропов, находившийся на посту Генерального секретаря ЦК КПСС довольно-таки непродолжительное время, смог быстро завоевать популярность у самых широких слоев населения?

— Борьбой за социальную справедливость, борьбой с мафией на всех уровнях. Он решительными мерами доказал народу, что перед законом все равны — и рабочие, и директора предприятий, и министры, и члены

Политбюро. При Брежневе люди отчаялись, не верили в социалистическую законность и правопорядок. Юрий Владимирович возродил эту веру. Это уже была подготовка перестройки. Страна очищалась от Рашидовых, Щелоковых, Чурбановых, Трегубовых, Сушковых. И еще люди видели в нем не только честного, но и простого, скромного, а главное — принципиального руководителя, который действительно заботился прежде всего о государственных интересах.

— И последний вопрос. Все мы почувствовали, а дискуссия на XIX Всесоюзной конференции КПСС, выборы народных депутатов СССР показали, что в нашем социалистическом доме должно быть больше демократии, больше социализма. Перестройка углубляется, но процесс этот идет непросто. Не все пока удается, особенно — в экономике и социальном плане. Как вы, ветеран партии, воспринимаете политику М. С. Горбачева?

— Полагаю, Вы имеете в виду политику нашей партии, ее Центрального Комитета. Я это прочувствовал особенно сильно, так как мне довелось быть делегатом XIX Всесоюзной партконференции, окунуться в ее атмосферу. Полностью поддерживаю принятые на ней решения. Я за обновление нашего социалистического дома, расширение демократии, плюрализм мнений. При этом убежден: решение задач перестройки будет зависеть прежде всего от потенциала партийного влияния, реального повышения партийного воздействия на те позитивные процессы, которые начали происходить в нашем обществе.

Это важно еще и потому, что политическая и экономическая ситуация в стране сегодня неоднозначна. С одной стороны, много сделано для обеспечения полновесных гарантий, необратимости процессов демократизации общества, гласности, политической открытости и плюрализма мнений. Идет формирование действительно правового государства. Но, с другой стороны, и это все мы ощущаем на себе, проводимая радикальная экономическая реформа не дает пока должных результатов. Часть проблем в экономике, научно-тех-

нической, социальной сферах решается медленно, половинчато, непоследовательно. Одновременно возникает немало новых проблем (почему их не предвидели, совершенно непонятно), требующих сейчас четких ответов, решительных и энергичных действий. Тревожит тот факт, что доходы населения стали расти быстрее, чем производительность труда, обеспеченность денег товарами и услугами. Вероятно, больше нельзя мириться с бесхозяйственностью, некомпетентностью, всепрощенчеством, которые буквально компрометируют перестройку, наносят огромный политический, экономический и моральный ущерб партии, да и всему обществу.

Время, переживаемое нами, — переломное, действительно революционное. Народ высказывается за дальнейшее углубление перестройки. И я тоже по мере сил и возможностей стараюсь вносить и свою лепту в развитие процесса преобразований, обновление нашей жизни.

«ЛЕСНЫЕ БРАТЬЯ». КОМУ ОНИ СЛУЖИЛИ?

Полковник в отставке Алексей Михайлович Дегтярев после Великой Отечественной войны служил во внутренних войсках. В 1945—1950 годах парторгом батальона принимал участие в боях и стычках с бандформированиями в Прибалтике. Предлагаем вашему вниманию его воспоминания об этих событиях.

Тревога

Утром наш батальон подняли по тревоге. К таким подъемам мы были привычны (по тревоге приходилось собираться довольно-таки часто), поэтому солдаты и офицеры действовали быстро и собранно. Одевались, разбирали оружие — и к машинам.

Я спал в ленинской комнате, которую сам по-походному оборудовал. Автомат держал у изголовья. Как и все, поднялся, затянулся ремнем и пошел в гущу солдат посмотреть, как те собираются... В таких случаях у нас никто не покрикивал, не подгонял — все действовали молча, самостоятельно.

Пока садились в машины, я успел обменяться несколькими фразами с командиром батальона, и узнал, что произошло, как мы говорили, «бандпроявление». Это было не ново: «бандпроявления» происходили довольно-таки часто, и мы, обычно в составе отделения, взвода и реже роты выезжали на место происшествия. А на этот раз командир поднял весь батальон, значит, произошло что-то серьезное...

Батальон наш возглавлял майор Еремеев. Это был весьма опытный офицер. Все годы войны он провел на фронте. Я знал, что до прихода к нам Еремеев занимал должность начальника штаба полка, потом на чем-то «погорел» — за что, я не спрашивал — и был назначен с понижением.

Я любил комбата: всегда спокойный, уравновешенный и даже, казалось бы, в неподходящей обстановке не терявший юмора. Он провел уже не одну операцию

по уничтожению банд и зарекомендовал себя исключительно хорошо. Еремеев обладал какой-то особой интуицией, которая помогала ему быстро выходить на след «лесных братьев», отыскивать их в лесу. Правда, далеко не всегда удавалось закончить операцию результативно. Бывало, противник и уходил. Но солдаты и офицеры очень верили своему комбату, целиком надеялись на него.

Преодолев на машинах километров 50—60, мы узнали причину тревоги. Прошлой ночью бандиты окружили небольшую деревню и открыли по ней огонь из пулеметов и автоматов. Несколько человек погибло, в том числе дети и женщины. Мы спешились и получили задачу: банда скрылась в таком-то направлении, ее надо настичь и уничтожить.

Мы шли лесом, прочесывали его. Вначале все были настороже, держали оружие в готовности, а потом, через час — другой, начали уже думать, что банды здесь нет, а если и была, то ее след простыл.

Все как-то расслабились, автоматы взяли на ремень, из цепочки вытянулись гуськом и вскоре шли группами. Местами встречались болота, мы их обходили, а кое-где шли напрямик, стараясь не терять своего направления. Сапоги промокли, потяжелели, передвигаться становилось все труднее и труднее. Так мы двигались несколько часов...

Вскоре оказались на огромной поляне. На ней размещалось несколько крестьянских дворов, отстоящих друг от друга на довольно большом расстоянии. В Литве в то время была хуторская система — каждый дом с пристройками стоял обособленно. Для бандитов хуторская система была просто благодать. Она способствовала их конспирации.

Я подошел к командиру и сказал, что люди устали и потеряли всякую уверенность в том, что обнаружим банду. Лес есть лес, в нем трудно найти даже гриб. А банда, проклятая, не стоит на месте, тоже движется. И я намекнул, что операция, мол, бессмысленна и, видимо, надо ее заканчивать. Командир с ноткой недовольства ответил, что прочесывание леса будем продолжать, а людей надо мобилизовать — и пройдет всякая усталость.

— Сейчас, — добавил он, — объявим привал.

Пусть солдаты перекусят, а потом проведем комсомольское собрание. Думаю, ты не против, парторг?

Мы расположились на отдых у крестьянской риги, кстати, очень похожей на нашу, русскую. В дом солдаты не заходили: в подобных случаях не рекомендовалось вступать в разговоры с посторонними лицами.

Я снял сапоги, мокрые портянки, развернул их подсушить на солнышке. Мой напарник ефрейтор Штанюк расстелил свою плащ-накидку и вынул сухой паек. Несмотря на тяжелый марш, Штанюк, как всегда, был весел, шутил. Сам он из белорусских партизан, имел опыт вооруженной борьбы в лесах. Гитлеровцы, бывало, гоняли партизан в лесах, а те яростно отстреливались. Теперь роли поменялись: мы гоняли последышей фашистов в лесах и уже они отстреливаются. Штанюк был очень красив и наделен недюжинной силой.

Как-то мы находились в засаде. Положение парторга обязывало меня пойти по точкам посмотреть, как расположились солдаты. Когда возвратился, увидел на своей «позиции» — это просто замаскированное в кустах место — камень-валун. Раньше его здесь не было.

— Твоя работа, Штанюк? — спрашиваю ефрейтора.

— Да, — отвечает, — вот принес для... крепости обороны.

— Этот камень нужно — вот сюда...

Я попытался перенести его, но оказалось, что мне не под силу.

— Слушай, Штанюк, как ты его притащил?

Тот, ничего не сказав, рассмеялся.

Штанюк ловко открыл ножом банку тушенки и нарезал хлеба. Отстегнул от пояса флягу с водой.

Я, как и он, пристроился у накидки, взял кусочек хлеба. И тут как-то непроизвольно повернулся в сторону недалеко стоящего дома. Вижу: солдат ловит кур, пытается схватить одну, не удерживает ее, только перья летят.

— Штанюк, что это? — невольно спрашиваю ефрейтора.

— А... Мародер!

Я натянул сапоги на босу ногу и направляюсь к дому. Останавливаю солдата:

— Ты что же это делаешь?

Тот бормочет что-то невнятное.

Это был рядовой Агошка. Тоже из бывших партизан-белорусов. В партизанскую бытность, как рассказывали его товарищи, он особенно хорошо ориентировался в лесу. Зная об этом, командир взвода обычно держал его при себе на случай, если надо было сверить направление, опознать в лесу ориентиры, свое местонахождение.

— Ты что делаешь? — еще раз строго спрашиваю его.

Агошка уже остыл от азартного занятия и отвечает, что поймать ему приказал старший лейтенант Балусов — оперативный работник МГБ в уезде.

Балусова я хорошо знал, не раз бывал с ним на операциях. В бою он проявлял необыкновенную смелость. Как-то сидели с ним в засаде в копне сена. Ранним утром в «окошечко», которое мы сделали для обзора, увидели группу бандитов, идущих прямо на нас. Скажу, в таких случаях чувствуешь себя не совсем хорошо. Это, пожалуй, не менее страшно, когда на охотника бежит зверь. Тут важно не растеряться и тем более не струсить. Балусов же был спокоен, у него не дрогнул ни один мускул. Напротив, он как-то сжался, сосредоточился. Наш огонь из автоматов был метким...

Но были у Балусова и недостатки. На операциях он проявлял в отношении местного населения грубость и даже физическое насилие (позже за это был осужден).

Балусов не знал солдатской пищи. Во время операции он «заказывал», а попросту говоря, требовал себе обед с выпивкой. И никогда с хозяином не расплачивался деньгами. Ел, пил сколько хотелось, и уходил, иногда не сказав и спасибо. Он не страдал угрызениями совести.

— Иди, — сказал я рядовому Агошке, — и передай Балусову — пусть ест солдатский паек...

Короче, инцидент был локализован.

После обеда мы собрались на скате зеленой лужайки. Пришли на комсомольское собрание все солдаты и офицеры.

Короткий доклад сделал командир майор Еремеев. Смысл его выступления сводился к тому, что солдаты, да и офицеры, не должны терять уверенности в резуль-

татах операции. Банда, подчеркнул он, находится где-то рядом, и мы ее настигнем.

Затем выступил я. Призвав комсомольцев и всех воинов к порядку и организованности при выполнении задачи, поставленной командиром, я, конечно, не мог умолчать и о случае с комсомольцем Агошкой. Покритиковал его, подчеркнув, что мы, советские воины, не обижаем, а защищаем литовский народ, в частности крестьян, от произвола банд, что они, крестьяне, ненавидят бандитов так же, как и мы.

Во время своего выступления я взглянул на комсомольца Агошку — тот сидел молча, понурив голову. Видно, доходили до него мои слова. (Сейчас, через сорок лет после тех трагических событий, когда я пишу свои небольшие воспоминания, я понимаю, что главную критику должен был направить против командира, заставившего солдата ловить курицу. Должен, но не направил. Но кто тогда рисковал спорить с уполномоченным МГБ? Впрочем, к этому человеку мы еще вернемся.)

После собрания мы снова двинулись прочесывать лес. Теперь-то, думал я, вряд ли мы настигнем банду: ведь наш привал не могли не заметить жители хуторов, пусть даже далеко они находились от места нашего отдыха. У бандитов хорошо была отработана система оповещения от хутора к хутору. Идешь и видишь, скажем, дымок, который вьется из печной трубы. Ты и не знаешь — может, это и есть сигнал. И подобных примет было много: закрепленная на заборе метла, горшок на высоком колу и т. д.

Через какое-то время наше подразделение снова свернулось в колонну по одному. Я шел впереди. Двигались молча, не переговаривались. В лесу тишина. Значит, никого поблизости нет.

Солдаты взяли автоматы на ремень, я тоже забросил оружие на плечо. Все больше во мне росла уверенность в безуспешности нашей операции. «В лесу множество непролазных мест, — думал я. — Может, мы идем не туда, куда надо, может, даже в противоположную сторону. Но почему командир нацелил нас именно на это направление?»

И вдруг, только подумав об этом, я услышал слева, где двигалась другая группа, резкий треск автоматной

очереди. Мы сразу рассыпались, стали принимать левее, где была стрельба. Теперь-то ясно: банда настигнута, иначе солдаты не стреляли бы. Но опять-таки взять ее в лесу непросто. Я не раз убеждался, что огонь среди деревьев не дает эффекта: убегающий мелькнет перед глазами — и нет его, попробуй-ка попади в него.

Стрельба слева прекратилась, но каждый из нас понимал, что банда где-то рядом. Потом, смотрю, перед нами открылась поляна. И я отчетливо вижу спины бандитов — убегают.

Выход банды на поляну — это ее ошибка. Здесь, на поляне, в таких случаях неизбежен бой. А оружие у нас было посильнее, так что у нас появилось явное преимущество.

Отчетливо слышу справа и слева от себя активную стрельбу. Огонь ведут солдаты. Я тоже нахожу цель, пытаюсь взять ее на мушку, но сделать это трудно: цель кажется неимоверно маленькой и прыгает на мушке, словно гномик. Но вот вроде успокоился, держу бандита на прицеле и открываю огонь. Дрожь в руках исчезла, огонь придает хладнокровия. Не знаю, попал я или нет, но после автоматной очереди продолжаю бежать... И тут вижу — метрах в пятидесяти бандит, сидя наводит на меня автомат. Оружие в его руках заметно качается, — видно, он ранен. У меня нет даже мгновения для изготовки к стрельбе, и я плюхаюсь в траву на болотистом месте. Потом по всем правилам тактики отползаю метров на пять — семь в сторону, поднимаюсь и снова бегу. Бандита уже не вижу...

Справа и слева, огибая поляну, солдаты вели огонь. Я понял: банда уже взята в кольцо и тут ей не уйти. Бой длился еще несколько минут, и банда полностью была уничтожена. Мы наказали ее за совершенное злодеяние, за расстрел ни в чем не повинных граждан.

Командир объявил отбой, и все стали собираться в одном месте. Каждый из нас сознавал, что потрудился не зря — зло наказано, одной бандой стало меньше, она уже больше не будет творить зверства, расстреливать жителей, держать всех в страхе. И опять я подумал о командире майоре Еремееве. Ну откуда он знал, что надо двигаться именно в этом направлении? Вы-

ходит, знал. Не зря, значит, на собрании вдохновлял нас.

Смотрю, около меня стоит рядовой Агошка, тот самый, которого я критиковал на собрании за мародерство.

— Ты хочешь что-то сказать? — обращаюсь к нему.

Агошка сначала помялся, а потом заговорил:

— Вы, товарищ старший лейтенант, на собрании вот... — Он замолк, а потом снова заговорил, уже смелее: — На собрании при всех опозорили меня, а я... вам жизнь спас.

Признаться, это меня удивило.

— Жизнь? Когда? Каким образом?

— Вы что, не видели, в бою бандит навел автомат... Я рядом, слева, бежал, дал по нему очередь — и он растянулся...

— Так это ты так здорово бил из автомата слева?

— А кто же?..

— Ну, за выручку спасибо тебе, брат. — Я обнял солдата. — Спасибо. А на собрании я не срамил тебя. Критиковал. А на критику обижаться грех...

Жизнь шла в батальоне, как говорят, своим чередом. После той погони за бандитами были и другие операции. Они — разные, не похожие одна на другую, но в напряжении быстро забывались.

А вот старший лейтенант Балусов, которого я оставил без «заказанного» обеда, затаил на меня обиду. Как-то приехал я из Риги (вызывали в политотдел), а мне один из товарищей говорит:

— Хорошо, что ты вчера отсутствовал...

— А что? — спрашиваю.

Оказывается, во время моего отсутствия был организован вечер дружбы работников уездного отдела КГБ и офицеров нашего батальона. Состоялся ужин, и Балусов, изрядно выпив, разыскивал меня.

— Застрелю! — повторял он в пьяном угаре.

Этот человек, при своей необузданности, огромной власти и безнаказанности, мог вполне такое сделать.

Связник выходит на встречу

Связником у нас называли человека, засылаемого разведывательными органами в банду. Им мог быть

только тот, кого «лесные братья» примут за своего. Такой человек, как правило, говорил на их языке и был одной с ними национальности. Войдя в состав банды, он добивался доверия, расположения главарей. Связник имел, как правило, одну задачу — поставить банду под удар, в положение, которое позволило бы уничтожить ее.

Замечу, что во время борьбы с бандеровцами и польскими националистами (в годы войны и сразу после ее окончания) к ним засылались офицеры и русской национальности, наиболее смелые и решительные. Они получали конкретное задание, выполнение которого было связано с большим риском.

У нас, например, служил в должности заместителя командира роты лейтенант Годов. Это был, как помню, немногословный, внутренне собранный офицер. Вел он себя с достоинством, со старшими начальниками держался независимо. Я с ним находился в дружеских отношениях, хотя по службе, как командир взвода, подчинялся ему.

Однажды лейтенант Годов исчез из роты. Куда он убыл, зачем — никто из нас не знал. Об этом не объявлялось. Лишь потом, спустя несколько месяцев, прошел слух, что лейтенант Годов погиб. Он совершил, дескать, подвиг и будет представлен к званию Героя. Еще через некоторое время я услышал от старших командиров, что Годов был заброшен в одну из крупных банд польских националистов, орудовавших на территории Западной Белоруссии. Он вошел в доверие к главарю и, как грамотный в тактическом отношении офицер, предлагал им различные свои планы и решения. Те их принимали. Годову удалось подвести, подставить банду под удар наших войск. Уцелевшие бандиты заподозрили его и расстреляли.

...Как-то наш батальон получил приказ встретиться со связником и, действуя по его указаниям, разгромить банду. Выехали мы в ночь. Где-то в дороге долго стояли: наше батальонное начальство согласовывало свои действия с оперативными работниками. Затем опять совершали марш на машинах и к рассвету оказались в огромном лесном массиве. Остановились мы недалеко от заброшенной избушки лесника, к которой, как сказал руководитель операции, должен выйти

связник. Честно говоря, я в это не совсем верил, поскольку очень часто данные оперативников не подтверждались.

Однако гляжу, действительно, к избушке лесника направляется кто-то. Хотя происходило это ранним утром, но туман уже начал рассеиваться, и я хорошо видел человека с автоматом за спиной.

К избушке направилась группа, которая должна была переговорить со связником и получить от него необходимые сведения. Потом все эти люди вместе пришли в расположение батальона. Тут я узнал, что связник сообщил о месте нахождения банды. В ее составе было полтора десятка человек. Банда, смелая, коварная, соблюдала все правила осторожности, чтобы не обнаружить себя.

Я с любопытством рассматривал связника — молодой парень с автоматом, видимо, смелый и преданный нашей борьбе. Командир что-то спрашивал у него, используя переводчика. Связник рассказал, что ему удалось уйти из банды под предлогом встречи с девушкой. Короче, он получил «увольнение». Командир спросил, не подозревает ли его банда. Нет, сказал тот, банда целиком ему верит, принимает его за своего. Из этого разговора я узнал, что банда однажды уже попадала под удар наших солдат, но благополучно ушла. Связник, как я понял, был уверен, что в бою солдаты его не тронут: он выполняет ведь нашу общую задачу. Но я подумал про себя: связник ошибается, солдат бьет из оружия без разбора. Бьет по бандитам. Он и не знает, что среди них есть свой человек.

Итак, вы встретили связника, который рассказал, каков состав банды, чем она вооружена и где находится. А находилась она в лесу, в лагере, в нескольких километрах от данного места. И мы все ожидали, что командир, не мешкая, сразу же ранним утром поведет нас на уничтожение банды. Однако руководивший в этот раз операцией начальник штаба батальона Фатеев принял решение начать ее на рассвете следующего дня. Я понимал, что он, принимая такое решение, хотел достичь внезапности, поскольку движение в светлое время, хоть и в лесу, не могло быть не замечено бандитами.

Но солдаты об этом думали меньше всего. Они вы-

ражали недовольство. Им не хотелось целый день проводить в лесу. Однако приказ командира — закон! Вскоре пошел проливной дождь. Хотя были мы в плащ-накидках, решили из сосновых веток построить шалаши, чтобы было посуше. Увы, ни накидки, ни шалаши не помогли — все промокли до нитки.

Я прилег в шалаше на «перину» из хвойных веток и почувствовал, что подступает вода. Вышел и увидел поодаль старшего фельдшера батальона Пыльченко. В наших войсках в каждой роте был фельдшер, который всегда находился в бою и при случае мог оказать первую помощь раненому. Пыльченко — мой друг, и мы были с ним весьма откровенны.

— Что ты думаешь о решении капитана Фатеева? — поинтересовался я.

Тот улыбнулся и сказал:

— Кому приятно под дождем? — А ливень не переставал, зарядил и не было видно ему конца. — Но, думаю, капитан прав. Если двинемся теперь все сразу, то наверняка провалим операцию, — добавил он, еще глубже натягивая на голову плащ-накидку.

Затем я пошел по шалашам, в которых укрылись солдаты, поговорил с ними, успокаивая недовольных «сидением» в лесу: невелика трудность — переждать день, хотя и под дождем, харчи есть, полежим, отдохнем, зато захватим бандитов спящими...

С наступлением темноты мы двинулись в путь. Шли лесными тропами гуськом, впереди — группа солдат со связником. Я тоже был в этой группе. Нет-нет да и закрадывалось сомнение: а не поставит ли под удар этот «наш человек» нас, солдат? И тут же рассеивалось это сомнение, нет, связник вызывал доверие.

Начинало уже светать, когда мы подошли к логову банды. По решению командира мы обошли его вокруг, создали огневое кольцо. А вовнутрь его вошла штурмовая группа. Ее возглавлял очень смелый человек — сержант Хитров. Эта группа и должна была захватить банду врасплох и уничтожить ее.

По окружности, на некотором удалении от лагеря, нас расставил связник. Я шел с ним рядом. Уже заметно рассвело, и я опасался, сумеем ли незамеченными создать кольцо, но он меня успокоил — все будет хорошо. На каком-то участке я остался с солдатами и

выбрал себе позицию за большим камнем-валуном. Присел за него и пожалел о том, что в сутолоке не взял автомат. Корил себя: прибыл на операцию с пистолетом. А что можно сделать с ним? Ведь если бандиты пойдут в прорыв на меня, то разве я сумею остановить их с таким оружием? Банда сможет уйти.

Слева, в нескольких шагах, лежал рядовой Носенко. Я обратился к нему:

— Носенко, у тебя есть гранаты?

— Есть, — ответил он.

— Ты можешь дать одну?

— Берите, — поднял он две гранаты.

— Мне одну, — говорю, опасаясь не «раскулачить бы» солдата.

— Берите две — у меня еще есть.

Я взял две лимонки, вставил в них запалы и положил рядом. Лимонки — оружие мощное: при разрыве получается много осколков, обладающих большой убойной силой.

«Теперь — порядок, теперь не пропаду», — подумал я и стал прислушиваться к тишине, которая неизвестно что таила.

Вдруг где-то в середине кольца раздалась автоматная очередь. А потом послышалась и коллективная стрельба. Началось! Как узнал впоследствии, первую очередь дал часовой у лагеря. Наши ответили огнем. Бандитов не удалось захватить врасплох. Они повыскакивали из шалашей. В одних нательных рубашках они походили на призраков. Несколько человек побежали прямо на меня и рядового Носенко. Я схватил гранату и бросил ее. Взрыв в лесу прозвучал особенно сильно. Видно, он подействовал на бандитов, и они приняли правее. Там их встретил огнем из автомата рядовой Носенко. Еще дальше, еще правее, заработал ручной пулемет ефрейтора Квяткевича.

Мне хочется прерваться и сказать об этом солдате особо. Квяткевич отличался удивительной смелостью. Ручной пулемет он обычно не устанавливал на земле, а пользовался им как автоматом, стрелял стоя и в движении. Жизнь этого замечательного солдата закончилась трагически. В очередной схватке с бандитами Квяткевич вел огонь из пулемета на ходу. И вдруг солдаты заметили, как он припал на колени. Припал

и не встал. Квяткевич был смертельно ранен. После боя солдаты принесли его на пункт сбора. Как-то не верилось, что Квяткевич, которого мы все любили, мертв. И мы просто плакали.

Квяткевич был женат. Супруги ожидали ребенка. Он родился уже после гибели отца.

...Бандиты, прощупав прочность кольца на нашем участке, выбрали другое направление для прорыва. Вскоре там загремели густые выстрелы.

Через некоторое время поступила команда «Отбой». Я снялся со своей «укрепленной» позиции и направился в пункт сбора.

Там увидел капитана Фатеева — руководителя операции. Он стоял, понурив голову, как-то осунулся. На его худом лице, казалось, еще больше выделялись обострившиеся скулы. Он невесело взглянул на меня и тихо сказал:

— Вот, смотри...

Рядом лежали трупы убитых. И среди них — заместитель командира батальона по политчасти майор Власов.

Он как раз находился на месте прорыва банды.

В группе командования был и фельдшер Пыльченко. Он рассказал мне, как разворачивались события. Бандиты действовали решительно. Один из них залег и вел огонь из пулемета, обеспечивая участок прорыва. Под прикрытием ушло два-три человека...

Замполита Власова мы впоследствии похоронили в городе Шауляе с почестями. Остались жена и двое детей. Старший сынишка, Володька, окончил потом суворовское, стал офицером, подполковником. Об этом я узнал через много лет после тех событий, посетив в Риге семью Власовых.

Если говорить о потерях с нашей стороны, то чаще гибли солдаты, реже — офицеры. Но доставалось и им. В нашем батальоне, например, погиб в бою заместитель начальника штаба старший лейтенант Горбачев. Геройски пал в схватке с бандой командир пулеметного взвода старший лейтенант Зозуля. Тяжелое ранение получил мой близкий друг комсорг батальона Рыжиков, прошедший всю Отечественную войну. Пали смертью храбрых и некоторые другие офицеры батальона.

...Тут же на сборном пункте я снова увидел связника с автоматом на плече. Теперь, когда бой прошел, я как-то с особым любопытством рассмотрел этого парня. Был он светловолосым, с неожиданно добрым лицом. В обыкновенной крестьянской одежде — фуражке, потертом пиджаке, грубых сапогах. На вид — типичный деревенский парень. Но теперь-то я видел, что это великолепный разведчик, смельчак, мужественный воин. Ведь его могли застрелить и наши солдаты, и «лесные братья».

Связник еще не отошел от боя. Он был бледным, губы слегка подрагивали. Он отошел в сторону, лег на землю и долго смотрел в небо. О чем он думал? Может быть, о тех, с кем он коротал долгие ночи в лесах, ненавидя их и презирая. Может быть, отдыхал от той опасности, которая каждодневно подстерегала его. Может, думал о тех людях, по чьей просьбе и приказу он выполнял такое сложное задание. Всю дорогу он сидел в машине молча, глядя на мелькающие за бортом деревья.

Жвейс в кольце

Сначала объясню, кто такой Жвейс. Это кличка главаря националистического вооруженного подполья в Литве. Полковник Жвейс — кадровый офицер буржуазной, сметоновской власти. В годы войны он был коллаборационистом — активным пособником фашистских захватчиков. Он «прославился» тем, что по заданию фашистов «искоренял коммунизм» в Литве, расстреливал патриотов. Он, конечно, рассчитывал получить от гитлеровцев высокий пост.

Но все сложилось иначе — в Литву пришла Советская Армия. Жвейс не покинул Литву. Он создал банды и выступил против Советской власти. В этом была своя логика. Что оставалось делать пособнику немецких фашистов?

Я видел Жвейса на фотографии. Полковник в военной форме сметоновского режима, с бородкой, с биноклем на груди — не знаю, что уж он рассматривал в этот бинокль: в лесных условиях он был не нужен. Словом, Жвейс — коварный враг, важная, крупная

птица. И мне пришлось участвовать в операции по его поимке.

Как всегда, в ночь подняли по тревоге. Объяснили, что обнаружили местонахождение самого Жвейса. Откровенно, в это не верилось — сильна была конспирация у бандитов. Впоследствии говорили, что место его пребывания сообщила девушка-комсомолка. Большое ей за это спасибо. Ведь Жвейс являлся, в сущности, главным виновником убийств местных жителей.

Я сам был свидетелем многочисленных террористических актов, совершенных бандитами по его приказу. Так, в городе Мариямполе свирепствовал командир банды по кличке Весулас. Позже в одном из боев мы сумели взять его живым. Это был молодой, лет 25-ти, парень. Он хорошо говорил по-русски и похвалялся тем, что ему удалось одним разом убить первого секретаря комитета партии, председателя исполкома и некоторых других активистов Мариямпольского уезда.

Однажды мне пришлось присутствовать на похоронах десяти сельских жителей. Их расстреляли бандиты за то, что они первыми вступили в сельскохозяйственный кооператив. На совести Жвейса было много преступлений.

Поздно вечером мы прибыли к месту проведения операции. В сгущавшейся темноте были видны несколько дворов. Мы оцепили хутор. Я лежал возле дома, в котором, как считалось, и находился Жвейс. Была осень. От холода каменело тело. Вместе с офицерами-оперативниками я иногда, соблюдая меры маскировки, уходил в овраг погреться. Там разминался — давал нагрузку молодым мускулам. Потом шел обратно, предоставляя возможность другим согреться.

Наступил рассвет. Из дома вышел во двор, вокруг которого теснились всякие постройки, крестьянин, видимо хозяин. Он тревожно посмотрел по сторонам и увидел солдат, окруживших дом. Было заметно, что хозяин нервничает, он чем-то встревожен.

Тут же командир батальона майор Еремеев направил в хутор группу солдат, среди которых был и переводчик. Офицер, возглавлявший их, спросил хозяина, находится ли у него в хуторе Жвейс. Тот ответил, что никакого Жвейса он не знает, что в доме никого из посторонних нет. После некоторого препирательства

хозяин сказал, что Жвейс (это имя он, оказывается, все-таки знал) сейчас спит в сарае, вот там, на чердаке. По требованию офицера хозяин направился к Жвейсу передать наше предложение — сдаться. В сущности, мы были уверены, что Жвейс так и поступит, поскольку он был обречен: вокруг дома находились солдаты. Минут через пять—семь хозяин вернулся. Лицо его было в крови. Это Жвейс в ответ на наше предложение разукрасил его так. Вытирая кровяные подтеки, хозяин сказал, что Жвейс отказался сдаваться. После недолгого совещания мы вновь послали хозяина на чердак. Он опять вернулся с кровяными пятнами на лице. Тогда командир приказал открыть огонь по крыше сарая, но так, чтобы не задеть находившихся на чердаке бандитов. Стрелять, так сказать, для устрашения. Ручные пулеметчики — отменные мастера огня — дали несколько длинных очередей. Неожиданно на чердаке послышались выстрелы, и потом оттуда пошел дымок. Жвейс, видимо, сжигал какие-то документы.

Когда мы забрались на чердак сарая, то увидели на сене несколько трупов. Жвейс лежал с простреленной головой. Тут же, рядом, были его охранники, тоже мертвые. Я понял, что они застрелили сами себя.

Были установлены личности убитых. Да, действительно, среди них находился Жвейс. Правда, одного бандита в офицерском звании не могли опознать. Хозяин дома рассказывал, что перину, которую он принес на чердак, Жвейс отдал этому майору. Значит, тот офицер что-то значил. Лишь значительно позже выяснилось, что неизвестный майор был заграничным представителем.

Итак, мы покончили со Жвейсом. Мы почувствовали, что это сказалось на снижении активности банд. Но свою борьбу они не прекратили. Они пролили еще много безвинной крови...

Вспоминая те дни, я невольно думаю, что ныне в Прибалтике находятся люди, которые называют лесных бандитов борцами за свободу. Эти люди зовут народ к старому, к буржуазному строю, мутят головы националистической идеей. Была уже буржуазная Литва. Остатки ее я видел: две трети крестьян прозябали

на хуторах в нищете, в грязи, в условиях антисанитарии. Разве можно сравнить их нынешнюю жизнь с тогдашней?

Верю, что этим людям не удастся обмануть народ, простых, трудовых людей Прибалтики, за свободу которых сложили головы мои боевые друзья.

Полковник в отставке *А. ДЕГТЯРЕВ*

ЗА ТРИ НОЧИ ДО ПОЛНОЙ ЛУНЫ...

Писателю Николаю Черкашину удалось первым приподнять завесу над тайной крупнейшей морской катастрофы в истории отечественного флота — гибели линкора «Новороссийск». Его очерки в газете «Правда» и документальная повесть в журналах «Дружба народов» и «Смена» раскрывают многие обстоятельства этой не столь уж давней трагедии. Однако вопрос о причинах взрыва корабля остается по-прежнему открытым. Точнее, спорным. На этот счет существуют разные версии. Николай Черкашин выдвигает еще одну.

За три ночи до октябрьского полнолуния, едва истекли первые полтора часа новых суток — 29 октября 1955 года, днище советского линкора «Новороссийск» рванул взрыв небывалой силы. Он пробил все восемь палуб бронированного корабля и сразу же лишил жизни около двухсот спавших в носовых кубриках матросов. Была немедленно объявлена боевая тревога, затем аварийная... Экипаж самоотверженно боролся с поступавшей внутрь корабля водой, но море взяло верх. В 4.15 «Новороссийск» перевернулся, унося с собой сотни и сотни жизней.

С тех первых минут беды и по сию пору нам всем не дает покоя вопрос: почему погиб крупнейший на нашем флоте корабль? В чем причина взрыва, и что, наконец, взорвалось?

Правительственная комиссия пришла к выводу, что линкор при постановке на бочку задел якорем старую немецкую донную мину и от сотрясения на ней заработал остановившийся на одиннадцать лет часовой механизм. В своем официальном заключении комиссия не исключала возможности диверсии.

Чьей диверсии? Ради чего предпринятой? Об этом в итоговом документе не говорилось ни слова. Но моряки — весь флот от матросов до адмиралов — разделились в своих мнениях как бы на два лагеря. Одни считали, точнее, верили в невытраленную мину и приводили довольно веские аргументы. Другие отстаивали, и не менее убедитель-

но, версию проникновения в севастопольскую бухту итальянских подводных диверсантов. Сторонниками этой второй версии были многие весьма авторитетные в морском деле специалисты. Назову лишь некоторых — это бывший Главнокомандующий ВМФ СССР в пятидесятые годы Адмирал флота Советского Союза Н. Г. Кузнецов, выдающийся эпроновец лауреат Государственной премии инженер-контр-адмирал Н. П. Чикер, замечательный кораблевед капитан 1 ранга в отставке Н. А. Залесский (к слову сказать, отрицавший со страниц «Техники — молодежи» диверсию на линкоре «Императрица Мария»). В том, что взрыв «Новороссийска» — дело рук боевых пловцов, был убежден и исполнявший обязанности командира линкора капитан 2 ранга Г. А. Хуршудов, а также многие здравствующие ныне офицеры «Новороссийска», работники особого отдела, специалисты-подводники.

Как известно, в 1949 году Италия, побежденная в годы второй мировой войны, передала Советскому Союзу часть своего военного флота, которая полагалась нашей стране по репарациям. Так в Севастополь пришел модернизированный линкор «Джулио Чезаре», переименованный в «Новороссийск». Передача этого крупнейшего итальянского корабля Советскому Союзу была расценена неофашистскими группировками как национальный позор. Искупить его поклялся на своей золотой шпаге, полученной от короля за ряд успешных диверсий против английского флота в годы войны, князь Юнио Валерио Боргезе, потомок старинного рода, последний командующий специальным диверсионным соединением боевых пловцов и взрывающихся катеров — 10-й флотилией МАС. У этого человека слово редко расходилось с делом. К тому же он обладал самыми разветвленными связями как в военно-политических сферах своей страны, так и за рубежом. О больших возможностях Боргезе говорит и его попытка военного переворота в стране, предпринятая им и его сторонниками в ночь на 8 декабря 1970 года.

Технически возможность диверсии в севастопольской бухте облегчалась тем, что к 1955 году в итальянских ВМС были созданы весьма совершенные сверхмалые подводные лодки, предназначенные для высадки боевых пловцов, «Х-404» и «Х-506».

Прямых доказательств причастности итальянских подводных диверсантов к взрыву 29 октября нет. Вся «итальянская» версия построена по-

ка что на цепи косвенных улик и умозрительных предположений. К ним можно отнести и публичные заявления Боргезе, что ни один итальянский корабль не прослужит долго в большевистском флоте, и закрытое награждение высшими орденами группы итальянских морских офицеров вскоре после гибели «Новороссийска», и целый ряд других фактов. Наверное, не случайно и то, что 28 октября 1955 года в Стамбульский порт вошел американский линкор «Нью-Джерси» в сопровождении пяти эсминцев, а на следующий день — авианосец и еще два эсминца.

Однажды в Севастополе на читательской конференции я получил из зала такую записку: «Н. А., знаете ли Вы, что вскоре после взрыва «Новороссийска» в устье Черной речки был найден труп аквалангиста?»

К этой записке я отнесся лишь как к записке. Это не выписка из протокола осмотра места происшествия, это, строго говоря, не документ. Может быть, в самом деле, в это же время нашли труп пусть не аквалангиста, а обычного купальщика. Ну пусть аквалангиста, но советского, нашего.

Предположим, как нечто очень маловероятное — в устье Черной речки нашли труп итальянского боевого пловца. Даже если так, то подобный факт мог быть зафиксирован в очень секретных документах; он, вообще, мог не фигурировать в работе Правительственной комиссии, дабы не ломать очень удобную версию со старой немецкой миной. Принимать всерьез эту записку было нельзя. Но она подсказала направление мысли. А почему, собственно, мы считали, что диверсионный удар по линкору был нанесен со стороны моря? Как бы плохо не неслась охрана базы, она все же существовала, и те, кто планировал операцию, не могли сбрасывать со счетов и дозорные корабли, и гидроакустические вахты. Определенный риск был. Если бы советский сторожевик обнаружил иностранную подводную лодку, пусть даже и «карликовую», у входа в главную базу флота — это более чем международный скандал.

Есть и второе важное соображение. Отсюда, то есть от устья Черной речки, до штатной якорной бочки линкора в бухте Голландия гораздо ближе, чем добираться до него со стороны моря через боновые ворота. И если «Новороссийск» в роковую ночь все же стоял не на своей бочке (ближе к морю, дальше от Черной речки), то эта случайность, в самом деле, могла стоить жизни аквалангисту, вынужден-

ному преодолевать под водой (даже с помощью аквабота *) расстояние почти вдвое больше расчетного.

Итак, выбор направления удара со стороны устья Черной речки мог быть сделан благодаря большей неожиданности и меньшему расстоянию до цели. Наконец, есть и третье обстоятельство, весьма благоприятствовавшее диверсии. В устье Черной речки расположена судоразделочная база Вторчермета, куда стаскивают отслужившие свой срок корабли. Одни еще держатся на плаву, другие, полузатопленные, разбросаны по всей акватории базы. Корпус любого из них мог послужить подводным диверсантам идеальной точкой старта, временным убежищем, складом, наблюдательным пунктом. Ведь именно так или почти так итальянские боевые пловцы провели свою операцию против английских кораблей в Гибралтаре.

Откроем мемуары Юнио Валерио Боргезе. Глава «Две атаки пловцов «Ольтерра».

В 1942 году итальянские подводные диверсанты обосновались в трюмах генуэзского танкера «Ольтерра», интернированного в испанском порту Альхесирас. Танкер, притопленный на мелководье, стоял в виду рейда морской крепости Гибралтар — главной базы английского флота в годы второй мировой войны в Атлантике. В борту «Ольтерры» был проделан подводный выход, через который боевые пловцы отправлялись в свои рейды. Они минировали английские корабли и снова возвращались на «Ольтерру», где, стянув гидрокомбинезоны, снова превращались в скучающих торговых моряков. Англичане так и не смогли разгадать тайну «Ольтерры» до конца войны, хотя, как пишет Боргезе, «Альхесирас кипел английскими агентами, а «Ольтерра» была ошвартована прямо под окнами английского консульства, битком набитого морскими офицерами из Интеллидженс сервис».

1942 год и год 1955. Их разделяет всего тринадцать лет. Еще полон сил и политической энергии «черный князь» Боргезе, шеф 10-й флотилии подводных диверсантов. Во всеоружии и сама флотилия, не расформированная, как требовали того условия мирного договора 1947 года, а преобразованная в Центр подготовки подводных пловцов-диверсантов итальянских ВМС. С 1952 по 1959 год Центр этот возглавлял не кто иной, как капитан 1 ранга

---

* Аквабот (здесь) — собирательное название всех типов подводных снарядов-буксировщиков.

Джино Бириндели, верный сподвижник Боргезе по 10-й флотилии МАС. В 1940 году командовал группой пловцов диверсантов в операции против английских линкоров в Александрии. (Чуть позже действовал в Гибралтаре. Кстати, любопытное совпадение: именно Бириндели обучался вместе с товарищами подводному минированию, подплывая по ночам к линкору «Джулио Чезаре» (будущему «Новороссийску»). Так что опыт «Ольтерры» и дивизиона «Большая Медведица» (так называлась группа, действовавшая с танкера против Гибралтара) стоял перед глазами руководителя Центра подводных диверсий.

Итак, если представить, что на одном из притопленных кораблей Вторчермета было устроено нечто вроде тайника на «Ольтерре», то возникает резонный вопрос: каким образом проникли боевые пловцы в тыл севастопольской базы и как доставили они туда взрывчатку и снаряжение?

За ответом придется снова вернуться в 1942 год. В то время, когда люди-лягушки из дивизиона «Большая Медведица» готовились к подводным атакам на гибралтарском рейде, под Севастополь прибыла внушительная колонна автотягачей и крытых фургонов. «ВМС Италии, — пишет В. Боргезе, — идя навстречу желанию союзников, отправил в Черное море флотилию катеров МАС под командованием капитана 1 ранга Мимбелли и несколько карманных подводных лодок типа СВ. Эти корабли с честью выполнили поставленные задачи (один катер потопил русский крейсер, а малютки СВ — две русские подводные лодки)... Мы решили перебазировать в Черное море группу торпедных и взрывающихся катеров с задачей организовать постоянное патрулирование на подступах к Севастополю».

Начальником севастопольского отряда диверсионных сил был назначен капитан 3 ранга Альдо Ленци.

«Храбрый офицер, — характеризует его Боргезе, — всегда спокойный и веселый, неутомимый на службе, любитель красивых вещей и комфорта в часы отдыха, оптимист по натуре, Ленци взялся за это новое для него, да и вообще для любого моряка дело с энтузиазмом... Наконец, 22 мая (1942 г. — Н. Ч.) колонна прибыла к месту назначения в Форос — очаровательный городок, расположенный на прекрасном южном побережье Крыма, недалеко от Балаклавы и к югу от Севастополя. Здесь наша группа раскинула палатки под сенью ореховых деревьев. Прежде всего мы проложили рельсовый путь и соорудили дере-

вянный слип, чтобы доставить наши штурмовые средства к берегу моря и спустить на воду».

Следы этого слипа до недавних лет можно было отыскать в Форосе. Штурмовые катера итальянцев поджидали свои морские жертвы, укрывшись под каменной стеной мыса Айя. Это удивительнейшее по своей величавой, могучей красе место. Горы здесь вступают в море складками этакого гигантского каменного драпри. В них-то и прятались катера. Кое-где скалы обрушиваются в воду идеально ровными высоченными стенами. Их можно принять за остатки каких-то древних — времен египетских пирамид — гидротехнических сооружений, возведенных внеземными цивилизациями. Слишком уж высоки и гладки их стесы, слишком уж хитроумно запрятаны в них гроты, проникнуть в которые можно лишь из-под воды.

Автору этих строк доводилось плавать с аквалангом у подводного подножья этих глухих с виду стен. Я погружался с мыслью о том, что здесь, на этих каменных ступенях, в этих расщелинах и гротах вполне могут остаться следы пребывания людей Ленци, ничуть не подозревая, что это предположение двадцатью годами раньше уже было проверено здесь контрразведкой Черноморского флота.

Бывший сотрудник флотской контрразведки Евгений Борисович Мельничук рассказал мне позже, что это по его инициативе в семидесятые годы аквалангисты обследовали подводные пещеры мыса Айя в поисках тайных складов итальянских диверсантов. Известно, что и немецкие, и итальянские боевые пловцы, покидая гавани, занимаемые противником, оставляли в бетонных стенах молов, причалов и прочих портовых сооружений хорошо скрытые склады взрывчатки, баллонов с кислородом и т. п. Все это делалось для обеспечения будущих операций. Так было в Кальяри (остров Сардиния), в Штеттине (ныне Щецин) и в других местах. Так что в существовании такой секретной базы и под Севастополем нет ничего невероятного. Жаль, что обследование подводных гротов мыса Айя было, насколько я смог понять со слов Мельничука, весьма непродолжительным и, конечно же, запоздалым.

Даже если такой склад и не был устроен, то все необходимое оборудование наследники ластоногих бойцов Ленци — Боргезе могли получить с борта проходящего мимо крымских берегов какого-либо торгового итальянского судна. Да и сами могли быть высажены с него. Ведь проходил же 28 октября 1955 года в

тридцати милях от мыса Айя итальянский сухогруз. Он шел из Босфора в Азовское море...

Доставить ящики с подводными аппаратами, со всем, что надо для подобного дела, на территорию судоразделочной базы Вторчермета не представляло в те годы особой сложности. Рядом, по берегу Черной речки, проходят железная дорога, шоссе... К тому же кладбище старых кораблей — это не режимный объект. Под видом газорезчиков можно было легко проникнуть даже с транспортировочными ящиками на любое предназначенное к слому судно.

Во всяком случае, в годы войны специалисты из флотилии МАС умудрялись провозить свои разобранные на части торпеды даже через государственные границы нейтральных стран как садовый инвентарь или запасные детали для судовых машин.

Евгений Борисович Мельничук, невольный свидетель гибели линкора, все эти годы пытается раскрыть тайну подрыва «Новороссийска». И делает он это не по долгу службы («новороссийское» дело давно закрыто), а по долгу сердца. В оные годы даже рисковал навлечь неудовольствие начальства: мол, ставит под сомнение выводы Правительственной комиссии.

Я познакомил его с «чернореченской» версией. Он нашел ее вполне вероятной. И высказал свое предположение: Черная речка могла быть выбрана и как путь наиболее безопасного отхода после установки мины под днищем линкора.

Было ли все именно так или иначе, да и было ли вообще — вопросы, которые пока надолго останутся без ответов. Я не думаю, что в итальянских архивах хранятся какие-либо документы, проливающие свет на взрыв под днищем «Новороссийска». Подобная акция могла быть проведена скорее всего как частное дело «группы патриотов», располагающей достаточными средствами как для покупки «карманной» подводной лодки, так и для фрахта торгового судна. Хотя, разумеется, не без ведома, а то и при прямом содействии спецслужб, например, той же СИФАР — разведывательной службы вооруженных сил Италии — или в сотрудничестве с ЦРУ. Наводит на размышление и то, что летом 1955 года, за четыре месяца до взрыва на севастопольском внутреннем рейде, министром внутренних дел Италии был назначен бывший высокопоставленный сотрудник фашистской милиции Фернандо Тамброни. Тамброни весьма чутко относился к советам

тогдашнего шефа ЦРУ в Италии Роберто Дрисколла.

Благоприятствовала проведению диверсантской вылазки и внутриполитическая обстановка в нашей стране — весьма смутная, с острой, хотя и скрытой, борьбой группировок в высших сферах власти. Все это сказывалось на жизненном тонусе государства.

То, что «итальянская» версия гибели «Новороссийска» принималась главным командованием ВМФ всерьез, доказывает, пожалуй, и тот факт, что вскоре после взрыва линкора все бывшие итальянские корабли, состоявшие в Черноморском флоте (крейсер «Керчь», четыре эсминца, подводная лодка) были выведены из боевого состава и отправлены на резку, надо понимать, для того, чтобы не провоцировать новых диверсий. И если кому-то из наших адмиралов до октября 55-го подводные диверсанты казались лишь персонажами приключенческих книг, то с того же черного года и по наши дни на всех кораблях советского Военно-Морского Флота, где бы они ни стояли — у родного причала или на якоре в нейтральных водах — каждую ночь несется вахта ПДСС — противодиверсионных сил и средств. Каждую ночь матросы-автоматчики в стальных касках вместо бескозырок вглядываются в черную воду у бортов своих кораблей. Это своего рода вахта памяти «Новороссийска».

Капитан 1 ранга запаса
Н. ЧЕРКАШИН

ЖАРКИЕ ДНИ В СТРАНЕ ПИРАМИД

Лет семнадцать назад я прочитал в одном из военных журналов материал за подписью подполковника Н. Кутынцева. Автор сухо предельно сжато описывал действия воинов зенитного ракетного дивизиона на учении, за которое он, командир, получил звание Героя Советского Союза. Не верилось, что за обычное учение можно заслужить такую высокую награду. И в действительности все было далеко от написанного. Офицер и редакция лукавили, лукавили не по своей воле...

Наш рассказ о Николае Михайловиче Кутынцеве, получившем звание Героя не на учении, а в Египте, где он в 1970—1971 годах выполнял интернациональный долг.

С Н. Кутынцевым я встретился зимой в Харькове. На дворе снег, легкий морозец, а мы день за днем «листали» страницы знойного лета 70-го. В 1969 году в районе Суэцкого канала происходили крупные столкновения между египетскими и израильскими войсками. Израиль проводил свою агрессивную политику, теснил арабов с их законной земли. Советский Союз настойчиво добивался прекращения агрессии. Заявления нашего правительства, дипломатические усилия успеха не имели. По просьбе президента Насера СССР помогал Египту в обучении и вооружении армии. А когда израильская авиация стала беспощадно разрушать Каир, Александрию, другие города и объекты, по просьбе Египта, было принято решение направить туда подразделения противовоздушной обороны, которые организационно были объединены в дивизию.

— В 1965 году, — рассказывал Николай Михайлович, — я окончил военную академию, был назначен командиром зенитного ракетного дивизиона. В декабре 1969 года поступила команда укомплектовать офицерами все вакантные должности, подготовиться к выполнению спецзадания. Новый, семидесятый, год начали мы со свертывания комплекса, погрузки в эшелон. Уезжали на юг, на учение. Оказались же мы не на

полигоне, а в учебном центре, где нам поставили задачу подготовиться к занятиям с арабскими специалистами. Вскоре познакомились и с подопечными. Наши специалисты прикладывали все усилия, но за отведенное время добились немногого: далеко не все арабские офицеры горели желанием осваивать сложную боевую технику, а у солдат была откровенно низкая подготовка.

Обстановка же в Египте накалялась. Тогда и было принято решение отправить туда несколько дивизионов. В расчеты зачисляли только добровольцев. Из подразделения Кутынцева ни один человек не сробел. Их срочно перебросили на полигон для контрольных стрельб.

Николай Михайлович, как и положено командиру дивизиона, первым держал экзамен на боевую зрелость: умение четко анализировать воздушную обстановку, быстро принимать решение, грамотно руководить боевым расчетом. Малоразмерную мишень, летящую на предельно малой высоте, воины ПВО сбили первой ракетой. Затем место стреляющего занимали командир радиотехнической батареи капитан Иван Попов, начальник штаба майор Анатолий Добычин. Они тоже успешно выполнили поставленную задачу. Проверяющие высоко оценили выучку офицера наведения старшего лейтенанта Ивана Бешенцева, командира стартовой батареи капитана Николая Ляшенко, операторов рядовых Василия Алексухина, Владимира Вишнякова. После такого серьезного экзамена ракетчики на деле убедились: комплекс в любой сложной обстановке не подведет, товарищ — не дрогнет. Уверенности прибавило и то, что дивизиону придали средства прикрытия — зенитную самоходную установку «Шилка» (ЗСУ-23-4) и переносные комплексы «Стрела-2».

Буквально на другой день ракетчики погрузились в эшелон и вскоре оказались в портовом городе. Технику грузили на корабль. Офицеры, солдаты переодевались в гражданское, форму сдали на склад.

— Николай Михайлович, я слышал, как напугались семьи, когда получили ваше обмундирование.

— Да, было такое. Представляешь, уехали на учение — и вдруг вещи привозят. Конечно, жены, родите-

ли в панике, в часть побежали. Их успокоили. А мы погрузились и — вперед. В Александрию прибыли 12 марта 1970 года. Этот день врезался в память тем, что израильская авиация нанесла массированный удар по средствам ПВО Египта. Административные, промышленные центры остались практически без прикрытия. Особенно пострадала часть, прикрывающая Каир. Поэтому спешно выгружали нашу технику. Мы переоделись в арабскую форму, затем состоялся митинг. Посол Виноградов, генерал армии Щеглов довели обстановку, разъяснили задачу: оказать помощь дружественному арабскому народу в борьбе с агрессором.

Кутыцев снова потянулся за папиросой. Внешне он выглядел спокойным, но воспоминания, видимо, снова заставляли его, как наяву, почувствовать палящее солнце, хруст песка на зубах, постоянное ожидание опасности.

После митинга им приказали подготовиться к маршу. Срочно перекрасили кабины, технику под цвет песка, получили автоматы, пистолеты, гранаты. Тут ракетчики по-настоящему почувствовали фронтовое напряжение. Через несколько часов они в походном порядке заняли позицию в знаменитом парке «Фарук». Пусковые установки грубо смотрелись на фоне пальм, но фронтовая обстановка диктовала свои жесткие условия.

Советские ракеты в Египте. Кому-то в наши дни это покажется абсурдным, бессмысленным. Но тогда даже мысли такой не возникало. Кутыцев сам свято верил в справедливость, необходимость их пребывания на арабской земле, это же воспитывал и у подчиненных.

Два дня прошли спокойно. Затем Николай Михайлович получил распоряжение совершить марш в район Каира, занять там боевую позицию, приготовиться к отражению налета авиации. Все это надо было сделать за короткую ночь.

Дивизион построился в колонну значительно раньше установленного времени. Сопровождать ракетчиков поручили двум полицейским на мотоциклах. Тронулись. Путь неблизкий — около 300 км. Дорога песчаная, ветрами плотно утрамбованная, поэтому двига-

лись с хорошей скоростью. Длительный марш в условиях пустыни совершили успешно.

Но то, что увидели на указанной позиции, поразило воображение. Здесь дымилось и тлело то, что осталось от дивизиона, разбитого израильской авиацией. Пахло горелой резиной, кругом воронки от взрывов. На все это трудно было смотреть. Тягачами начали растаскивать искореженные кабины, пусковые установки. На очищенные места ставили свою технику. В короткие минуты передышек пытались перекусить, но бутерброды в горло не лезли. Выручал чай. В 6.00 подполковник Кутынцев, как и было приказано, доложил о готовности дивизиона к бою. Прибывший к этому времени командир части офицер А. Смирнов задачу поставил коротко:

— Будете плохо воевать, от вас к вечеру останется то, что вы здесь застали...

Офицеры, солдаты, естественно, понимали опасность, ответственность, старались предусмотреть все сложности, которые могли возникнуть при отражении налета. Операторы ручного сопровождения рядовые Василий Алексухин, Владимир Вишняков, офицер наведения старший лейтенант Иван Бешенцев скрупулезно проверяли режимы работы техники.

Подполковник Кутынцев разбил дивизион на сокращенные расчеты. Один находился за пультами управления, нес боевое дежурство, другие специалисты мешками с песком обкладывали кабины, пусковые установки, рыли траншеи и укладывали в них кабель. Начальник штаба подготовил журнал боевой работы, назначил ответственного за его ведение.

Через 19 минут завыла сирена. Оператор станции разведки и целеуказаний (СРЦ) доложил об обнаружении цели. Полный расчет срочно занял боевые посты. По телефону стали связываться с КП. К телефону долго никто не подходил. Тем временем с СРЦ доложили, что цель групповая, в составе 5 самолетов. Напряжение нарастало. Наконец к телефону подошел араб, по-русски он не понимал, но догадался позвать нашего советника. Выслушав доклад, на том конце провода сказали: «Ждите команды».

Цели приближались к зоне открытия огня, на запрос «свой», «чужой» не отвечали. Дорогá была каж-

дая минута, а команды не поступало. Снова Кутынцев начал накручивать телефон, снова в ответ: «Ждите команды». Все доклады, распоряжения фиксировались в журнале боевой работы.

Самолеты вошли в зону поражения. Летели они на малой высоте, поэтому расстояние до них быстро сокращалось. Командир дивизиона опять вызывает КП, докладывает о приближении противника к ближней границе зоны поражения. И вот долгожданная команда: «Цели уничтожить!».

Ракетчики вели головной самолет. Офицер наведения старший лейтенант Н. Бешенцев немедленно нажал на кнопки. Взметнулись в небо ракеты. После взрыва яркая отметка рассыпалась на отдельные светлячки. Тут же пропали и другие сигналы. Что произошло, никто не мог понять.

Наступила тишина. Стали ждать. Часа через четыре заметили приближающуюся к позиции машину. Из нее вышел выполнявший в Египте обязанности советника генерал-майор Рожденкин. Не выслушав доклада командира дивизиона, он прошел в кабину управления, начал расспрашивать операторов, связистов, офицера наведения о том, как развивались события. Кутынцев почувствовал неладное. Генерал приказал ему выехать на дорогу и там ждать машины. Николай Михайлович предусмотрительно прихватил с собой журнал боевой работы.

На повороте дороги, куда Кутынцева подвез на уазике рядовой Александр Козачек, офицер впервые попросил у водителя папиросу. С тех пор и стал заядлым курильщиком.

— Вскоре, — рассказывал Н. Кутынцев, — подъехал черный лимузин. Тут же возвратился из дивизиона генерал Рожденкин. На заднем сиденье уже сидел человек, мельком видел его в Александрии среди наших генералов. Я сел рядом с ним, около меня Рожденкин. Через некоторое время они завели разговор о сбитом самолете, он оказался египетским, экипаж погиб. Ехали мы теперь к нашему главному военному советнику для разбора ЧП. Рожденкин стал намекать на то, чтобы я вину взял на себя — дескать, самостоятельно открыл огонь.

Дело, оказывается, было в том, что наши советники по ПВО, находясь в Египте длительное время, не приняли мер для определения маршрутов полета своих самолетов, своевременного оповещения средств ПВО, установки ответчиков. Короче говоря, порядка в воздухе не было, а вину надо было на кого-то свалить. Кутынцев оказался в сложнейшем положении. Как быть? Он решился задать вопрос: «А что мне будет, если я все возьму на себя?» «Вы, — ответили спутники, — получите выговор от Министра обороны. Это максимум. Мы сделаем все для того, чтобы через год его сняли».

Последние слова у Николая Михайловича вызвали сомнение. «Сейчас они могут многое наобещать, а кто потом осмелится из-за какого-то подполковника идти к министру с ходатайством, — размышлял офицер. — Опозоришь себя, как домой тогда возвращаться? Там ждут сын, дочь, все им не объяснишь». Воспоминание о семье придало уверенности, и Кутынцев принял для себя твердое решение: докладывать так, как было на самом деле.

Машина остановилась у роскошного особняка. У входа находилось несколько наших офицеров. Политработник Вячеслав Григорьевич Михайлов шепнул: «Говори правду». Николай Михайлович был очень рад такой поддержке. Ведь все вокруг было чужое, непривычное, обстановка складывалась хуже некуда — и вдруг здравый голос, поддержка.

Вспоминать все это Кутынцеву было нелегко. Он затянулся на всю глубину легких, продолжил рассказ:

— Сначала меня завели в комнату, где находился незнакомый мне офицер. Я молчу, и он ни слова. Вскоре его пригласили в зал, где находился главный военный советник и другие генералы. Через некоторое время позвали и меня. Народу много, все в гражданском, с бабочками; бутылки с минеральной водой. Доложил о прибытии. Посыпались вопросы по правилам боевой работы, технике. Старался отвечать спокойно, взвешенно. Затем попросили рассказать о том, как сбил самолет. Доложил. «Чем можете доказать свои слова?» — спросил главный военный советник. Я положил ему на стол журнал боевой работы. Он внимательно изучил записи, попросил еще кого-то посмотреть. Тот подтвердил, что все сделано согласно настав-

лению. Тогда главный военный советник генерал-полковник Катышкин сказал, обращаясь к генералам: «Вот документ, а у вас одни слова». Он поблагодарил меня за добросовестную службу, пожелал боевых успехов.

Через некоторое время Кутынцев возвратился в дивизион. Встречали его все, кто не сидел за экранами. И солдаты, и офицеры переживали за судьбу командира. Тут он по-настоящему почувствовал силу войскового товарищества. Прибывший затем на позицию генерал-лейтенант Ф. Бондаренко объявил личному составу дивизиона благодарность, а Николаю Михайловичу показал кулак. Тогда он не придал этому значения, но потом этот кулак висел над ним всю службу...

Командир части офицер А. Смирнов тщательно проанализировал эпизод со сбитым самолетом. Куда же делись остальные четыре цели, которые операторы, стреляющий наблюдали на экране? Ситуация, как потом выяснили, оказалась весьма прозаичной. Израильтяне получили информацию о прибытии русских зенитчиков. Они решили провести разведку. Поступили хитро: их летчики пристроились к египетскому самолету и шли за ним на малой высоте. Расчет их прост — первым сбивают ведущего, а они тем временем сумеют совершить противоракетный маневр. По их сценарию все и получилось. А если бы у египетского самолета был ответчик, ракетчики своевременно вскрыли бы замысел, приняли эффективные контрмеры. От возмездия противник тогда бы не ушел.

Весть о сбитом экипаже облетела все войска. Израильские самолеты перестали налетать на Каир. По личному распоряжению Насера дивизион Кутынцева перебросили на гору Мукатам, чтобы «все видели и боялись». Но ракетчикам от этого было значительно труднее нести службу. В любую минуту они могли подвергнуться удару. Постоянное напряжение выматывало. Кроме того, жара стояла невыносимая, в кабине температура поднималась выше 60 градусов. У многих расстроились желудки.

Приходилось принимать жесткие меры для сохранения здоровья людей. Пить только кипяченую воду, перед едой обязательно окунать котелки и руки в раствор хлорки: с дизентерией шутить нельзя. Мы не-

редко негодуем, если вода из крана вдруг стала пахнуть больше чем обычно, а тут изо дня в день едкий запах. Приходилось людей и убеждать, и просить, и строго требовать. Кроме того, какого-либо сносного помещения на позиции не было. Спали в своеобразных норах, да и то по очереди. А когда задует хамсин (пыльная буря), то совсем нашим ребятам становилось невмоготу. Но они держались, вместе с египетскими войсками отражали налеты израильской авиации.

К середине лета агрессор захватил у ОАР (ныне АРЕ. — *В. С.*) Синайский полуостров и сектор Газа, вел активные действия в районе Суэцкого канала. Особенно много неприятностей арабской армии доставляли воздушные налеты противника, сводившие на нет усилия войск. Наши советники вместе с египетским командованием решили для прикрытия приканальных наземных частей создать маневренную группировку. В нее вошли арабские дивизионы и два советских под командованием майора Г. Комягина и капитана В. Маляука. Общее руководство осуществлял подполковник А. Журбилов.

К выходу на новый рубеж обороны готовились тщательно. Заранее готовили основные и ложные позиции, все работы велись только ночью. В ночь на 30 июня совершили марш, изготовились к бою. Днем в районе действий группировки появились два разведчика. Их не стали обстреливать, пропустили. А к вечеру израильская авиация предприняла массированный налет, с особым ожесточением она бомбила позиции подразделений ПВО. В этом бою капитан Маляука первый среди не только наших воинов, но и арабских подразделений сбил «Фантом». Ранее египтяне уничтожали только «миражи» и «скайхоки». Наши ракетчики не пострадали, а несколько арабских дивизионов были выведены из строя. Вскоре было принято решение чаще практиковать выход маневровых групп к Суэцкому каналу, в засаду, и в случае появления самолетов противника открывать огонь. Только так можно было положить конец бесчинствам израильской авиации.

Получил и Кутынцев приказ подготовиться к выполнению ответственной задачи. Новую операцию разрабатывали в глубокой тайне, скрытно провели разведку местности, определили места боевых и лож-

ных позиций. В новую маневренную группировку вошел и дивизион подполковника Константина Ильича Попова. Ранее он служил в Московском округе ПВО, неоднократно отличался на учениях с боевой стрельбой. Кутынцев же служил под Ленинградом. И в Египте они относились к разным частям. Друг друга не знали, познакомились только при постановке задачи.

— Константин Ильич, — рассказывал Кутынцев,— произвел на меня хорошее впечатление. Он понравился мне деловитостью, четким тактическим мышлением, уверенностью, основательностью. А это очень важно, ибо уходящих в засаду успели окрестить смертниками. Умный, смелый сосед в такой обстановке — гарантия успеха и надежда остаться живыми...

Н. Кутынцеву боевую позицию оборудовали в местечке Абусувейр, в 12 км от Суэцкого канала. Боевую операцию наметили в ночь на 1 августа. Ракетчики скрытно свернулись, совершили марш, к утру изготовились к бою. Физические нагрузки переносили все колоссальные: нормативы выполняли в 2—3 раза быстрее. Рядом расположились «Шилка» и переносные комплексы «Стрела-2». Позицию хорошо прикрыли желтыми и зелеными сетями. Для маскировки использовали ветки кустарника из соседнего сада, стебли кукурузы. На выхлопные трубы дизелей надели резиновые трубки и отвели их в кусты, чтобы дым не демаскировал.

Своевременно доложил о готовности и подполковник К. Попов. Севернее занял боевую позицию египетский дивизион. Начало светать. Неизвестность предстоящего дня, реальная встреча с противником тяжким грузом давили на ракетчиков. Чтобы как-то снять напряжение, успокоить людей, Кутынцев приказал еще раз провести контроль функционирования станции наведения ракет. Особенность его в том, что все члены боевого расчета проверяют прохождение команд, качество работы аппаратуры, докладывают на командный пункт о выполнении операций. В конечном итоге оценивается надежность работы систем и механизмов, уровень подготовки специалистов, слаженность действий расчета. Когда все отлажено, отработано, то у людей появляется большая уверенность в себе, в то-

варищах, в технике, снимается груз нервного напряжения.

Еще ночью Кутынцев выслал пост визуального наблюдения в сторону Суэцкого канала. Излюбленным приемом израильских летчиков был полет к боевым позициям египтян на малых высотах. Их, как правило, обнаруживали РЛС на небольшой дальности, и средства ПВО не успевали как следует подготовиться к отражению удара. При такой тактике ведения авиацией боевых действий визуальные посты нередко первыми выдавали информацию, способствовали успешным действиям ракетчиков.

Станция разведки и целеуказаний непрерывно была в работе, следила за воздушным пространством. Станция наведения ракет поддерживалась в таком состоянии, чтобы в любой момент можно было поднять высокое напряжение, выйти в эфир. Каждый номер боевого расчета был готов немедленно приступить к выполнению боевой задачи. Отдыхали посменно прямо на постах.

В то время не было мобильных автоматизированных средств распределения целей между дивизионами. При плотном налете, дефиците времени могло случиться так, что по одному самолету будут вести огонь два подразделения, а какая-то цель останется, как говорят ракетчики, без боевого воздействия. Наши командиры дивизионов заранее условились: Кутынцев открывает огонь по ведущему, Попов — по ведомому. Однако в этот и последующие дни ничего существенного не произошло. Противник выжидал. Наступило утро 3 августа. Около 10 часов появился разведчик. Наши ракетчики пропустили его, а египетские воины не выдержали — открыли огонь. Их позицию израильтяне, естественно, засекли. Все ждали массированного воздушного удара.

В 14 час. 44 мин. с поста визуального наблюдения Кутынцеву доложили о приближении самолетов. Первая четверка зашла со стороны ложных позиций, стала их бомбить. От наших воинов они находились далеко. Египетские ракетчики открыли стрельбу, один «мираж» загорелся и упал.

Через некоторое время появилась новая большая группа израильских самолетов. Шли «фантомы». Те-

перь они заняли позицию египетского дивизиона, намеревались его уничтожить. Огневую мощь этих самолетов ракетчики изучили хорошо: промажешь — от позиции один пепел останется. Кутынцев видел сосредоточенное лицо старшего лейтенанта Бешенцева, застыли в ожидании команды операторы.

Израильтяне, видимо, были уверены, что перед ними всего один дивизион. Поэтому вошли в зону поражения подразделений Кутынцева и Попова. Первым открыл огонь Попов. Израильские летчики по своим приборам засекли пуск ракет, стали совершать хорошо отработанный ими маневр против огня — пикирование с разворотом в сторону своей территории и включением форсажа. Однако один «Фантом» все-таки не ушел, ракета настигла его.

Вступили в бой и подчиненные Кутынцева. По команде стреляющего Бешенцев немедленно нажал кнопки пуска ракет. Не ослабляя внимания за индикатором кругового обзора, командир дивизиона увидел на экране офицера наведения отметки от ракет. Они быстро приближались к эхо-сигналу от самолета. Когда отметки слились, появилось слабое облако — отражение от обломков «Фантома». Цель уничтожена.

Одновременно с боевой работой на основных позициях специально выделенные команды взрывали толовые шашки на ложных, имитировали старт ракет. Имитация оказалась настолько удачной, что израильские летчики приняли их за основные. Четыре самолета зашли с тыла и нанесли удар НУРСами и бомбами фактически по пустому месту. Тактический маневр удался.

Начало боя развивалось в пользу обороняющихся. Подчиненным Попова удалось сбить второй самолет. Интенсивный огонь вели и средства прикрытия. Командир стартовой батареи капитан Николай Ляшенко невзирая на опасность находился на открытой местности, руководил действиями расчетов «шилок» и «стрелы». Они создали вокруг дивизиона плотную стену огня, еще один из «фантомов» загорелся и вскоре рухнул на землю.

Кипела боевая работа и на стартовой позиции. На освободившиеся пусковые установки срочно доставляли новые ракеты, их перегружали, проверяли, докла-

дывали о готовности к пуску. Одновременно расчеты соседних ПУ бегали к арыку с ведрами, таскали воду, гасили пламя, поливали вокруг позицию. Опять же это делалось с целью маскировки: при старте ракет меньше поднимается пыли, труднее засечь место нахождения дивизиона.

Каждый номер боевого расчета четко выполнял свои обязанности. Кутынцев приказал офицеру наведения захватить на сопровождение вторую цель. Налет оказался настолько плотным, что обстрелять все самолеты двумя дивизионами было невозможно. Кутынцев и Попов быстро это поняли и вели огонь только по ведущим, которые оказывались в зоне огня. Очередного ведущего и взяли в свои «объятия» цепкие лучи радаров.

— Взять на РС! — приказал старший лейтенант Бешенцев.

Операторы уже готовы были к выполнению команды. Щелкнули контакты штурвалов, на экранах ручного наведения появилась отметка. Рядовые Вишняков и Алексухин четко удерживали ее в перекрестии электронных визиров, под прямым углом пересекающих экраны. Этим операторам только что перевалило за девятнадцать. В минуты отдыха любят пошутить, посмеяться, но здесь, на КП дивизиона, в решающие минуты боевого напряжения, они не дрогнули, не растерялись, спокойно, будто на обыкновенной тренировке действовали за экранами.

— Внимание, пуск! — Иван Бешенцев, баянист и заводила, любимец дивизиона, вложил в эти слова столько страсти, жажды нанести противнику мощный удар, что даже голос изменился.

Кутынцев заметил, как по лицу офицера наведения текли крупные капли пота. А то, что у самого вся спина мокрая, он не чувствовал. Напряжение боя заставило от всего отключиться, сосредоточить все внимание на отраженных сигналах от целей на желтоватом экране индикатора кругового обзора. Лишь на мгновение он окидывал взглядом офицера наведения, операторов, чтобы убедиться в правильности их действий.

Летчик «Фантома», на который нацелились ракеты дивизиона Кутынцева, будто почувствовал опасность,

попытался совершить резкий маневр, увеличить скорость. Но было уже поздно.

Тут поступил доклад с поста визуального наблюдения:

— Товарищ подполковник, на меня парашютист спускается. Он стреляет...

— И ты изготовься к бою, стреляй, — приказал Кутынцев. — Не теряйся, действуй спокойно, решительно.

Через несколько секунд снова доклад:

— Он приземлился, руки поднял! — радостно сообщил солдат.

— Бери его в плен, не ослабляй бдительности, высылаю подмогу.

Так состоялась встреча нашего солдата и израильского офицера, которого затем переслали египтянам. А в зоне боевых действий дивизиона появилась новая волна «фантомов». Одного из них уже вели подчиненные Кутынцева. И на этот раз ракеты точно настигли цель. Не подкачал и Попов — недалеко от их позиции рухнул очередной самолет. Всего в этом бою противник потерял несколько самолетов, уцелевшие ушли за Суэцкий канал. Девять летчиков попало в плен. Атака захлебнулась.

— Вышел из кабины, — вспоминал Николай Михайлович, — не могу сказать слова. Судорога сковала все тело. А ведь бой длился всего 16 минут. «Товарищ командир, у вас виски белые», — говорит кто-то. Действительно, седина проступила, и не только у меня. Не верилось, что из такой перепалки вышли живыми. Вскоре приехал генерал Михайлов, привез громадный арбуз — всему дивизиону хватило по солидному куску.

Часа через два после того, как отбили массированный налет, на экранах локаторов появились отметки от низколетящих целей. Снова расчет дивизиона занял боевые посты. Ракет оставалось мало, а на экране ракетчики насчитали более десяти отметок. Скорость их перемещения была невелика, они очень походили на отраженные сигналы от вертолетов. Что задумал противник? Посовещавшись, решили: израильтяне хотят заставить выпустить последние ракеты,

чтобы потом окончательно разделаться с дивизионами. Как поступить?

Кутынцев предложил пустить две ракеты, затем посмотреть на действия противника. Так и сделали. Ракеты стартовали, но, минуя захваченную на сопровождение отметку, ушли на самоликвидацию. Значит, в воздухе не вертолеты, тогда отчего отраженные сигналы появляются? Ответить на вопрос никто не мог, пусков больше не делали — берегли ракеты. Позже все выяснили: израильтяне запустили металлические шары. Отличить их от реальной цели особого труда не составляет, но тогда, после интенсивного налета, не сразу сообразили.

Противник больше не рискнул взломать противовоздушную оборону. Так был положен конец бесчинствам израильской авиации. На другой день в египетских газетах появились снимки пленных летчиков, через день и советские газеты сообщили о сбитых самолетах. Хотя и не было в них фамилий наших ребят, но все радовались, поздравляли друг друга — Родина знает об их подвиге.

Через несколько дней Кутынцев со своим дивизионом вернулся на гору Мукатан, на обжитую позицию. Быстро развернули технику, заступили на боевое дежурство. В минуты отдыха старший лейтенант Бешенцев брал баян, все свободные от вахты пели «Подмосковные вечера», «Катюшу». Потом родились и «египетские» песни.

— Не знаю точно, кто автор слов, — рассказывал Кутынцев, — но многие песни, на мой взгляд, были очень душевными, отражали наше настроение, поднимали дух, снимали нервное напряжение, тоску по дому, по родным.

Прошло уже 20 лет с тех пор, а Николай Михайлович тут же вспомнил несколько куплетов.

Кто не был здесь и кто не пил жары,
Тот это все неправильно представит.
Ты не гляди в лицо календарю —
Тут только солнце властвует и правит.

Привет тебе, Али, наш новый друг,
Сын Нила, победившего пустыню.
Сейчас бы в Мурманск, за Полярный круг,
Чтоб русским парням чуточку остынуть.

— Конечно, всем нам очень хотелось побыстрее вернуться домой, — Кутынцев в раздумье постучал сигаретой по пачке, — но превыше всего был долг. «Нам доверили, нас послали, и мы не должны подкачать», — так думали все: офицеры и солдаты, коммунисты и беспартийные. Парням тем — цены нет... Были срывы, были стрессовые ситуации, но не было подлости, предательства, не прятались за чужие спины. Там все — как на ладони, авторитет можно было завоевать только умением, справедливостью, готовностью взять на себя самое трудное и опасное.

В третьей декаде августа Николай Михайлович получил кратковременный отпуск с выездом в Александрию. Там собралось около десятка офицеров. Жили в роскошном отеле, их хорошо кормили, купались, загорали, ловили рыбку типа наших окуньков. 26 августа к вечеру прибежал к отдыхающим замполит местного дивизиона, разыскал Кутынцева, поздравил с Героем. Николай Михайлович отшутился, не поверил, да и другие офицеры сочли это «уткой». Но чуть позднее в гостиницу позвонили и передали приказ Кутынцеву утром быть в Каире, прислали машину.

Николай Михайлович приехал в свой дивизион. Офицеры, солдаты несли дежурство, жизнь шла установившимся порядком. Никто ничего не знает, молчит и командир. Потом поступило распоряжение забрать командиров батарей, офицера наведения, начальника штаба и срочно явиться к главному военному советнику. Там собралось уже много народу.

— За успешное выполнение задания Правительства, — зачитывал генерал-полковник Катышкин Указ Президиума Верховного Совета СССР, — и проявленные при этом мужество и отвагу присвоить звание Героя Советского Союза подполковнику Кутынцеву Николаю Михайловичу, подполковнику Попову Константину Ильичу...

Прибывшие с Кутынцевым офицеры были удостоены ордена Красного Знамени. Командиры пусковых установок «шилок», операторы, планшетист награждались орденом Красной Звезды. Вернувшись в дивизион, вновь заступили на дежурство. Снова душная кабина, каша с тушенкой, песок на зубах, надоедливый хамсин.

Когда приходили газеты, ребята с жадностью набрасывались на них. Хотелось прочитать не только о событиях в стране, но и сообщения о действиях воинов-интернационалистов в Египте. Ведь столько офицеров, сержантов, солдат получили высокие награды. Но их фамилии не публиковали. Лишь в «Красной звезде» порой встречались скупые строки об отражении налетов израильской авиации на позиции египетских войск в зоне Суэцкого канала, о сбитых самолетах.

Родные, конечно, знали о том, что они на арабской земле, но писать об этом запрещалось. Своеобразным источником информации для близких служили открытки с видом египетских городов, знаменитых на весь мир пирамид. Некоторые умудрялись сфотографироваться в арабской одежде, даже на верблюде, высылали фотокарточки под видом открыток домой. Но здесь, в Союзе, не всегда догадывались, кто снят.

Тяга к дому была невероятной, ее порой трудно было преодолеть. Кутынцев знал это по себе, старался чаще разговаривать с офицерами, солдатами. После получения редких писем интересовался новостями. Оператор Василий Алексухин любил рассказывать о Рязани, о есенинских местах. Владимир Вишняков очень скучал по родителям, проживающим в Вязниках Владимирской области, охотно вспоминал о доармейской учебе, работе. Николай Михайлович и сам рассказывал о сыне Юре, ставшем курсантом военного училища, о дочери Ирине. Офицер замечал, что после таких бесед и у него самого становилось легче на душе, и у подчиненных поднималось настроение, светлели лица.

Большие потери при массированных налетах заставили израильское руководство в корне пересмотреть свою политику. Оно пошло на заключение соглашения о временном прекращении огня. Налеты прекратились, но подразделения находились в постоянной готовности, несли боевое дежурство. Так продолжалось до февраля 1971 года. В конце месяца Кутынцев получил распоряжение подготовиться к отплытию на Родину. Эту весть встретили с великой радостью. Без малого год были вдали от родной земли, все, что за это время окружало, безмерно надоело. Вскоре теплоход

«Иван Франко» отошел от Александрии и взял курс к Черному морю.

Прибыв в Севастополь, «египтяне» с первых же шагов пришли в недоумение. Они надеялись на теплую встречу, благодарность за перенесенные адские условия, невероятный труд, за успешно выполненное задание. Но вместо душевности, заинтересованности они услышали казенные фразы, встретили нежелание понять их состояние, глухое равнодушие. Вырвавшись живыми из песков, они оказались на родной земле в изолированном военном городке. Начали отбирать у солдат вещи, одежду, выданные перед поездкой в Египет, выдавали им хэбэ, бывшее в употреблении. В личных делах вместо страны пребывания ставили «спецкомандировка».

— Пытался доказать встречавшим нас нелепость их действий, — с возмущением говорил Кутынцев, — но куда там. Слушать не хотели, ссылались на соблюдение какой-то пресловутой военной тайны. А ведь за рубежом много писали о наших боевых действиях, нередко давали объективную характеристику, высоко оценивая выучку личного состава, нашу технику. Выходит, скрывали сами от себя и не хотели понять, что наносят людям душевные раны. И я, командир, был поставлен в нелепейшее положение: там мне люди верили, беспрекословно выполняли все распоряжения, а здесь, на родной земле, не могу их защитить от унизительных процедур.

Грустно, но все обстояло действительно так. Как потом объяснили: кто-то перестраховался и решено было изолировать «египтян» во избежание огласки. Через пару недель многие солдаты и сержанты уволились в запас, а у кого не вышел срок службы, получили назначения в другие части. Не все гладко пошло и у самого Кутынцева.

— На нас, вернувшихся из Египта, — говорил он, — смотрели с какой-то подозрительностью. В первые два года почти все командиры дивизионов были уволены в запас, сам я долгое время находился не у дел: то за штатом, то на курсах переподготовки.

— Это после боев с настоящими «фантомами»?

— Представьте, да!. Шесть месяцев «учился» у тех, кто и пороху не нюхал. А что делать? Всю свою

последующую службу ощущал чье-то стремление побыстрее сплавить меня на пенсию. Уверен, мне не простили строптивости, которую проявил в конфликтной ситуации со сбитым египетским самолетом. Ведь те, кто там проявил халатность, нераспорядительность, оказались затем в Главном штабе ПВО. «Египтяне» им, как кость в горле, вот они и пытались побыстрее от нас отделаться. Правда, в войсках мы всегда встречали понимание и поддержку. Но больше всего обидно за то, что боевой опыт, добытый в Египте кровью и потом, остался никому не нужным. Его не обобщили, не довели до войск. Потом в Сирии все начинали с нуля, снова платя за чью-то недальновидность, преступную халатность человеческими жизнями.

Слушал я Героя и горько было за нашу действительность. Почему мы так мало знаем о Кутынцеве, Попове, тех, кто воевал в Китае, Корее, Вьетнаме, Сирии? Почему мы стыдимся называть их воинами-интернационалистами. Правда, в последние годы появился ряд публикаций в центральной прессе, но в жизни этих людей ничего не изменилось. Больше того, ту же глухоту, непонимание встретили потом и «афганцы», вернувшиеся домой после кровавой войны.

В свое время «испанцы», воевавшие в 1936—1939 гг., целых полвека добивались права выйти из забвения. Было когда-то принято решение поставить памятник воинам-интернационалистам, но его до сих пор нет; в Москве заложен только камень. С Героев-«египтян» художники-баталисты из студии Грекова писали портреты, делали бюсты; была задумка при Музее Вооруженных Сил оборудовать зал воинов-интернационалистов. Но и эта хорошая идея не воплощена в жизнь.

Интернациональный долг — не только то, что наши офицеры, сержанты, солдаты совершали в чужой стране ради счастья чужого народа. Он вмещает в себя и бессонные ночи, глубокие переживания их родных и близких, горькие слезы потерявших сыновей, мужей, отцов, братьев. История не может безмолвствовать, она должна воспитывать новые поколения достойных патриотов. Забвение подвигов интернационалистов в немалой степени способствовало возникнове-

нию у молодежи пацифизма, нежелания служить в армии.

Достойным людям мы обязаны оказывать необходимые почести. Вдвойне, втройне заслуживают этого воины-интернационалисты. В жизни же они нередко встречают пренебрежение, граничащее с неуважением.

— Пригласили как-то в воинское подразделение на встречу с молодыми солдатами. Приехал я общественным транспортом. На КПП никто не встречает. Тут подошел Герой Советского Союза — участник Великой Отечественной войны. Естественно, пожилой человек. Дежурный провел нас в клуб. Ни командира, ни политработника нет, — делился Николай Михайлович. — Мы с ребятами душевно поговорили, рассказали, за что Героев получили. А покидали военный городок с тяжелым чувством. Почему к нам, ветеранам, такое невнимание?

Почему? Этот вопрос, на мой взгляд, мы не должны забывать, особенно когда соприкасаемся с воинами-интернационалистами. Нет, Николай Михайлович не жаловался, он полон оптимизма, воспитывает внучат, охотно встречается с молодежью. Но его боль можно понять: прошло 20 лет, у «египтян» нет своего общества, клуба, связи между ними с каждым годом ослабевают, со временем тускнеет героическая страница наших Вооруженных Сил. Вот это волнует его больше всего.

— Николай Михайлович, а как сложилась служба молодых офицеров, получивших боевой опыт в Египте?

— Некоторые из них служат достойно и сейчас. С большим удовольствием вспоминаю Николая Зайцева, выпускника нашего Пушкинского радиотехнического училища. Он был помощником начальника штаба, часто приезжал к нам в дивизион, помогал в организации несения боевого дежурства, в подготовке нашей маневренной группы. Он окончил академию, стал генералом. Офицер наведения Иван Сергеевич Бешенцев — полковник, занимает высокую должность. Техник Петр Грепак тоже полковником стал. Радостно за них, за то, что свой боевой опыт они передают молодому поколению воинов противовоздушной обороны...

Герой Советского Союза полковник в отставке Кутынцев всем сердцем за перестройку. И нашу встречу он расценил, как результат ее завоеваний. Ведь раньше журналисты не баловали их, «египтян», ибо все равно материал не увидит свет. Теперь — другое дело: общество становится нравственно здоровее, а правда, объективность — лучший лекарь человеческой души.

Мы расстались с Николаем Михайловичем на площади Дзержинского, в центре Харькова. Он еще раз помахал на прощание рукой, твердой походкой направился к Сумской улице. Встречные видели в нем лишь случайного прохожего. А мимо проходил человек, лично сбивавший хваленые «фантомы», своим командирским умением спасший жизнь подчиненным. Так и хотелось крикнуть: «Люди, поклонитесь Герою-интернационалисту!»

Владимир СИНЮТИН

ТРАГЕДИЯ ЦЕНТРАЛИЗМА

Второй раз за столетие мы переживаем трагедию централизма. В одночасье, усилиями партий, рухнул монархизм, империя осыпалась нам на голову грудой обломков. В гражданской войне, в горниле социальной утопии, в попытках воссоздать элементарные структуры управления на обширных пространствах мы потеряли дворянскую элиту, хрупко нарождавшееся гражданское общество, рафинированную культуру и создали вновь централизм тотального сталинского образца. На разрушении централистской идеи и на воссоздании ее мы потеряли шестьдесят миллионов своих соотечественников. Теперь мы вторично волею провидения и его земных адептов вписываемся в эту отточенную, как лезвие, спираль, подставляем свои бритые беззащитные шеи.

Разрушение централизма, а вместе с ним государства происходит по выверенному алгоритму, словно вся программа занесена на перфокарту и последовательность операции, ее ритмы и сроки есть результат рациональных, основанных на огромном потенциале усилий.

Вот параграфы этой программы.

Параграф первый

Была сметена интегрирующая социалистическая идеология, исключен из развития коммунистический идеал, отвергнуты стратегические цели, которые из будущего формировали наше настоящее, объединяли нас в общий социум, примиряли противоречия, доставшиеся из прошлого. Этот грядущий идеал, отдаленная почти в бесконечность «цель-мечта» проявлялись в обыденной жизни множеством установок, форм коллективного поведения, скрепляющих нас в единое государство и общество. Истребление идеологии лишило народы

общего будущего, вызвало мгновенный рост национальных идей и вер, которые разрывают нас в необратимых центробежных усилиях. Сегодня мы — взорванная, разбегающаяся галактика с черной пустотой в центре.

Параграф второй

Была предпринята и успешно осуществлена атака на централистские структуры, которые своими жесткими, негнущимися двутаврами скрепляли пространственную громаду государства, держали непомерную тяжесть окраин, позволяли в час кризиса концентрировать колоссальный потенциал. Сегодня эти структуры сломаны, и мы превращаемся в груды обломков, где хребты трутся о пустыни, а по равнинам расползаются пропасти.

«Слом командно-административной системы» на практике привел к разрушению экономики, сделав ее абсолютно неуправляемой, породил управленческий хаос, привел к деградации целых отраслей хозяйства. Сегодня наша экономика — это огромная грохочущая машина с вырванными из пазов валами, содранными колесами и шестернями. Все это еще продолжает греметь и вращаться в коробе государства, но уже ничего не вырабатывает, кроме скрипа и грохота, и никто не решается заглянуть в ее истерзанное нутро.

Армия — наднациональная — единый котел интересов, забот, задач; единая техносфера, единая, пронизывающая все государство служба. Армия, своей традицией связывающая прошлое с настоящим, старика с юнцом, — гарант стабильности и суверенности. Школа драгоценного централистского опыта, позволявшего не просто выиграть ужаснейшую войну, противостоять давлению великой американской империи, но и осуществить колоссальные научно-технические программы, толкающие нас в цивилизацию двадцать первого века. Армия сегодня истребляется, как колонны в афганских ущельях. Поджигаются головные и хвостовые машины, и застывшую, утратившую движения махину начинают планомерно сжигать. Парализованный в своих действиях генералитет, доведенные до умопомрачения личный состав и младшее офицерство превращают армию в не-

движную деморализованную громаду, лишают ее основных оборонных функций.

Партия, казавшаяся единой, пронизывающая своей нервной тканью всю непомерную мускулатуру страны, примиряющая в своих недрах этнические, сословные, профессиональные, мировоззренческие противоречия,— партия сегодня не может быть консолидирующей силой, ибо сама деконсолидирована, рассечена на отрезки фракций, наполнена усобицей. «Социал-демократы» стремятся к идеалу либеральных европейских партий. «Неосталинисты» видят путь к стабилизации и развитию через тоталитарный централизм. «Здоровые силы» исповедуют державную социалистическую идею, основанную на гуманистическом, концептуальном централизме. Часть прибалтийских коммунистов склоняются к демохристианству. В Средней Азии партийная форма слабо маскирует клановые организации, аналоги феодально-средневековых сатрапий. Партия, отключенная от власти, лишенная мировоззрения, ввергнутая в мировоззренческий хаос, становится ответчицей за провалы прошлого, нынешний кризис, отдается на откуп взвинченной общественной истерии, устраняется на глазах с политической арены.

Такова судьба трех важнейших централистских структур, сгорающих, как бикфордов шнур, превращаемых в длинные, от океана до океана, прожилки пепла.

Параграф третий

Атака на «русский фактор», на Россию, на русское. Государственная природа русского индивидуального и коллективного сознания, психологический тип русского человека, открытый для межнациональных связей, жертвенность русской экономики, культуры, этноса, способствовавшая созданию государства. Все это подвергается депрессии, отвержению, оскорблениям. Русским внушается комплекс неполноценности, их блокируют, устраивают судилища русской истории, русскому характеру, делают из них ответчиков за вселенскую катастрофу. Русофобия есть политичесий инструмент для разрушения многонационального государства, во многом питаемого русской способностью к объединению.

Параграф четвертый

Выход на поверхность экономической жизни громадных, сконцентрированных в частных руках богатств. Легализация криминальных дельцов, получивших возможность грабить незащищенных сограждан, скупать материальные ценности, власть, культуру, формировать политику, создавать общественный идеал, устранять и репрессировать неугодных. Стремительно нарастающее социальное неравенство, узаконенный идеал этого неравенства, купленная неуправляющая власть, купленная, оболванивающая культура — все это делает нас страной миллионеров и нищих, сеет ненависть, лишает гражданского единства, терзает подозрительностью и враждой.

Параграф пятый

Мы подключаемся к мировой экономической системе, к мировым деньгам, к мировой финансовой энергии, которая должна через концессии и совместный бизнес влиться в наши омертвелые ткани, окропить нас живой водой. Эти деньги крохотными раскаленными ручейками вливаются в нашу берестяную и лубяную экономику и испепеляют ее. Протачивают для себя каналы, как в воске. И наш социалистический гигант, наш пламенный монстр превращается в пень, изъеденный термитами, наполненный трухой никому не нужных рублей, вневалютных операций. Мировые финансы имеют своих хозяев, своих исследователей, открывателей. Это область огромных познаний, тайно сберегаемых от непосвященных. Пристегиваясь к мировым деньгам, мы отдаем себя в руки истинных хозяев мира. Централизм становится фикцией, средством обслуживания зарубежных негоциантов и скупщиков русской пушнины, икон, молибдена.

Параграф шестой

Оскудение экономики, бедность, полуголодная жизнь, отсутствие перспективы, нравственная и психическая депрессия, безвластие побуждают население к забастовкам. Они еще отраслевые, захватывают то шахты, то железные дороги, то таксопарки. Но они готовы

стать «межотраслевыми», остановить моторы и двигатели в целых регионах, остановить страну в целом. Лукавые политики, знающие законы массовых психозов, своими призывами к всесоюзной стачке нажимают спусковой крючок народных волнений, срывают стоп-кран всей экономической и политической жизни.

Забастовки, страшные сами по себе, чреватые столкновением с силами порядка и армией, ужасны тем, что таят в себе угрозы крупных технологических катастроф. В прошлом забастовки путиловцев и ленских приисковых рабочих при тогдашнем состоянии техносферы не грозили взрывами городов и отравлениями рек. Сегодня забастовки на атомных станциях и химических заводах, на нефтепроводах и фабриках боеприпасов грозят чернобылями невиданной силы. Горящие на горизонтах города, беженцы, спасающиеся от взорванных ядерных котлов, непроизвольные пуски баллистических ракет, убитая на огромных пространствах биосфера — вот что скрывается за всесоюзной стачкой.

Параграф седьмой

Заключительным аккордом в этой апокалипсической симфонии является гражданская война в СССР со всей беспощадностью прежней войны, с добавлением новых кошмарных компонентов, привнесенных военно-технической цивилизацией. Мир будет с ужасом взирать на наши кровоточащие пространства, изрыгающие в атмосферу и океаны ядерные и химические миазмы. В интересах безопасности человечества, спасения планеты и рода людского не исключена коллективная попытка стран мира стабилизировать процесс в СССР. Новая Антанта предпримет попытку оккупировать беспомощную, безоружную страну, установить контроль через военные комендатуры в городах и на космическом уровне.

Вот пункты разрушения централизма, из которых не исполнены лишь полтора последних.

Сейсмические волны этих грозных ударов распространяются за пределы СССР во внешний мир. Разрушена в одночасье вся геополитическая архитектура Восточной Европы, создавая которую страна заплатила громадную цену. Нарушен баланс внутриевропейских

сил с непредсказуемыми последствиями. Сентиментальная теория «Европа — наш общий дом» привела к крушению восточноевропейских компартий, смене государственности, неизбежному объединению Германии. К концу двадцатого века в центре Европы вознесется немецкий индустриальный гигант, исполненный энергии, окрыленный пангерманской идеей, захватывающий в свою гравитацию исконные германские земли. Политическая карта Европы меняет цвета и конфигурацию, и кости русских пехотинцев шевелятся в своих безвестных могилах.

«Философия нового мышления», «примат общечеловеческих ценностей над классовыми» на деле обернулись пренебрежением интересов социалистического государства и утолением амбиций империалистических олигархий. Вторжение американцев в Панаму знаменует новый этап в международных отношениях, когда ослабленный, устраняемый из регионов мира Советский Союз больше не может служить сдерживающим фактором для экспансии буржуазных империй. Множество малых стран и народов, извлекавших пользу из недавнего противостояния, как мыши на дудку, послушно побегут на зов Вашингтона.

Сегодня Советский Союз слаб, как никогда. Кризис семнадцатого года проходил на фоне общемирового кризиса и разрухи. Наш нынешний кризис проходит на фоне мирового процветания.

Вина за провалы пятилетней политики лежит на либералах, бездумно повторивших опыт разрушения централизма. Они, либеральные экономисты, писатели, историки, десятилетиями находясь в оппозиции к собственному государству, ориентируясь духовно и интеллектуально на демократический Запад, слишком мало узнали о собственном народе, о его психологии и подсознании, об угрюмых углах нашего социума, о наших казармах, бытовках, скотных дворах. Они вторглись со своим романтизмом, своим дилетантским нетерпением, с фальцетами своих призывов и лозунгов в глубинный, сокровенный мир народа, где притаились громадные противоречия, страшные незабытые драмы, тончайшие, неучтенные энергии, захваченные из прежних исторических эпох. Вторично либеральная мысль, вскормленная на иной культуре и политологии, пренебрегла ге-

нетическим опытом страны и народа, осуществляет безответственный эксперимент.

Катастрофическое сознание есть обыденное сознание сегодняшних дней. Катастрофа дышит в окна, туманит домашние очаги, омывает трибуны съездов, колыбели младенцев. Различные типы личностей реагируют на катастрофу различно.

В одних приближение катастрофы рождает паралич. Социальный страх, унаследованный от отцов и от дедов, цепенит их, превращает в соляные столбы. И целые части общества окаменели в ожидании бед.

В других катастрофы рождают отчаяние, ненависть, тотальное отрицание, истерию крушения. «Чем хуже, тем лучше»—их клич. Они в своем страдании ускоряют, убыстряют все явления катастрофы, ее проводники, ее воплощение. Их цель — разрушение всего сущего до молекулярного, до атомарного уровня.

Третьи, не веря в земные средства, в земное разумное урегулирование, уповают на чудо. Только чудо, по их мнению, может спасти государство, защитить народ. Только Богородица, молельщица земли Русской, может заступиться. Мистические чаяния, прозрения, пророчества, ожидание Мессии, Ангела Небесного, надежда на внезапный проблеск среди чернильной тьмы—таково состояние душ в этих религиозно настроенных группах.

Четвертый, самый активный, деятельный слой, видя пропасть, слыша ее дыхание, оглохнув от рева преисподней, старается из последних усилий спасти государство и общество. Завернуть у края пропасти мчащийся без дорог, без рулевого управления грузовик. Они конвульсивно действуют, создают группы, партии, кооперативы, программы спасения, политические клубы, экологические форумы. Они выступают с инициативами, формулами спасения. Этот слой заслуживает самого пристального внимания. Если катастрофа будет замедлена, оползень застынет на половине горы, трещина в реакторе остановится в стальной оболочке, какие рецепты спасения будут предложены обществу? Что они, эти модели развития, которыми кормятся наши интеллектуалы, за которые хватаются наши политологи и обществоведы? Куда мы пойдем, если останется земля, по которой идти?

Две формулы общественного устройства, два вектора пути, две идеологии развития циркулируют в нашем общественном сознании, исповедуются группами интеллектуалов, имеют экономические и социальные проработки, собрали под свои хоругви множество приверженцев, готовы **осуществиться в политическом** *действии.*

Одна из них — **встраивание в** *мировое развитие. Большевики-революционеры сделали открытие, по которому буржуазная история ведет в тупик, буржуазная цивилизация обречена на гниение и будущее этой цивилизации — пустырь с обломками прежних формаций. Большевики решили выделить Россию из мирового развития, вычленить ее в самостоятельную историю, в самостоятельное человечество, в самостоятельную планету, вырвав ее, как Луну, из гибнущей, обреченной Земли. Семьдесят лет советской истории — это вычлененность, путь к суверенному. К моменту достижения этой суверенности, к семидесятым годам военно-стратегического паритета, мы превратились в Луну, взлетевшую на собственную орбиту. Но, проделав эту титаническую работу по вычленению, израсходовав на нее весь реальный потенциал развития, мы оглянулись и узрели на оставленной Земле не пустырь, а цветущие цивилизации Америки, Европы, Японии, а исследовав свою суверенную Луну, обнаружили, что моря ее без воды, долины без растений, а небо без атмосферы. И возникла идея возвращения Луны на Землю, подключения ее к живительным, плодотворным энергиям праматери. Идея возрождения. Притча о блудном сыне. Сказка о живой и мертвой воде.*

Встраивание в мировое сообщество громадного евразийского материка СССР невозможно. Нет такого космодрома, куда мог бы приземлиться наш обугленный, утомленный полетом «Буран». И Запад готов принимать нас только по частям, по кусочкам, чем меньше — тем лучше. Доктрина встраивания подразумевает расчленение СССР на республики, регионы, отдельные зоны, города, городки, хутора, на отдельные индивидуальности. Нас примут расчлененными, трансплантируют поэлементно в живые организмы Запада.

Встраивание предполагает насилие. Народ, пролезший однажды сквозь игольное ушко социалистического

строительства, сточивший с себя слои культуры, веры, потерявший десятки миллионов соотечественников, вторично должен проделать этот путь в обратном направлении, и сделает он это только под воздействием силы. Нас погонят в царство свободы жезлом железным. Нас повергнут в рай, исчетвертовав перед этим на плахе. Стальные вожди либерализма вызревают на наших глазах, либеральные писатели и историки готовят себя в министры внутренних дел.

Другая модель, несущая в себе черты реальных проработок, — неосталинистский прорыв сквозь отсталость, деградацию, хаос. Сталин, получив в управление разоренное, обнищавшее государство, страшно и безжалостно обобрал народ, сконцентрировал добытый в ограблении продукт в локальных центрах, прорвался сквозь эти центры в индустриальное общество, догнав на отдельных стратегических направлениях развитые страны мира. Сегодняшняя неосталинистская политика предполагает вторичный побор, вторичное обирание народа, с тем чтобы пополнить нашу оскудевшую казну, собрать по сусекам ресурсы и в тех полюсах развития, где еще кипит интеллектуальная и технологическая жизнь, совершить прорыв в постиндустриальное общество, прикоснуться к Японии и Америке на главных направлениях, превратив при этом остальные зоны страны в нищенствующий организованный лагерь, подчиненный футурологическим целям. Этот ход, эта программа развития, как и первая, предполагают насилие, тоталитарный строй, жесткую упрощенную организацию всех сфер бытия.

Так намерены действовать наши торопящиеся вожди-интеллектуалы, предлагая свои рецепты и способы выхода из катастрофы.

И что же? Нам есть из чего выбирать?

Откажемся от иррациональной, уже бесполезной любви к государству ради индивидуального спасения и блага, ради «маленького человечка», который есть центр и вершина вселенной? Или в который уж раз презрим себя, нашу малую смертную жизнь ради могущественного, пребывающего в веках государства?

Увы, народ не вынесет больше насилия. Ни того, ни другого. Подавленный, загнанный с улиц и митингов в свои общежития и бараки, впряженный в желез-

ное ярмо, повинуясь грозному вознице, указующему путь на Сан-Франциско или Магадан, народ не сдвинется с места, просто упадет, умрет, растает, ибо усталость народа велика, становая жила его порвана в прежних экспериментах, и он предпочтет умереть под ударами жезла железного, но больше не трогать с места эту чугунную колымагу, застрявшую среди льдов и пустынь.

Как же нам быть? Во что верить? Каким речам внимать?

Есть третья, похожая на утопию, картина, отталкивающая натуры деятельные своей прозрачностью, нематематичностью, неконкретностью. Третья модель развития, исключающая диктатуру и смерть. Ее не услышишь на митингах, не прочтешь о ней в модном журнале, не отыщешь на философских симпозиумах. Но она возможна, предчувствуется. Она где-то рядом, но не в залах, не на выставках, не под ярким светом прожектора. Она — в подвале, на чердаке, в гнилой закопченной баньке, непритязательная, прячется, колченогая, с пузыриком на устах. Ее нужно искать, выкликать осторожно, не в мегафон, а в тихую детскую дудочку.

Наше общественное сознание представляет собой голую лесосеку с гнилыми, черными пнями прежних школ и воззрений, философских и религиозных течений, экономических и социальных культур, эстетических и научных учений. Все было срезано под корень, и вместо леса, вместо грандиозной, славной на весь мир культуры, русского духовного Ренессанса, запоздало и мощно расцветшего, вместо всего этого — гнилые, скользкие пни, нефтяная слизь болота.

Еще недавно казалось, что так будет всегда, навеки. Но чудо — некоторые пни зазеленели, от некоторых ржавых корней кинулась вверх молодая поросль. Мы начали узнавать по клейким молодым листочкам породы прежних деревьев.

Будущая идея развития, будущая формула нашего бытия скрывается в будущем, еще не возросшем лесу нашей истребленной культуры. Только взрастив всю флору наших идей, дав ей сомкнуться в живой, трепещущий свод, мы сможем расслышать в гуле и шуме вершин истинное слово нашей жизни. А до этого все

будет ошибка, конвульсия парализованного катастрофой ума.

Надо сознательно перестать торопиться. Пойти на потерю социального времени. Потратить весь следующий век на взращивание культуры. Надо перестать мыслить пятилетками, кампаниями, от съезда к съезду, от лидера к лидеру и вновь научиться мыслить столетиями. Леса вырастают за столетия. Царства создаются столетиями.

Главный, основной тип человеческой личности должен отказаться от черт железного вождя, блистательного воина, волевого командира и менеджера. И обрести черты садовника, лесника, пастыря. Он должен обходить в непрерывном добром дозоре свое оскуделое царство и взращивать, лелеять, поливать усыхающий стебель, подпирать ломающийся. Этот забытый тип должен возродиться на нашем народном пепелище. Его ждет, желает народ.

Мы живем с топором в спине. Мы оплели этот топор своей живой тканью, обтянули его своей живой кожей, но, шагая, чувствуем его лезвие под сердцем. Основная, насущнейшая задача сегодняшнего общественного сознания — это немедленно провозгласить гражданский мир, выработать теорию гражданского примирения, не дать разразиться гражданской бойне. Надо вырвать из спины топор. Надо остановить, заговорить пролитую в недрах нашей семидесятилетней истории кровь. Она, эта пролитая кровь, вопиет, разрушает все наши начинания, туманит безумием глаза. Надо, наконец, снести в общую братскую могилу красные и белые кости. Надо отслужить на этой могиле всенародную поминальную тризну, устроить братание и великое целование. Положить предел распре. Именно на этой братской могиле сойдутся сегодняшний генерал и священник, партиец и неформал. Именно на этой могиле будет выращена культура-страстотерпица, тот будущий сад идей, в котором родится Истина.

Утопия есть сверкающая тень катастрофы. Если нам суждено уцелеть и разрушение государства и общества будет остановлено, пусть первым деянием власти станет вселенское, провозглашенное с лобного места примирение. Пусть никто не будет призван к от-

вету. Виноваты не нынешние люди, а пролитая прежде кровь.

Трагедия централизма есть трагедия пролитой крови. Она на всех нас. Искупление пролитой крови есть проблема культуры, морали, религии. Есть главный центр нашего измученного бытия.

Если случится страшная, немыслимая для русского сознания беда, и расколется государство, и обобранный, обманутый своей тысячелетней историей народ окажется вдруг один, а недавние «братья», расхватав пожитки, кинутся в свои «национальные шлюпки» и уплывут с накренившегося корабля, — что ж, нам некуда уходить. Изнемогшие, потерявшие капитанов, со сломанной рубкой и разбитым компасом, мы спустимся, стар и млад, в полузатопленный трюм и станем откачивать воду, затыкать своими телами бреши, крепить корабельный остов. Мы выправим крен, восстановим надстройки и мачты, найдем среди клубящихся туч Полярную указующую звезду. Станем плыть.

Русская государственность, воплощая «русскую идею» политически, экономически и духовно, будет построена заново. Она собирает в себя все лучшее из долгого тысячелетнего царства и мгновенно пролетевшего семидесятилетия советской истории. Уже сегодня невостребованные перестройкой умы сложили концепцию нашей будущей экономики, образовательной системы, общественных институтов, глобальных связей русских с миром. Мы будем долго вставать, встанем страшно избитые, в переломах и вывихах, но не ожесточенные, а умудренные.

Народ наш в душе своей светел, трудолюбив и сметлив. Подключен своим духом к земным и небесным энергиям. Не в час корабль русской государственности будет построен, не в день собор народного идеала будет воздвигнут. Но есть чертежи и работники.

Об этом же — после.

Александр ПРОХАНОВ

ГЛАВКОМ РЕСПУБЛИКИ

Сергей Сергеевич Каменев — выдающийся военный деятель. Главком всех вооруженных сил Советской Республики в самые тяжелые для нее годы — годы гражданской войны. О Каменеве нет глубоких научных исследований, нет художественных произведений — в 1937 году, уже после смерти, его объявили врагом народа.

Киноповесть Л. Крайнего «Главком Республики», отрывок из которой мы предлагаем читателям, рассказ о человеке, с чьим именем связаны многие выдающиеся победы Красной Армии в годы гражданской войны.

1919 год. Середина мая. Ночь. По железной дороге движется специальный поезд. Всего три вагона. В одном из них у окна стоит Сергей Сергеевич Каменев. На кожаном диване спят жена и дочь Каменева. Свет ночника бледен: салон вагона в полумраке.

За окном — луна и звезды. Каменев задумчив. Какие думы владеют им? И куда следует этот необычный поезд?

На экране — крупным планом лицо Каменева, его глаза, их глубина.

Мелькают телеграфные столбы темными расплывчатыми пятнами, проплывают полустанки, освещенные только светом луны, косматые, с уродливыми тенями.

Колеса стучат на стыках, из букс сыплются искры, огнедышащий паровоз, стремительный, рвущийся вперед...

На фоне поезда название фильма:

«ГЛАВКОМ РЕСПУБЛИКИ»

1919 год. Симбирск. Здесь проходит совместное совещание представителей Реввоенсовета Республики, Главкома и Реввоенсовета Восточного фронта.

Командующий фронтом Каменев докладывает новый план.

— В этом плане, — говорит Сергей Сергеевич, — мы учли ваши указания, товарищ Главнокомандую-

16 Зак. 37

щий. Вместе с тем считаем целесообразным, об этом мы вам уже докладывали, реализовать предложение Фрунзе. Суть его — к нанесению мощного флангового удара, кроме 1-й армии, привлечь часть сил, действующих на оренбургском и уральском направлениях. Они составят ударную группу 1-й армии и после сосредоточения в районе Бузулук, Михайловское перейдут в наступление в северном направлении и нанесут поражение главным силам Западной армии, которые рвутся к Самаре и Симбирску.

— Предложение разумное, — говорит Главком Вацетис. — План через десять дней представить мне. В нем должны быть учтены изменения, которые произойдут за это время в обстановке. В состав Южной группы дополнительно включить 1-ю и 5-ю армии, создать при ней оперативный штаб. Командующим Южной группой остается Фрунзе. Образовать Северную группу в составе 2-й и 3-й армий. Управление группой возлагаю на командующего 2-й армией Шорина. Волжская военная флотилия в оперативном отношении подчиняется непосредственно командующему Восточным фронтом.

Каменев в служебном кабинете. Поздний вечер. На столе оперативная карта, несколько цветных карандашей, лупа. Входит начальник штаба Лебедев.

— Здесь документы, которые вы приказали доставить вам, — передает объемистую кожаную папку с бумагами.

Квартира Каменева. Варвара Федоровна в наброшенном на плечи пуховом платке нервно ходит по комнате. Она ждет мужа. Варвара Федоровна привыкла к тому, что Сергей Сергеевич поздно приходит домой, порой глубокой ночью, нередко не приходит ночевать, но ждет она его всегда.

Раздается телефонный звонок. Варвара Федоровна снимает трубку.

— Я выхожу, Варюша. Через четверть часа буду дома, — говорит Сергей Сергеевич.

Варвара Федоровна надевает пальто, на голову набрасывает шаль. Одевается и дочь Наташа. Вместе они выходят на балкон.

Луна светит ярко. Ее сияние пронизывает ночь голубым трепетным светом.

Первой замечает Сергея Сергеевича Наташа.

— Папа!

Каменев с небольшой группой штабных работников виден вдалеке. Он идет быстрым шагом. И вдруг в ночи раздаются выстрелы. Со стороны сквера бежит человек и стреляет в командующего фронтом.

Варвара Федоровна срывается с места. И вот уже ее пуховый платок, упавший с головы на плечи, белым пятном виден в темноте. Наташа, оцепенев от страха, широко открытыми глазами смотрит на то, что происходит.

Раздаются ответные выстрелы. Террорист резко бросается в сторону и исчезает.

Варвара Федоровна прижимается к Сергею Сергеевичу.

— Ну, полно, полно. Успокойся.

— Но ведь он мог убить тебя.

— Мог, разумеется, но, как видишь, промахнулся.

— А почему ты не пригнулся?

— Негоже командующему принимать такие позы.

Симбирск. Тайная квартира заговорщиков. Сюда только что вошел запыхавшийся террорист, стрелявший в Каменева.

— Докладывайте, Сокольский, — говорит пожилой, благообразного вида мужчина.

— Господа, я промахнулся.

— Вы с ума сошли!

— Господин генерал, Каменев от нас никуда не денется. Уж если он на мушке, то свое получит. У меня с ним личные счеты.

— Что?! — голос генерала задрожал на высокой ноте.

— Я служил у него в полку. Он оскорбил меня. И я должен получить удовлетворение.

— Молчать! Негодяй!

— Господин генерал, как вы смеете!..

— Плевать мне на ваши оскорбленные чувства! Плевать! И эти забытые игры в честь и достоинство оставьте! Россия гибнет, Отечество! И мы не кучка оскорбленных и униженных. Мы рыцари белого движения, бойцы против большевизма. Идейные бойцы, спасатели веры. Вы это сознаете, Сокольский?! Кругом мерзость, измена, предательство. Лучшие наши

люди продаются большевикам. Генералы, генштабисты и даже титулованные особы, такие, как граф Игнатьев, например. Мы, оставшиеся в строю, должны до самозабвения быть преданы нашим идеям, вера должна быть фанатичной, нервы стальными, рука твердой.

— Господин генерал...

— Вы провалили операцию, Сокольский. Тщательно подготовленную. На Каменева вас вывели верные наши люди.

— Но ведь не все потеряно.

— Все, Сокольский, в данный момент — все. Контрразведка фронта, не сомневаюсь, идет по нашему следу. Поэтому приказываю — на время из Симбирска всем уйти и затаиться. О том, как действовать дальше, я поставлю вас в известность позднее. Все свободны. Уходить по одному. Подполковника Зудина прошу остаться.

Генерал и Зудин остаются вдвоем.

— Сокольского бесшумно убрать, и немедленно. Авантюристы нам не нужны.

— Слушаюсь, Павел Робертович.

Симбирск. Кабинет Каменева. Заходит член Реввоенсовета Лашевич.

— Сергей Сергеевич, к вам боец. Говорит — по очень важному делу.

— Пусть войдет.

Высокий, широкоплечий, с копной пшеничных волос, выбивающихся из-под кубанки, парень лет тридцати переступает порог кабинета.

— Проходите, садитесь, — приглашает Каменев.

— Стала быть, ты и есть гражданин Каменев — наш главный командир?

— Да, я Каменев.

— А я — Яков Пугач, взводный из дивизии Чапая, Василия Ивановича, стала быть. Тут дело такое: Василий Иваныч, мы вот все, его бойцы, сумление имеем. Прослышали, што над нами енерал поставлен, из ихних превосходительств, стала быть. Ну вот — встревожились. Василий Иванович, доблестные красные бойцы гутарют: поезжай, Яша, и перескажи, что Чапаев, стала быть, деппо и пошпо пачеку и никаких антиресов, окромя рабочих и крестьянских, не признает.

— Вот как.

— А што, дело-то сурьезное. Золотопогонников, стала быть, в хвост и в гриву. А тута, нате — самый што ни есть енерал и нам, стала быть, в командиры. Оторопь берет. А по чести ли все? Может, чаво и не так. Издали-та рази разглядишь. Стала быть, вот я и здеся.

— Ну и что теперь скажешь?

— Да навроде как свой мужик-та. Усищев таких я отродясь не видел. И глаз цепкий. Контру, стала быть, ухватишь. И не енерал навроде.

— Был полковником.

— Все-таки, стала быть, был.

— Полковником Генерального штаба.

— Во, стала быть, генеральский полковник. Молва-та людская шибче птицы быстрокрылой над землей летить. Чиво же мне Чапаю теперяча сказать? С чем на глаза-та явиться?

— Чаю хочешь?

— Чаво?

— Чаю, с сухарями, ржаными?

— Само собой.

— Ну, тогда располагайся.

— Я?

— Ну, да.

— С радостью...

Чапаев на коне объезжает боевые позиции полка. Подъезжает на рыжем рысаке Яков Пугач.

— Воротился, стала быть, я, Василий Иваныч. Задание исполнил, прикажи доложить.

— Докладывай.

— Стала быть, перво-наперво усищи — во-о-о! Глазищи, как у разбойника. Старик правильный. Денщиков и вообще бездельников подле себя не держит. Сапоги сам чистит, как ты, Василий Иваныч. Твердый и смелый в речах. Подручных держит в руках. Над планами они торчат до петухов. Баб в штабе не приметил. Лицо чистое, ласковое. Старик «свой» и не зазнается: единым махом к нему проскочил. Говорит, скажи привет доблестным войскам пугачевской округи и Чапаеву. Сам, говорит, скоро приеду знакомиться, как только, стала быть, здеся вздохну. На прощание за руку взял.

Советские войска нанесли удары по колчаковским армиям. На экране карта, и на ее фоне — атакующие конники, пехота, артиллерийские дивизионы, ведущие огонь. Враг отступает. Потери его растут.

— Передайте Фрунзе решение Реввоенсовета фронта изменить направление Бузулукской ударной группы и войск правого фланга 5-й армии с северо-востока на север и северо-запад, — говорит Каменев начальнику штаба фронта Лебедеву. — Сделайте это немедленно.

Враг оказывает упорное сопротивление, пытается даже контратаковать. Но колчаковский фронт прорван в полосе шириной 500 километров, и стратегическая инициатива на главном, самароуфимском, направлении перешла к войскам Восточного фронта.

Дивизия Чапаева нанесла уничтожающий удар противнику.

Каменев по прямому проводу разговаривает с Василием Ивановичем.

— Земной поклон вам и всем бойцам дивизии за такой подарок.

Военный госпиталь. Палата для выздоравливающих. Каменев сидит на табуретке у кровати Сокольского.

— Что с вами произошло?
— Не знаю. Кто-то напал сзади, ночью.
— Чем занимались?
— Искал встречи с вами.
— Для чего?
— Вы помните ночь, городской сквер и человека, стрелявшего в вас.
— Это были вы?
— Да. Я хотел убить вас. Но вот незадача — промахнулся.
— В полку вы стреляли метко.
— Наверное, помешало волнение, и потом на бегу в движущуюся цель попасть сложнее. В следующий раз не промахнусь.
— Послушайте, Сокольский. Вы русский офицер...
— Вот именно. И большевикам за тридцать сребреников, как Иуда, продаваться не собираюсь.
— Неужели вас, русского, не заботит судьба Отечества?

— Заботит, но в ином плане, чем вас. Я дворянин. И нового порядка вещей не принимаю и не приму. Я за восстановление монархии. Меня потрясает, как вы, полковник Генерального штаба, получивший образование и воспитание в трех лучших военно-учебных заведениях Отечества, верой и правдой служивший государю, вдруг так легко от него отреклись и встали в строй варваров, более того — отдаете им опыт, знания, руководите этой чернью, их руками убиваете лучших сынов Отечества.

— А вы не задумывались, Сокольский, что столетия эти лучшие сыны, как вы выразились, угнетали народ, держали его в темноте и невежестве, обирали до нитки и на страданиях и горе миллионов своих братьев строили свое благополучие. Вам не кажется это безнравственным, а проще говоря — подлостью?

— Нет, не кажется, потому что я сын своего класса.

— Но ведь класс-то этот эксплуататоров, насильников, грабителей... Вот что я вам скажу, Альберт Геннадьевич, революции не возникают на пустом месте. Ими движут мощные внутренние силы общества. В России за десять лет произошли три революции. Октябрьская — это революция всего народа. И возврата к старому не будет. Классу эксплуататоров в России — конец. И в гражданской войне окончательная победа будет за революционным народом. Постарайтесь в этом поскорее разобраться, Сокольский. Иначе локомотив истории уйдет вперед. А вы, еще молодой человек, окажетесь у разбитого корыта. Я говорю вам это как бывший ваш полковой командир, который делил вместе с вами тяготы окопной жизни. И еще — вы здесь под чужой фамилией. Я не задаю вам никаких вопросов. Потом все расскажете сами.

— Сергей Сергеевич, а ведь вы не у дел сейчас. Фронтом командует другой человек. Вас отстранили от должности?

— Похоже, что так, хотя официально я в отпуску.

— За что же?

— Не знаю.

— Так не бывает. Вы отстранили меня от долж-

ности. Кстати, я счел это оскорблением моего личного достоинства. Так что без причины...

— Я действительно не знаю за собой никакой вины.

— Нет, Сергей Сергеевич, тут другое. Кто вы для них — белая кость, военспец. Порода ваша барская. Нужны им сейчас военспецы — вот они вас и используют, а чуть что — пошел вон. Вы, конечно, слишком далеко зашли. Но шанс еще есть. Уходите от них.

— Выздоравливайте, — дружелюбно говорит Каменев. — И подумайте над тем, что я вам сказал.

Квартира Каменева. Вечер. Заходит член Реввоенсовета фронта Гусев.

— А не поехать ли вам, Сергей Сергеевич, в Москву? Чего тут томиться. Зайдите к заместителю председателя Реввоенсовета Республики товарищу Склянскому. Поговорите с ним. Все расскажите. Может быть, и к Владимиру Ильичу попадете.

— А как я до Москвы-то доберусь? Теперь я частное лицо.

— В Москву отправляется начальник военных сообщений Жигмунт. Думаю, он не откажется предоставить вам место в своем вагоне.

— Что ж, поеду, пожалуй, а то просто сидеть и ждать, да еще в полном неведении — мочи нет.

— Да, кстати, Сокольский, ну тот, что в госпиталь попал, — сбежал. Наша служба ведет розыск.

Москва. Вокзал. Только что здесь остановился специальный поезд. Каменев выходит из вагона. Его провожает жена.

— Вы с Наташкой оставайтесь в вагоне и никуда не ходите. Ждите меня, — говорит Сергей Сергеевич.

— Удачи тебе. — Варвара Федоровна улыбается. Улыбкой она стремится ободрить мужа.

В вагоне Варвара Федоровна и Наташа наводят порядок. С дивана убирают постель.

Появляется адъютант Жигмунта. В руках у него две чашки дымящегося чая.

— Вот, пожалуйста, только уж не взыщите — морковный. И съестного ничего не осталось.

— Спасибо большое, Степан Акимович.

В салон вагона входит Каменев. Мрачный.

— Склянский выслушал, но определенного ничего не сказал, — растерянно говорит он. — Видимо, придется возвращаться ни с чем.

— Успокойся, — ласково говорит Варвара Федоровна и нежно дотрагивается до его плеча. — Садись. Сейчас я о чае позабочусь.

Появляется комендант вокзала.

— Товарищ Каменев, вас вызывает товарищ Склянский.

Реввоенсовет Республики. Кабинет Склянского.

— Сергей Сергеевич, — Склянский выходит из-за стола. — Поехали.

Садятся в машину. Автомобиль трогается.

— Куда мы едем? — спрашивает Каменев.

— К Ленину.

Ленин встречает Каменева приветливо.

— Здравствуйте, Сергей Сергеевич. Пожалуйста, несколько слов о положении Восточного фронта.

— Владимир Ильич, командованием Восточного фронта была разработана оригинальная, на мой взгляд, операция. Ее идея — удар с юга во фланг противнику с глубоким охватом в центре. Общим итогом первого этапа контрнаступления наших войск южнее Камы является прорыв колчаковского фронта в полосе 500 километров и переход стратегической инициативы к войскам Восточного фронта на самаро-уфимском направлении, которое является главным. Очень красивая операция, Владимир Ильич.

— Товарищ Каменев, — Ленин с любопытством смотрит на Сергея Сергеевича, увлекшегося объяснением достоинств операции. — Красивая операция или нет, по-моему, не столь важно. Главное — разбить Колчака. Покончить с ним. А для этого надо все рассчитать, предусмотреть, увязать все нити большого фронтового организма в единый узел управления и потом пустить машину в ход.

— Да, Владимир Ильич, это так. Но я человек военный и уж, простите меня, чувствую и красоту, особую красоту операции, которая определяется ее логикой, цельностью, завершенностью формы.

Каменев появляется в вагоне поезда возбужден-

ный и радостный. Встреча с вождем революции произвела на него огромное впечатление.

— Варя! — кричит он прямо с порога. — Я говорил с Лениным! Ильич слушал меня!

— Сережа!.. А твой вопрос? Решен?

— Об этом разговора не было.

Кабинет Ленина в Кремле. Владимир Ильич разговаривает со Склянским.

— Да, Владимир Ильич, Гусев представил в Реввоенсовет Республики особый доклад, в котором считает план нового командующего Самойло несостоятельным. По его мнению, выполнение плана Самойло ослабит центр Восточного фронта, обнажит главное, самаро-уфимское, направление и задержит разгром Южной группой основных сил Колчака.

— Что можете вообще сказать о Самойло?

— Это бывший командующий 6-й Отдельной армией. Нужно признать, дела по управлению войсками Восточного фронта у него идут неважно. Уже допущен ряд ошибок. Он приказал Фрунзе приостановить наступление Южной группы. Фрунзе выполнил этот приказ, и Волжский корпус противника избежал разгрома. А ведь с занятием Белебея возникли условия для преследования и полного разгрома Западной Армии и Волжского корпуса.

Вокзал. Салон вагона. Каменев с семьей обедает. Он принес паек — хлеб, колбасу, морковный чай, сахар-рафинад. И изголодавшаяся семья блаженствует. Наташа ест черную, как смоль, колбасу и причмокивает. Каменев выпил чашку чая.

— Будешь еще? Налить?

— Да, пожалуйста.

— Сейчас, — Варвара Федоровна выходит из салона и вскоре возвращается с комендантом вокзала.

— Извините, товарищ Каменев, — говорит комендант, — вас снова вызывают в Реввоенсовет к товарищу Склянскому. Машина ждет.

Кабинет Склянского.

— Возвращайтесь в Симбирск и вступайте в командование Восточным фронтом.

— Как я могу это сделать?

— Реввоенсовет Восточного фронта обратился к

Владимиру Ильичу с ходатайством о восстановлении вас в прежней должности. Вопрос решен. Но вы правы — нюанс тут есть. Поезжайте в Серпухов, в Ставку Главкома. Представьтесь ему в связи с восстановлением в должности. В Серпухов поедете в вагоне Жигмунта. Я распоряжусь.

— А Троцкий?

— Решение принято. Реввоенсовет уже отдал директиву Главкому.

Серпухов. Ставка Главкома. Каменева принял Главнокомандующий всеми вооруженными силами Республики И. И. Вацетис.

— Я надеюсь, вам все ясно. Возвращайтесь в Симбирск. Приказ о вашем назначении на должность командующего Восточным фронтом уже подписан.

— У меня один вопрос. За что меня сняли с должности?

— А вы не знаете?

— Даже не догадываюсь.

— За вашу недисциплинированность. Приказы издаются для того, чтобы их выполнять. Тем более приказы Главного командования. Советую вам на будущее избегать конфликтных ситуаций. Сегодня вам, прямо скажем, повезло. Но в будущем вы можете жестоко поплатиться за подобные действия.

—Я не знаю за собой никакой вины. Протестую против обвинений.

Штаб Восточного фронта. Работает аппарат телеграфной связи. У аппарата С. И. Гусев. Лента течет у него в руках.

«Симбирск
Реввоенсовет Востфронта
Гусеву, Лашевичу, Юреневу

По вашему настоянию назначен опять Каменев. Если мы до зимы не завоюем Урала, то я считаю гибель революции неизбежной. Напрягите все силы. О каждом трении Каменева со штабом своевременно телеграфируйте мне шифром... Следите за политработой... Не увлекайтесь оперативной стороной.

Ленин»

Штаб Колчака. На совещании присутствуют командующие армиями, командиры корпусов, оператив-

ные работники. Здесь же английские советники во главе с генералом Ноксом.

— Господа, я хочу обратиться к вашей совести,— говорит Колчак русским генералам. — Мы успешно начали наступление, а сейчас нас, извините за резкое слово, громят. Даже офицерские части под ударами красных бегут. Против нас действует лапотная армия. Голодная и раздетая. У них одна винтовка на троих! Армиями командуют прапорщики. Позор, господа! Мне стыдно перед союзниками, перед генералом Ноксом, который бог весть что о нас теперь думает. Мы, получив от них боевую технику, оружие, снаряжение, которые, я подчеркиваю, господа, стоят огромных денег, не оправдываем надежд, выглядим сущими паразитами на теле Антанты. Где исконный русский боевой дух? Где любовь к Отечеству?! Где ваша совесть, господа?! Где, наконец, военное искусство?! Я прошу вас иногда поворачивать голову налево и направо и бросать взор на свои плечи. У вас там генеральские эполеты. Генеральские, а не прапорщика или поручика! В русской армии генеральский чин просто так, за красивые глаза, не давался никому. Так извольте соответствовать! Сейчас судьба Отечества требует от вас действия! И пусть делом чести каждого из вас будет разгром войск Каменева, этого «красного бонапарта». Каменев достойный противник, господа. И прошу не строить на его счет никаких иллюзий. Только мастерство, только искусство управления, тесное взаимодействие, боевой порыв обеспечат успех. Остальное у нас все есть!

Колчак и Нокс вдвоем. Сидят в креслах у изящного столика. Пьют кофе с коньяком.

— Я давно изучаю русский вопрос, — говорит Нокс, — и сделал для себя некоторые открытия.

— Любопытно, — Колчак с деланным интересом смотрит в глаза английскому генералу.

— Я все больше прихожу к мысли, что мы просто сжигаем деньги в камине, безрассудно, как умалишенные. Ничего из этой большой затеи, которая называется «белое движение», не выйдет. Революцию в России нам...

Колчак дергает плечом.

— Я не оговорился, — продолжает Нокс, — нам,

экселенц, Антанте, — не одолеть. Вы лишь инструмент в наших руках, извините за откровенность. Так вот, если 150 миллионов в России не хотят старых порядков, то тут уж ничего не сделаешь. А налицо факт — народ России возвращаться к старому не желает. В этом гвоздь проблемы и ответы на многие ваши вопросы.

6 июня 1919 года. В штаб Восточного фронта поступила директива Главкома, суть которой в том, чтобы прекратить наступление, перейти к обороне на рубеже рек Белая и Кама, высвободившиеся силы направить на Западный и Южный фронты. Реввоенсовет фронта обсудил ее.

— Считаю директиву Главкома крупнейшей фатальной ошибкой, которая нам может стоить революции, — говорит Гусев.

— Наступление надо продолжать, чтобы нанести окончательное поражение армиям Колчака, — поддерживает Гусева Лашевич.

— Целиком разделяю вашу точку зрения. Разработанный командованием и штабом фронта план отвечает обстановке, реален, соответствует ленинским указаниям. Надо его отстаивать. Сказать прямо Троцкому и Главкому, что с их решением мы не согласны.

— Сергей Сергеевич, но ведь это очередной конфликт с Главным командованием, — говорит Лебедев.

— Дело революции дороже, чем собственное благополучие. Я попытаюсь по прямому проводу переговорить с Главкомом.

Каменев у аппарата.

Вацетис. Ухудшилось положение под Питером. Враг прорвался на юге. Белополяки активизировали свои действия на Западном фронте — стремятся захватить Литву и Белоруссию. Речь идет о судьбе революции. Резервов нет. Вот почему принято такое решение.

Каменев. Реввоенсовет фронта по существу вашей директивы № 2192/оп от 6 июня возражает.

Вацетис. Сергей Сергеевич, нам здесь все-таки вид-

нее. Вы руководствуетесь интересами только своего фронта, а мы — целями и задачами всей войны.

Каменев. Мы руководствуемся интересами революции. Вот почему настаиваем на отмене директивы и на утверждении нашего плана.

Вацетис. Директива остается в силе. За невыполнение — трибунал.

Каменев. Реввоенсовет оставляет за собой право обратиться лично к Ленину.

Москва. Кремль. Ленин говорит находящемуся в его кабинете Склянскому.

— Пленум ЦК, тщательно взвесив все мнения, пришел к выводу, что, несмотря на тяжелое положение на юге страны, наступление на Восточном фронте необходимо продолжать.

— Командование и штаб Восточного фронта уже представили Главкому план наступательных операций по освобождению Урала.

— В чем его существо?

— В плане предусматривается перенести главные усилия фронта на златоустовское направление против Западной армии. В остальном все планируется так, как было разработано еще 6 июня.

— Что Главком?

— Троцкий и Вацетис предполагают большие трудности предстоящих операций. Сомневаются в реальности плана, тем более что после переброски определенного количества частей на другие фронты силы Восточного фронта ослабнут.

— Наступление на Востоке Республики надо развивать.

— Вацетис твердо стоит на своем, вплоть до отставки.

— Ну, если так, отставку примем. 3—4 июля Пленум ЦК. Там все и решим. Да, ставку Главкома из Серпухова следует перевести в Москву.

Москва. 3 июля 1919 года. Работает Пленум Центрального Комитета партии. Выступает Ленин.

— Я предлагаю, — говорит он, — назначить на должность Главнокомандующего всеми вооруженными силами Республики товарища Каменева Сергея Сергеевича. Он хорошо зарекомендовал себя, командуя Восточным фронтом.

Слово берет Троцкий.

— Я хочу прояснить ситуацию. Каменев — недисциплинированный военачальник. Он дважды не выполнил приказы Главного командования. Поставил их под сомнение. Второй раз — после возвращения на должность командующего Восточным фронтом. И хотя он нашел поддержку в ЦК, считаю его действия проявлением анархизма, самоуправства. Именно поэтому возражаю против назначения Каменева Главкомом.

— Ставлю предложения на голосование в порядке их поступления, — говорит председательствующий. — Кто за предложение товарища Ленина — назначить товарища Каменева Главнокомандующим всеми вооруженными силами Республики?

Большинство членов ЦК за предложение Ленина.

Троцкий взбешен. Он вскакивает, уходит, хлопая дверью.

Кабинет Ленина в Кремле. Горит зеленая настольная лампа. Владимир Ильич пишет письмо Надежде Константиновне. На бумагу ложится строка: «От замены Главнокомандующего Вацетиса Каменевым (с Востфронта) жду улучшения...»

Владимир Ильич встает, подходит к окну. Задумчиво смотрит в темноту ночи.

Кабинет Ленина в Кремле. Утро. Владимир Ильич просматривает свежие газеты. Входит Троцкий.

— Владимир Ильич, я настаиваю на своей отставке с поста председателя Реввоенсовета Республики.

— Лев Давидович, здравствуйте, проходите, садитесь.

— Я не могу мириться...

— Вы должны, обязаны подчиниться партийной дисциплине. Политбюро отставку вашу не приняло, обязало вас оставаться на большом и ответственном посту. И руководить вооруженными силами.

— Но со мной не считаются. Мнение мое ничего не значит. ЦК поддерживает командующих, игнорирует выводы Главного командования и мои, наконец.

— Лев Давидович, революции угрожает смертельная опасность. И, принимая решения, нельзя ошибаться. А чтобы этого не случилось, обстановку необ-

ходимо анализировать не только глядя из центра. Важно также чутко прислушиваться к мнению командующих фронтами и армиями, членов Реввоенсовета.

— Но Каменев неуправляем. Ведь он уже, я говорил об этом на Пленуме, второй раз поставил под сомнение мой оперативный авторитет и авторитет Главкома Вацетиса.

— Вы считаете, что наши командующие не должны иметь свое мнение, собственный взгляд на обстановку?

— Но если отдан приказ, Владимир Ильич, в армии его полагается выполнять.

— Лев Давидович, нам бы побольше таких командующих, как Каменев — смелых, решительных, которые готовы защищать истину, не думая о себе, о том, чем это для них может обернуться. Доблесть высших руководителей должна проявляться в признании собственных ошибок. А амбиции, честолюбие, вера в собственную непогрешимость — недопустимы. Иначе можно погубить революцию.

— В данном случае ошибки нет. Я и сейчас остаюсь на прежних позициях. Надо разбить противника на юге, а потом вновь продолжать борьбу на востоке.

— Сожалею, Лев Давидович, что не встретил с вашей стороны понимания.

— Я, как и Каменев, имею право на собственный взгляд.

Поезд Троцкого. Салон вагона.

Входит порученец.

— Радиограмма от командующего Южным фронтом, — говорит он. — Прикажете зачитать?

— Все телеграммы и радиограммы направляйте Склянскому. Меня избавьте от всего этого.

— Слушаюсь.

— Вот здесь, — Троцкий подает лист бумаги, — список книг, которые я прошу подобрать для меня в Москве. Пошлите человека. И сделайте все без промедления.

Склянский по телефону докладывает Ленину.

— Все оперативные документы идут ко мне из поезда товарища Троцкого, — говорит Склянский. —

без всяких резолюций. Это явный признак того, что председатель Реввоенсовета Республики самоустранился от руководства войсками.

— Похоже на демонстрацию протеста?

— Да, Владимир Ильич.

— Вот что, Эфраим Маркович, сохраняйте спокойствие. Как у вас строятся взаимоотношения с новым Главкомом Каменевым?

— На основе доверия и уважения.

— Вот и хорошо. Работайте дружно. А Троцкий покипит, покипит, да и остынет.

Деникин призвал контрреволюционные силы к походу на Москву. В тылу деникинских войск проводится насильная мобилизация. Всех, кто противится этому, подвергают экзекуции, пытающихся уклониться — расстреливают.

В тылу врага горят высокие костры. Началась эпидемия холеры. В лазареты поступают все новые и новые партии больных.

Деникинцы грабят население. Мародерство, насилие, произвол достигли своего апогея.

В стане Деникина вспыхивают мятежи. Рядовые казаки не желают продолжать братоубийственную войну.

Штаб Деникина. Говорит Деникин.

— Я принял решение разгромить войска 12-й и 14-й армий красных на Правобережной Украине, захватить нижнее течение Днепра. Это даст нам возможность надежно обеспечить левый фланг Добровольческой армии. Вам, генерал Шиллинг (генерал встает и вытягивается в струну), приказываю при содействии сил Черноморского флота овладеть в кратчайший срок Херсоном и Николаевом и выйти на линию Вознесенск, Раздельная, овладеть Одессой. Это даст возможность создать серьезную угрозу левому флангу и тылу 12-й армии. А затем мышеловку мы захлопнем. Садитесь, генерал, — обращается Деникин к Шиллингу и продолжает: — В настоящее время мы имеем все возможности для того, чтобы покончить с красными на Юге и выполнить высокую миссию — взять Москву. Я прошу, господа, довести это до офицеров и казаков. На алтарь свободы Отечества от больше-

виков мы обязаны положить все, что имеем, в том числе и наши жизни.

Москва. Ставка Главкома. Сюда поступила телеграмма В. И. Ленина: «...обороняться до последней возможности, отстаивая Одессу и Киев, их связь и связь их с нами до последней капли крови».

Каменев по прямому проводу разговаривает с командующим Южной группой 12-й армии И. Э. Якиром.

— Одессу и Киев не сдавать. Это распоряжение Ленина. Сделайте все, чтобы деникинцы не соединились с петлюровцами, и объедините вокруг себя трудящихся юга Украины для борьбы с противником.

Москва. Кабинет Каменева. Входит начальник Полевого штаба РВСР Лебедев.

— Сергей Сергеевич, Южная группа Якира вышла в район Сквира, Белая Церковь и установила радиосвязь со штабом 44-й стрелковой дивизии.

— Поставьте ей задачу перерезать железную дорогу Бердичев — Житомир, занять Житомир и соединиться с частями 44-й стрелковой дивизии.

Легковой автомобиль, в котором Каменев и Лебедев, въезжает в Боровицкие ворота Кремля.

Каменев и Лебедев идут длинными и узкими коридорами, поднимаются в лифте.

Кабинет Ленина. Владимир Ильич встречает военных приветливо. Каменев раскладывает карту на столе.

— Позвольте доложить вам, Владимир Ильич, план операции по разгрому войск Деникина.

— Да, пожалуйста.

— Главный удар будет нанесен не правым крылом Южного фронта, как это предполагалось раньше, а левым крылом фронта. Переход в контрнаступление намечается в середине августа. К этому времени планируется сосредоточить на левом крыле Южного фронта Особую группу под командованием Шорина. В состав Особой группы будут включены 9-я и 10-я армии; 28-я стрелковая дивизия бывшего Казанского укрепрайона и 25-я стрелковая с бригадой Саратовского укрепрайона; три полка Самарской крепостной

бригады; бригада К. Х. Аргира и 56-я стрелковая дивизия из резерва командующего Южным фронтом. Кроме того, предусматривается проведение ряда частных наступательных операций: 14-й армией — по овладению Екатеринославом и Харьковом, 8-й армией — на воронежском направлении, 9-й армией — на балашевском и еланском и 10-й армией — на камышевском направлениях.

— Позаботьтесь, товарищ Каменев, об обеспечении войск всем необходимым. Постоянно помните о политработе. Проверьте укомплектованность частей людьми. Где некомплект — укомплектуйте. Проведите ускоренный курс обучения мобилизованных. В бой необученных людей не посылать! — и обращаясь к начальнику штаба: — Товарищ Лебедев, все ли соединения, штабы, разумеется, имеют радиосредства?

— Нет, Владимир Ильич. Но к началу операции радиосредства будут в каждой дивизии фронта.

— Добейтесь четкого взаимодействия между соединениями и частями, участвующими в операции. — Ленин обращается к Главкому: — Мы имеем печальные случаи, когда... Да вам это хорошо известно. Словом, все продумайте до конца, до деталей. Смоделируйте варианты развития операции. Ведь нередко бывает в планах одно, а в ходе боевых действий все поворачивается по-другому. Исключите роковые неожиданности. Продумайте им противодействие. Разгромить Деникина мы обязаны во что бы то ни стало! Хорошо, что план предусматривает нанесение главного удара в тыл по жизненным центрам казачества, которое одно только давало и дает возможность Деникину создавать серьезную силу.

Главком из своего штаба по прямому проводу разговаривает с командующим Южным фронтом В. Н. Егорьевым.

— Мне непонятны ваши сомнения. И потом, представленный вами план контрнаступления не предусматривает овладение 14-й армией Харьковом и Екатеринославом.

— Я хочу доложить вам, что в ближайшее время войска фронта вообще не смогут перейти в контрнаступление. Мы не готовы. Я доложил об этом председателю Реввоенсовета Республики.

Поезд Троцкого.

— Передайте моему заместителю Склянскому телеграмму, — говорит Троцкий своему помощнику. — Содержание: командующий Южным фронтом Егорьев, член Реввоенсовета Сокольников и начальник оперативного управления штаба фронта Перемытов считают план Каменева неправильным и что при его выполнении нельзя рассчитывать на успех. Прошу ознакомить с телеграммой Ленина, членов Политбюро.

— Будет исполнено.

— Не забудьте к каждой фамилии поставить инициалы.

Помощник щелкает каблуками и галантно наклоняет голову.

Москва. Кремль. Закончилось заседание Политбюро. Ленин говорит Склянскому:

— По прямому проводу прошу передать Реввоенсовету Южного фронта, что считаю опасностью какие бы то ни было колебания в проведении разработанного Каменевым плана борьбы с Деникиным. Подчеркните — Политбюро ЦК РКП(б) вполне признает оперативный авторитет Главкома и требует разъяснить это всем ответственным работникам. Сообщите также о назначении членами Реввоенсовета Южного фронта Смилги, Лашевича и Серебрякова.

20 сентября 1919 года. Противник овладел Курском. В городе белый террор.

Москва. 21 сентября 1919 года. Работает Пленум ЦК РКП(б). О военном положении, сложившемся после потери Курска, и соединении конницы Мамонтова и Шкуро в районе Воронежа докладывает Главком Каменев.

— Главное командование считает, что для отражения наступления белогвардейских войск на Орел, Тулу и Москву можно применить один из двух возможных способов. Первый — продолжать выполнять проводимый план, то есть развивать наступление левым крылом фронта на Дон и Кубань и одновременно сдерживать наступление противника в курско-воронежском районе теми силами и средствами, которые удастся там сосредоточить, но никак не за счет Особой группы Шорина. Второй — отказаться от этого

плана и сосредоточить на угрожаемом участке фронта в районе Орла и Воронежа крупные силы, взятые из Особой группы.

— Я думаю, — говорит Ленин, — что следует оставить в силе действующий план. Но, учитывая значительное продвижение белогвардейцев на курском направлении, целесообразно перебросить с Западного фронта на Южный Латышскую стрелковую дивизию и кавалерийскую бригаду Червонного казачества. С Северного фронта, то есть из 6-й Отдельной армии и Петроградского участка Западного фронта, — максимальное количество войсковых частей; перевести со всех фронтов на Южный фронт большое число ответственных работников — коммунистов и лучших представителей командного состава; образовать при Политуправлении РВСР комиссию по мобилизации коммунистов и им сочувствующих; составить воззвание от имени Совета Обороны и ВЦИК ко всему трудовому населению о необходимости напрячь все силы.

Орел. Ожесточенные уличные бои.

Советские части под напором численно превосходящих сил врага отходят.

Командир корниловской дивизии, занявшей Орел, говорит своему начальнику штаба:

— Запросите, что делать с генералом Станкевичем?

— Слушаюсь.

— Генерала Станкевича доставить ко мне, сюда.

Начальник штаба, щелкнув каблуками, уходит.

В комнату вводят начальника 55-й стрелковой дивизии Станкевича. На нем изорван мундир, на лице, руках следы пыток.

— Вы свободны, — говорит командир дивизии сопровождающим.

— Вот и встретились, господин генерал. Вы, конечно, такой встречи не ждали.

— Такой нет.

— А судьбе было угодно. И тут уж ничего не поделаешь. Провидение жестоко наказывает измену. Я не могу понять, как вы могли, интеллигент, дворянин, генерал русской армии, продаться большевикам, уйти в революцию, которая вас лишит всего, а главное — чести и достоинства русского гражданина. Не-

постижимо! Просто чудовищно, до чего же вы, прекрасный тактик, оказались опрометчивы, недальновидны, просто слепы.

— Я сам выбрал свою судьбу и считаю выбор свой правильным, — говорит Станкевич. — Я с народом, а вот вы с кем? Вы тоже, в прошлом хороший тактик и офицер, превратились в мародера и мясника, заурядного палача. Сколько крови вы пролили, невинной крови?! Скольких обобрали, обездолили, изувечили?! И вы думаете, вам это простят? Вы сможете жить с такой совестью, черной и залитой кровью?! Куда бы вы не спрятались, а вам придется это сделать, если, конечно, вас не убьют в бою, вы не сможете жить. Вас задушат кошмары.

— Не мы начали эту смуту. Мы защищаем Родину. Караем смутьянов и тех, кто поднял их на варварство. Мы творим божий суд, а божий суд, как известно, страшен. Правда на нашей стороне.

— Нет. И вы это прекрасно знаете. Правды у вас нет. И это самое ужасное.

Входит начальник штаба и передает записку командиру дивизии. Тот быстрым взглядом охватывает ее текст.

— Извините, но я должен прервать столь занимательную беседу, — говорит командир дивизии Станкевичу. — Очень сожалею, но сейчас вас повесят... на серебряных аксельбантах. За вашу подлую измену вас полагалось бы четвертовать. Но мы великодушны. Кстати, такие же серебряные аксельбанты ждут и вашего Главкома — Сергея Сергеевича Каменева. Полагаю, случится это скоро. Вот возьмем Москву. Прощайте.

Орел. Белый террор достиг апогея.

Людей расстреливают, вешают, сжигают на кострах, рубят шашками.

Капитан Сокольский всему этому свидетель. Он потрясен.

В ресторане он пьет вместе с другими офицерами, пьет, чтобы оглушить себя, забыться.

— Господин капитан, а вы что-то без особого усердия сегодня потрудились, — говорит юный прапорщик.

— Врага я уничтожаю в бою, честном и правом.

А для таких дел у нас молодцов хватает. Вот вы, например.

— Это уж точно. Только врага надо уничтожать везде, где с ним столкнешься.

— Вы хоть раз ходили в штыковую атаку? Так, чтобы штык в штык?

— К чему этот вопрос? Я не трус.

— Вот когда доведется испытать такое, да еще выйти из схватки живым, тогда и поговорить можно. А пока пейте, прапорщик. Пейте!..

13 октября 1919 года. В районе Московского (юго-восточнее Воронежа) во встречном сражении сошлись конный корпус Буденного и белоказачьи корпуса. С обеих сторон в нем участвуют 17 тысяч сабель, пехотные части. Кровавое побоище звенит сталью клинков, гремит разрывами снарядов, треском пулеметных очередей и винтовочных залпов. Волна накатывается на волну. Вихрем несутся взмыленные лошади с разгоряченными боем седоками. Пулеметные тачанки Буденного выскакивают на фланги противника и разят его кинжальным огнем.

В сражение вводятся резервы с той и другой стороны. Пехота залповым огнем сбивает кавалерийскую атаку. В штыковой схватке сходятся пехотинцы.

Удар штыком получает юный прапорщик, тот, что разговаривал с Сокольским в ресторане. Расширенные дикой болью глаза, и в них — опрокинутое небо.

Рубится в кровавой сечи и Семен Михайлович Буденный.

Противник дрогнул. Советские кавалеристы теснят его к Воронежу.

Москва. Под председательством В. И. Ленина заседает Политбюро ЦК РКП(б).

— Под угрозой захвата Тула. Здесь куется оружие для Красной Армии. Это последний город на подступах к Москве, — говорит Владимир Ильич. — Обострилась обстановка под Петроградом. К колыбели нашей революции приближается белогвардейская Северо-Западная армия. Еще никогда мы не переживали такой смертельной опасности. Враг угрожает двум главным политическим и экономическим центрам Страны Советов — Москве и Петрограду. Счи-

таю — Тулы и Москвы и подступов к ним не сдавать. Петрограда не сдавать. Перейти к обороне на Юго-Восточном фронте с задачей не позволить деникинцам соединиться с уральскими белоказаками и освободить часть сил для защиты Тулы и Москвы. Еще раз пересмотреть вопрос о возможности помощи с Западного и Туркестанского фронтов для усиления Южного фронта. Прошу Главкома высказаться по существу принимаемых Главным командованием конкретных мер для отпора врагу.

— Части 6-й кавалерийской и 12-й стрелковой дивизий ведут демонстративную атаку на Воронеж с востока.

Штаб Шкуро.

Генерал отдает приказ:

— Снять с левого фланга три полка и подтянуть к Воронежу.

Штаб Буденного.

— Генерал Шкуро ослабил свой левый фланг, — говорит Семен Михайлович. — После артиллерийской подготовки наносим удар по ослабленному флангу и начинаем продвигаться к городу.

Воронежские трудящиеся в ночь на 24 октября захватывают вокзал, почту, телеграф, водонасосную станцию.

Бой идет в городе. К вечеру Воронеж очищен от врага. Власть в городе переходит в руки ревкома. Над городом развевается красный флаг.

Москва. Кабинет Главкома. Два часа ночи. Каменев работает над оперативными документами. Открыта дверь в особую комнату, где на широком столе лежат карты фронтов с суточной отметкой местонахождения наших частей.

Открывается дверь кабинета, и входит Владимир Ильич в сопровождении Склянского.

Каменев энергично поднимается из-за своего рабочего стола и выходит навстречу Ленину.

— Здравствуйте, Сергей Сергеевич. Над чем трудится Главное командование?

— Прошу, Владимир Ильич. — Каменев приглашает Ленина в особую комнату.

Владимир Ильич, Склянский и Каменев останавливаются у стола с картами.

— Главное командование Красной Армии совместно с командованиями фронтов работает над претворением в жизнь постановления ЦК РКП(б) от 14 ноября. Первая часть задачи, поставленная Политбюро, — взятие Харькова — выполнена. Теперь предстоит осуществить ее вторую часть — овладеть Донбассом. Кроме того, в кратчайший срок выйти к нижнему течению Дона, чтобы перекрыть пути отхода противника на Северный Кавказ и создать условия для его освобождения. Разработаны планы проведения Донбасской операции силами Южного фронта и Богучаро-Лихайской операции силами Юго-Восточного фронта. Войска фронтов приступают к выполнению поставленных задач после овладения Купянском, то есть после 16 декабря.

— Обратите внимание на обеспечение войск всем необходимым и на политработу. Обеспечьте личный пример коммунистов и им сочувствующих.

— Будет исполнено.

Каменев на позициях стрелкового полка. Идет по траншее. Его сопровождает командир полка.

Из-за угла траншеи навстречу Каменеву делает шаг статный широкоплечий человек.

— Командир первого батальона Сокольский, — докладывает он.

— Сокольский?

— Так точно.

— Лучший наш комбат, товарищ Главнокомандующий, — говорит комполка. — Из военспецов. Добровольно перешел на сторону Советской власти.

— Значит, решили все для себя.

— Решил, Сергей Сергеевич. И за все, что было, — прощение прошу.

— Да, чего уж там. А тогда, в Симбирске, ночью ваши дружки вас прихлопнуть хотели. Наша контрразведка взяла генерала Мугабу и подполковника Зудина. Обо всем рассказали.

— Я, конечно, догадывался, чьих это рук дело. Но точно, разумеется, не знал. Спасибо, что сказали.

— Ну, война еще не окончена. А судьба человека на войне — особая судьба. Мне очень хочется, чтобы вы, пройдя через ее огонь, остались живы для гряду-

щей справедливой, чистой и светлой, по-настоящему красивой жизни.

1920 год. Август. Советская Республика отражает агрессию буржуазно-помещичьей Польши.

Войска Западного фронта (командующий М. Н. Тухачевский) преследуют противника. Войска Юго-Западного фронта (командующий А. И. Егоров) проводят Львовскую операцию.

Каменев разговаривает по прямому проводу с Егоровым.

— Между вами и Тухачевским в силу того, что фронты наступают по расходящимся направлениям, образовался разрыв и нарушено взаимодействие. Приказываю вам временно наступление на Львов прекратить, 12-ю и 1-ю Конную армии передать Западному фронту, который приступает к нанесению решительного удара для разгрома противника и овладения Варшавским районом.

— Сергей Сергеевич, в данный момент сделать этого не можем, — отвечает Егоров. — Мы просим оставить 1-ю Конную в составе фронта. Армия втянута в бои за Львов, Рава-Русскую, и уже невозможно изменить ей задачу.

Рядом с Егоровым у аппарата стоит член Реввоенсовета Юго-Западного фронта И. В. Сталин.

— Сергей Сергеевич, — говорит он, — обстановка действительно такова, что в настоящий момент мы не в состоянии выполнить этот приказ.

— Я настаиваю на этом. Нацельте 12-ю армию на Люблин. Это даст нам впоследствии полную возможность разобщить Северную группу противника от Южной. Ввиду изложенного заставьте командарма 12-й, не теряя ни минуты, перейти к решительному выполнению своей новой задачи.

Польша. Варшава. Штаб главнокомандующего польской армией. План предстоящей операции докладывает начальник генерального штаба. При заслушивании присутствуют маршал Польши Пилсудский, генералы Галлер, Рыдз-Смиглы и другие.

— Таким образом, силами Северного фронта планируется измотать и обескровить основную группировку Западного фронта, войсками Среднего — нанести ему контрудар с юга во фланг и в тыл, затем перейти

в общее наступление и разбить советские войска на варшавском направлении. Это все.

Пилсудский задумчив. Подходит к окну. Смотрит на увядающую зелень.

— В мае мы ударили кулаком по воздуху. Но на этот раз все должно получиться. План хорош. И, как мне думается, наш удар явится полной неожиданностью для Советов. Они опьянены своими успехами, считают победу у себя в кармане. Но Польша еще не погибла. Она еще заявит о себе, как делала это всегда в час самых суровых испытаний. Меня беспокоит Каменев. Он отдал приказ остановить Львовскую операцию. Что он задумал? ЧТО?!

Начальник штаба, генералы и оперативные работники замерли по стойке «смирно». Никто из них не решается ответить на вопрос.

— Думаю, мы сумеем опередить. А главное, наш ход — полная неожиданность для противника.

Каменев разговаривает по прямому проводу с Тухачевским.

— Здравствуйте, Михаил Николаевич. Как вам рисуется обстановка, не внушает ли она опасений дальнейшего развития?

— Здравствуйте, Сергей Сергеевич. По перехваченным директивам противника видно, что в Люблинском районе, между Вислой и Вепржем, сосредоточивается свежая армия для удара на север. Задача 3-й армии — обеспечить это сосредоточение, выиграв время до 18 августа. Таким образом, переброска Буденного стала полной необходимостью. А от Конармии сведений нет. Приказ о переброске вручен Буденному сегодня утром.

— О значении Люблинского района я вам говорил еще в Минске и предостерегал затем, после продвижения всего вашего фронта на север, главным образом я опасался подъема 16-й армии. Еще 11 августа я отдал распоряжение о перегруппировке армии Буденного. В силу очень неприятных событий эта перегруппировка еще не началась, и сегодня нет уверенности, что она начнется завтра, так как реввоенсовет Конной армии получил вашу директиву за одной вашей подписью, не уверен в ее правильности и требует заверения члена реввоенсовета, что и сделайте безотлагательно,

дабы это распоряжение получило категорическую твердость.

— Откуда у вас сведения о невыполнении Конной армией моей директивы о переброске? Директива подписана по всем правилам искусства.

— Получена записка от Минина, который сомневается в правомочности этой директивы, якобы подписанной только вами. Об этом я вам уже послал телеграмму.

Поляки нанесли удар по Западному фронту Тухачевского Северным и Средним фронтами. Наши соединения с тяжелыми боями отступают. Действуют конница польской армии, авиация. Жестокие бои, кровопролитные схватки. Рукопашные бои.

Кабинет Ленина в Кремле. Ленин говорит Склянскому:

— Я уже писал вам — Главком не смеет нервничать. Говорить об ускорении перемирия, когда неприятель наступает, — идиотизм. Раз поляки перешли по всей линии в наступление, надо обдумать контрход: военные меры. Мы, разумеется, будем продолжать борьбу за установление мира с Польшей. Но вы знаете, что начавшиеся в Минске мирные переговоры прерваны. Польша саботирует советские мирные предложения. А почему? Военное счастье переменилось.

— Мне все ясно, Владимир Ильич.

— И проинформируйте о моей позиции Троцкого. Я считаю, что военное ведомство допустило на польском фронте серьезные просчеты. Военные работники партии могли бы подсказать ЦК, что сил для большого наступления не хватит и поэтому правильнее остановиться на этнографической границе Польши, обеспечив тем верную победу. Ну, а теперь придется пожинать плоды наших промахов.

Москва. Работает IX Всероссийская партийная конференция. Ленин закончил выступление с политическим отчетом Центрального Комитета РКП(б). Делегаты бурными аплодисментами приветствуют вождя революции. Объявляется перерыв. Владимир Ильич встречается со Склянским.

— Я прошу вас, товарищ Склянский, представить мне записку о ходе подготовки операции против Врангеля.

— Я займусь этим сегодня же, Владимир Ильич.
Кабинет Ленина в Кремле. Здесь — Склянский.

— Я прочел вашу записку и страшно расстроился, — говорит Ленин. — Выходит, наступление на Крым отложено до 27 октября?!

— Да, Владимир Ильич.

— А есть ли об этом решение РВСР?

— Есть. Наш железнодорожный транспорт не справляется с переброской войск в район сосредоточения. 1-я Конная армия своим ходом совершает 600-километровый марш.

— Но Главком мне хвастал, что 10 (или 8) октября у него все будет готово для наступления. Значит, наврал? Выходит, все расчеты Главкома ни к черту негодны и еженедельно меняются, точно у невежды! Крайне опасные шатания! Эти же вопросы я задаю Троцкому. Вот текст телеграммы. Прошу немедленно передать! Где сейчас Каменев?

— В Харькове. Лично руководит переброской войск.

— А когда решили дать на Южный фронт Буденного? Ведь и без него обещали втрое больше сил.

— Владимир Ильич, без 1-й Конной армии Южный фронт не может начать наступление, так как иначе превосходство в коннице будет на стороне противника. С 24 часов 26 сентября 1-я Конная перешла в резерв Главкома. 30 сентября Главком приказал командующему 1-й Конной совершить марш и сосредоточиться в районе Кременчуг, Елисаветград. Затем ей будут даны новые маршруты. После сосредоточения 1-й Конной на Южном фронте она поступит в оперативное подчинение Фрунзе.

— Хорошо. Телеграмму Троцкому отправьте.

1920 год. Рига. 12 октября. Между Советской Россией и Украиной, с одной стороны, и Польшей — с другой, подписывается договор о перемирии и предварительных условиях мира.

Удар армий Южного фронта. Действия конницы в Северной Таврии.

Красные воины штурмуют Турецкий вал, который Врангель объявил неприступным. Действительно, так-

тическая плотность здесь высочайшая: на 1 километр фронта 125—130 штыков и сабель, 15—20 пулеметов, 5—10 орудий. Но наши бойцы уверенно продвигаются вперед.

Рукопашная схватка в траншеях, бой на позициях артиллерийских батарей, уничтожение пулеметных расчетов, преодоление инженерных сооружений, фланговые удары — из этих и многих других элементов слагается общая картина сражения.

Передается телеграмма М. В. Фрунзе В. И. Ленину, ЦК РКП(б), ЦК КП(б) Украины и Совнаркому Украины о завершении разгрома Врангеля.

1921 год. Братцево. С. С. Каменев, его жена и дочь приглашены на ужин к начальнику Генерального штаба Красной Армии П. П. Лебедеву. Среди гостей Ф. И. Шаляпин.

— Федор Иванович, я и вот Варвара Федоровна — старейшие почитатели вашего таланта, — говорит Каменев. — Притом с юных лет. Что стоило достать билеты на спектакль с вашим участием! Ведь очередь занимали с ночи, зимой разводили костры, чтоб не околеть до утра. А что творилось, когда открывались кассы. Но я билеты доставал. Правда, места всегда были плохие. На галерке, можно сказать, под самым куполом.

— Это где же было?

— В Киевском оперном. Вы приезжали на гастроли. Не пропустил сам, а потом вместе с Варюшей ни одного спектакля с вашим участием.

— Сергей Сергеевич, я чувствую огромную вину перед вами, — смеется Шаляпин и обнимает за плечи Каменева. — Но, думаю, дело поправимо. Вот вам билеты на весь сезон — на оперные спектакли и концерты.

— Спасибо, Федор Иванович, непременно воспользуемся.

Москва. Большой театр. Идет оперный спектакль «Борис Годунов». Поет Ф. И. Шаляпин. В ложе недалеко от сцены — С. С. Каменев, Варвара Федоровна и Наталья Сергеевна. Шаляпин, как всегда, потрясает своим мастерством, и весь огромный зал слушает его, затаив дыхание.

Крупным планом лицо Сергея Сергеевича. На нем гамма чувств.

Голос диктора:

— Впереди у него еще были многие годы плодотворной, творческой жизни. Он возглавит процесс реорганизации армии. Под его руководством будут решаться все вопросы учебы войск. После упразднения должности Главнокомандующего в 1924 году он станет инспектором РККА, а в 1925-м — начальником Штаба РККА, Главным инспектором Рабоче-Крестьянской Красной Армии, начальником Главного управления РККА, 27 мая 1927 года он будет назначен заместителем Наркома по военным и морским делам и заместителем Председателя РВС СССР. С 1 июня 1934 года он — начальник Управления противовоздушной обороны РККА и с 1934 года одновременно член Военного совета при НКО СССР.

В 1936 году в возрасте 55 лет, в расцвете творческих и духовных сил, смерть вырвет Сергея Сергеевича Каменева из рядов пламенных борцов за коммунизм. Здесь, на Красной площади, Вооруженные Силы Советского Союза отдадут последние почести талантливому военачальнику. Его имя будет присвоено многим воинским частям и военно-учебным заведениям. А через год Сергей Сергеевич Каменев будет объявлен «врагом народа».

Но прошли трагические времена. Имя Каменева возвращено народу. И сиять ему вечно в героической истории первого в мире государства рабочих и крестьян.

На экране крупным планом лицо Каменева.

Запомним его таким.

Леонид КРАЙНИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

ПУЛЬС

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

Выпуск третий

Художник *В. А. Колпачников*
Редактор (литературный) *В. В. Квятковская*
Художественный редактор *А. Н. Жданов*
Технический редактор *А. А. Перескокова*
Корректор *Н. И. Музалевская*

Н/К

Сдано в набор 19.02.90. Подписано в печать 17.04.90. Г-41584.
Формат 84×108/32. Бумага тип. № 2. Гарн. обыкн. новая.
Печать высокая. Печ. л. 8½. Усл. печ. л. 14,28. Усл. кр.-отт: 14,7.
Уч.-изд. л. 16,11. Тираж 30 000 экз. Изд. № 1/5600. Зак. 37. Цена 80 к.

Воениздат, 103160, Москва, К-160.
1-я типография Воениздата.
103006, Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3.

80 к.

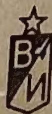
Тайна смерти героя гражданской войны Николая Щорса

●

Генерал Яхонтов: любовь к Отечеству превыше всего

●

Рассекреченный план Пентагона

PHOTOS BY ANDREY G AKA DONUT190